

Т.Б.Алисова

История формирования литературного итальянского языка в XIII – XV вв.

(главы из книги Т.Б.Алисовой, И.И.Чельшиевой «История итальянского языка», М., 2009)

Содержание

ЧАСТЬ IV. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА В XIII-XIV вв. (Алисова Т.Б.).

ГЛАВА 1. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛАТЫНЬ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ИТАЛИИ В XIII-XIV вв.

1. Лексические и синтаксические латинизмы.
2. Стилистическое влияние латинских риторик.

ГЛАВА 2. ФРАНЦУЗСКОЕ И ПРОВАНСАЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ИТАЛИИ. ГАЛЛИЦИЗМЫ, ПРОВАНСАЛИЗМЫ И ПУТИ ИХ ПРОНИКНОВЕНИЯ.

ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В XIII в.

1. Умбрская религиозная поэзия.
2. Сицилийская поэтическая школа.
3. Сикуло-тосканская поэтическая школа и школа «Нового сладостного стиля» (*Dolce stil nuovo*).

ГЛАВА 4. ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА ПРОЗЫ НА ВОЛЬГАРЕ (XIII- СЕРЕДИНА XIV вв.)

1. Счетные книги флорентийских банкиров.
2. Риторическая, дидактическая и научная проза. Переводы с французского и латыни (*volgarizzamenti*).
3. Новеллистика и житийная литература.
4. Хроники.

ГЛАВА 5. ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРОИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

1. Морфология частей речи.
  1. Существительные и прилагательные.
  2. Определенный артикль.
  3. Личные местоимения.
  4. Глагол.
2. Синтаксические особенности староитальянского языка..
3. Лексические особенности староитальянского языка.

ЛИТЕРАТУРА.

ЧАСТЬ V. ОСНОВАТЕЛИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ИТАЛИИ (Алисова Т.Б.)

ГЛАВА 1. ДАНТЕ АЛИГЬБЕРИ (1265-1321)

1. Историко-библиографическая справка.
2. Философские, политические и лингвистические идеи Данте и их лексическое выражение.
3. Лексемы и словоформы в стихах «Новой жизни».
4. Проза «Новой жизни» и «Пира».

5. Лексические и морфологические особенности «Божественной Комедии».

6. Некоторые композиционные особенности «Божественной Комедии».

Литература.

ГЛАВА 2. ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА (1304 - 1374). ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «CANZONIERE».

Литература.

ГЛАВА 3. ДЖОВАННИ БОККАЧЧО (1313-1375). СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА «ДЕКАМЕРОНА» БОККАЧЧО.

Литература.

ЧАСТЬ VI. ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК КВАТРОЧЕНТО (Алисова Т.Б.).

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ИТАЛИИ XV в.

1. Историческая обстановка в конце XIV- начале XV вв.

2. Культурные течения и языковые процессы в Италии XV в.

ГЛАВА 2. ДИСКУССИЯ О ЯЗЫКЕ И СИТУАЦИИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ (МОНОЛИНГВИЗМ – ДИГЛОССИЯ) И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЛЬГАРЕ. ПЕРВАЯ ГРАММАТИКА ФЛОРЕНТИЙСКОГО ВОЛЬГАРЕ XV в.

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА И СТИЛЯ ФЛОРЕНТИЙСКИХ АВТОРОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.

ГЛАВА 4. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ИТАЛИИ И ЯЗЫК ФЛОРЕНТИЙСКИХ АВТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV в.

ЛИТЕРАТУРА.

Часть IV. История становления литературного итальянского языка в XIII-XIV вв.

ГЛАВА 1. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛАТЫНЬ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ИТАЛИИ В XIII-XIV ВВ.

Как известно, средневековая латынь была универсальным письменным языком для большинства стран Европы. Литература на народных романских языках возникла вместе с осознанием национальной самобытности, не укладывающейся в рамки латинских литературных канонов. В Северной Франции и в Провансе эпос, рыцарские романы, нарративная проза, поэзия трубадуров и труверов уже в XII в. позволяют говорить о двух сложившихся языках - французском и провансальском. В Италии же истинным выразителем и хранителем национальной культуры вплоть до конца XV в. была латынь, а римская история и ее герои заменяли итальянцам эпос. Даже во времена раннего Средневековья латинская ученость сохранялась в итальянских городах не только среди духовенства, но и в кругу юристов, риторов, врачей. Сам Карл Великий обучался латыни у итальянца Петра Пизанского.

Центром культивирования и распространения латинского языка была, естественно, папская курия, влияние которой на судьбы итальянского языка было огромно. Светская власть римского папы была упрочена Карлом Великим, который, стремясь найти себе союзника в борьбе с феодалами, передает папе в постоянное владение Равеннский экзархат, отнятый у Византии, и ряд городов, лежащих на пути от Равенны к Риму. Так была образована в IX в. Папская область, разделившая Север и Юг и помешавшая возникновению в Италии единого централизованного государства, и, следовательно, общего языка. Господство, на которое претендовала римская католическая церковь, присвоившая себе право вершить судьбами европейских монархий, находило себе идеальную форму выражения в космополитическом языке - латыни, доставшейся церкви в наследство от Римской империи вместе с воспоминаниями о былом могуществе Рима. Поэтому латынь усиленно культивировалась в приходских церковных школах, в каждом монастыре, при каждом епископском дворе и т.п. Архиепископы обязывают деревенских священников содержать школы и обучать всех, кто хочет учиться. Приходские школы, бывшие бесплатными, объединяли и воспитывали народ в нужном для церкви направлении. Помимо духовной среды, сохранению латыни способствовали также юридические круги, сохранявшие традиции римского права. Особенно известной была болонская юридическая школа, преобразованная в XII в. в университет. Услугами болонских юристов воспользовался Фридрих Барбаросса, когда после победы над Миланом ему удалось навязать северо-итальянским городам свою власть (Ронкальские постановления - 1158 г. Борьба за власть между папой и императорами, начавшаяся после перехода императорского титула к германским монархам, и принявшая наиболее острый характер в конце XI в., при папе Григории VII и, позже, в XII в. при Фридрихе I Барбароссе, пробуждает в итальянских городах дух независимости. Лавируя между папой и императором, крупные города сначала на Севере, а потом и в Тоскане добиваются самоуправления, которое было весьма демократичным. Однако языком администрации и

городского законодательства по-прежнему остается латынь, которую несомненно, понимали довольно широкие слои городского населения (известны даже латинские народные песни и военные гимны, которые пели горожане, защищаясь от врагов). Поскольку представители средних слоев населения принимали участие в управлении городом, они не могли не знать латыни. Об этом свидетельствует дядя и летописец Фридриха I, Оттон Фрейзингенский, который восхищается культурой горожан, сохранивших элегантность латинской речи и обходительность, свойственную древним римлянам (*de gestis Frederici I lib II cap 13*) и удивляется, что в ломбардских городах к наукам и государственным должностям допускаются люди низкого сословия.

Городские статуты вплоть до XIII-XIV в. пишутся по-латыни. Так, знаменитые статуты Болонской коммуны - *Ordinamenti sacri et sacratissimi* (1281 г.), уничтожающие все формы феодальной зависимости и признающие равенство всех людей, также как и сходные с ними по демократизму и радикальности флорентийские *Ordinamenti di giustizia* (1293), написаны по-латыни. По латыни ведутся в XIII в. также и судебные процессы, демократическая сущность которых не вызывает сомнения в том, что они были понятны тем, чьи интересы защищала городская коммуна. Показателен в этом отношении документ конца XIII в., приводимый у Сальвемини [Salvemini 1960, 240]. Речь идет о феодале, оскорбившем и побившем камнями крестьянина Лапо и его мать Лапу: *capiendo caules de terra simul cum petruzzis et terra, ipsam dominam Lapam percussit in vultu contra Ordinamenta Justitie; et de vultu domine Lape sanguis exivit* (обидчик был приговорен к штрафу, который, однако, не заплатил). Помимо народных флорентийских слов (*petruzzis*) «переодетых», в латинскую форму, типично итальянского употребления герундия *capiendo caules*, написания *e* вместо *ae* обычного для средневековой латыни, в этом отрывке интересно применение слова *domina* 'госпожа' к простой крестьянке, показывающее путь изменения значения слова *domina* (итал. *donna*, которое еще у Данте, сохраняло оттенок, а иногда даже прямое значение 'госпожа': *non donna di provincie, ma bordello* [Purg., VI, 78]), связанное с его расширенным применением ко всем социальным группам благодаря стиранию сословных перегородок в городских коммунах. По латыни писались также городские анналы и хроники, очень часто составлявшиеся монахами. Так, в восьмидесятых годах XIII в., т.е. уже после появления первых литературных сочинений в стихах и в прозе на различных диалектах итальянского вольгаре, пармский монах-минорит Салимбене де Адам, уроженец Пармы, пишет по-латыни свою «Хронику», представляющую собой единственный в своем роде документ, где благодаря непосредственности изложения и простоте языка (не всегда правильного и пестрящего итальянскими словами) предстает перед нами конкретная жизнь эпохи. Не отличавшийся религиозным рвением, Салимбене высмеивает фанатиков, верящих в чудеса, рассказывает про них забавные анекдоты в духе Боккаччо, жалуется на тяготы монастырской жизни и бессмысленность многих церковных постановлений, как, например, *dicere XVIII psalmos in dominicali et nocturnali officio ante Te Deum laudamus. Et ita aestive tempore; quando pulices molestant; et noctes sunt breves; et calor intensus; ut yemali non nisi taedium provocat*. Салимбене с удовольствием пересказывает проделки веселых монахов, которые почему-то всегда оказываются флорентийцами. Так, флорентиец *Buoncompagni*, автор *dictamina* - правил риторики - *magnus magister in grammatica in civitate Bononiae*, подшутил над легковерием публики, заявив, что умеет летать. Когда же на площади собралась по его приглашению толпа верующих, чтобы посмотреть на это чудо, он сказал: *Ite cum benedictione divina et sufficiat vobis vidisse faciem Buoncompagni*. Другой монах родом из Флоренции - *Deustesalvet* (итал. *Dietesalvi*) высмеял жестоким и не вполне приличным образом гордого проповедника Иоанна из Виченцы. Интересно, что еще до появления Данте на литературном поприще, флорентийцы пользовались большой популярностью в городах Италии, как из-за своего остроумия, так и благодаря литературным талантам. Северянин

Салимбене был большим поклонником флорентийского языка, который он хвалит за благозвучие: Et valde bene sonant verba florentinorum in ydiomate suo [Salimbene de Adam MD CCCLVII, 41].

О своем языке он откровенно говорит в самом начале хроники: Admodo incurrimus verba inculta et rudia et grossa et superflua, quae etiam in multis locis grammaticam non observant; sed ordinem historiae habent congruum [Salimbene de Adam MD CCCLVII, 1].

В оценке своих знаний латинской грамматики Салимбене не ошибался; подобающим же (congruum) порядком изложения истории он считал, очевидно, перечисление всех событий - важных и неважных подряд: Anno Domini MCCX XVIII venerunt bononienses cum carrocio suo circa castrum Bazani, et contra eos iverunt mutinenses, parmenenses et cremonenses, et combusserunt terras Bononiae, et fuerunt usque in aquam fluminis Rene, et ibi dederunt bibere equis suis. Et eo anno in festivitate sancti Christophori coepit venire nix magna et usque ad illum diem fuerat ita pulcrum tempus, et hyems fuerat ita calida quod pulverulentae erant viae [Salimbene de Adam MDCCCLVII, 78].

В этом отрывке примечательна синтаксическая структура: порядок слов почти исключительно романский (глагол + дополнение); свойственная средневековой латинской прозе одноплановость изложения, лишённого внутренней перспективы, находит свою языковую форму в бесконечных цепочках сочиненных предложений, граница между которыми, изображаемая точкой, обычно имеет лишь чисто графический характер. Согласование времен часто нарушается. События, происшедшие раньше, о которых сообщается позже основного действия, обозначаются все одной и той же временной формой перфекта. Часто встречается вместо перфекта необусловленный смыслом плюсквамперфект и т.п. Все эти особенности, как будет видно дальше, были свойственны прозаическим сочинениям XIII в. на итальянском вольтгаре, принадлежащем не только к «низкому» стилю.

Гораздо более правильной морфологически и синтаксически связанной латынью писал доминиканский монах епископ Генуи Якопо да Варацце, именуемый также Иаковом Ворагинским (умер в 1298), автор хроники своего города и знаменитого житийного сборника – «Legenda aurea» - переведенного еще в XIV в. на разные языки.

Кроме того, в католической Европе все литургические тексты и гимны писались на латыни. Авторами гимнов в XIII в. в Италии были как столпы церкви, так и рядовые монахи. Например, один из самых знаменитых гимнов этого времени - секвенция траурной мессы «Dies irae, dies illa» приписывается Томмазо да Челано, францисканскому монаху и первому биографу Франциска Ассизского. Приведем ее первую и последнюю строфы:

Dies irae, dies illa

solvet saeculum in favilla

teste David cum Sibilla.

Quantus tremor est futurus

quando iudex est venturus

cuncta stricte discussurus!

.....

Lacrimosa dies illa,
qua resurget ex favilla,
iudicandus homo reus:
huic ergo parce, Deus.
Pie Iesu Domine,
dona eis requiem!

Другая, не менее знаменитая секвенция – «Stabat mater dolorosa», вероятно, написана умбрийским монахом Якопоне да Тоди (о нем см. ниже):

Stabat mater dolorosa
iuxta crucem lacrimosa,
dum pendebat filius;
cuius animam gementem,
consternatam et dolentem
pertransivit gladius.

Наконец, латинский язык был единственным языком, на котором писались философские и религиозные трактаты и велись ученые диспуты. В Италии высокая религиозная проза была представлена такими корифеями средневековой философии, как мистик Бонавентура (1221-1274), и Фома Аквинский (Tommaso d'Aquino 1227-1274), автор «Summa theologiae», сочинения, объединяющего учение Аристотеля с христианскими догмами, и представляющего собой основу средневековой схоластики.

Влияние философии Фомы Аквинского в Италии и вне Италии было огромно. Общеизвестно, что Данте-философ был одним из его последователей. Не меньшим было и языковое влияние латинских схоластических трактатов на зарождающуюся итальянскую прозу высокого стиля. Первое, что обращает на себя внимание в схоластических текстах, - это морфологическая правильность латинской речи и ее крайняя схематичность. Если у Салимбене мы видели однообразное линейное сочинение при помощи союза *et*, то здесь схема значительно усложняется. Все предложения оказываются связанными многочисленными подчинительными, противительными, изъяснительными союзами и наречиями, создающими впечатление синтаксической сложности.

Considerandum est igitur quod infinitum dicitur aliquid ex eo quod non est finitum; finitur autem quodammodo et materia per formam et forma per materiam. Materia quidem per formam in quantum materia antequam recipiat formam, est in potentia ad multas formas, sed cum recipit unam, terminatur

per illam. Forma vero finitur per materiam in quantum forma in se considerata comunis est ad multa, sed per hoc quod recipitur in materia fit forma determinate huius rei [Tommaso d'Aquino 1984, 59].

В этом отрывке заключается одно из основных положений учения Фомы Аквинского, примирившего споры между теологами-«реалистами», рассматривающими отвлеченные понятия, в том числе и Бога, как реально существующие и «номиналистами», считающими отвлеченные понятия лишь названиями, именами – *nomina* – существующими лишь в мозгу человека. Фома Аквинский, заимствуя у Аристотеля мысль о животворящей и организующей материю форме, определяет здесь совершенную бесконечность, т.е. Бога, как не ограниченную материей и поэтому совершенную форму, которая не имеет материального (реального) существования, однако и не является просто названием. В соответствии с философским пониманием формы, существующей отдельно от содержания, находится и языковая конструкция отрывка: единство формы, объединяющей отдельные предложения, достигается несколько искусственным путем при помощи логико-синтаксической схемы, состоящей из изъяснительных и противительных модальных слов – *autem, igitur, enim, quidem* и подводящим итог наречием *unde*.

Самодовлеющее значение каждой фразы в общем контексте «высокой» латинской прозы проявляется не только в формально-логическом расчленении, но и в ритмическом ее оформлении. Предложения в прозе связываются, как в стихах, ритмической концовкой фразы (так называемый «курсус»), иногда сопровождающейся рифмой, равным количеством слогов в следующих друг за другом предложениях («секвенция»), стирающими границы между прозой и поэзией. Таким образом, вместе с общей всем средневековым авторам тенденцией к паратаксическому построению контекста, отчетливо видны стилистические различия между «высокой» и «низкой» латинской прозой, существовавшие еще в классической латыни / *sermo simplex et sermo artifex*/ и усугубившиеся в Средние века, когда «ученая» латынь с ее риторическими ухищрениями и застывшими синтаксическими клише противостояла грамматически неправильной обиходной латыни, сквозь которую просвечивал народный романский язык.

Руководством к построению красивой и ученой речи служили многочисленные *artes dictandi* - средневековые обработки античных риторик, содержавшие рецепты расположения материала и его деления на части, перечень фигур речи и топик («общих мест»). Основы средневековой латинской риторики были восприняты итальянской литературной традицией, копировавшей образцы «ученой» латинской прозы.

Таким образом, латынь проникала во все области культурной и общественной жизни Италии, выполняя функции общего литературного языка, по отношению к которому итальянский рассматривался не как другой язык, а как испорченная народом разновидность того же языка, т.е. *volgare* - «язык народа». Отождествление литературной формы речи с латинской, а народной, разговорной – с итальянской подчеркивается обычным в XIII-XIV вв. противопоставлением *scribere* (*dicere*) *vulgariter et litterariter*. Само слово *lettera*, *per lettera* в староитальянском означало 'латынь', 'на латыни'. Слова *vulgari* и *litterati*, как, например, в «Пире» Данте, имеют значение «люди, не знающие латынь» и «люди, знающие латынь».

Одновременно с появлением письменности на *volgare*, отличавшемся многообразием диалектов и неустойчивостью норм, латынь осознается как единственно «правильный», т.е. подчиняющийся грамматическим правилам язык, который поэтому называли просто *grammatica*. Латинская письменная традиция обладала большими преимуществами перед народным языком, который не имел зачастую необходимых слов для обозначения отвлеченных понятий. Так,

переводчик с латыни Доминико Кавалька (1270-1342) жалуется на бедность итальянского языка: «Tal cosa par ben detta per grammatica, che ridotta in volgare secondo l'ordine delle parole pare niente e meno utile», а латинское слово, даже самое маленькое, кажется ему «di tanta significazione che se ne può trarre intendimento se non per molte parole». Для многих итальянцев латынь была, очевидно, даже более понятной, чем неродные им итальянские диалекты, и, следовательно, представляла большие удобства для общения: в 1290 г. анонимный копист «Fiore di Virtù» говорит, что он плохо знает вольгаре: Poichè de' vocaboli volgari son molto ignorante, però (che) io gli ho poco usati. Anche perchè le cose spirituali oltre non si possono si propriamente esprimere per paravole volgari, come si esprimono per latino e per grammatica, per la penuria dei vocaboli volgari diversi da quelli de l'altre terre e contrade; ma la grammatica et latino non è così, perchè è l'uno appo tutti e' latini [Цит. по: Kristeller 1950, 137, 144].

Характерно, что все итальянцы еще в XIII-XIV вв. называли себя, в отличие от других романских народов, *homines latini*, как это видно из вышеприведенного примера, а также из известного определения национальности данного в «De Vulgari Eloquentia» самим Данте: *in quantum ut homines latini agimus, quedam habemus simplicissima signa et morum et habitum et locutionis, quibus latine actiones ponderantur et mesurantur* [De VE I, XVI, 3-4]. См. перевод на итальянский А.Мариго: «in quanto operiamo come uomini italiani, abbiamo certi segni semplicissimi di costumanze, di fogge e di lingua, coi quali sono pesate e misurate le azioni d'italiani» [Marigo 1957, 139].

Поэтому, как отмечает П.Кристеллер, «in Italia, dove l'eredità di Roma antica fu sempre considerata come gloria nazionale, non era facile screditare il latino come una lingua straniera» [Kristeller 1950, 140].

1. Лексические латинизмы.

Латинский язык, в течение всего периода образования итальянского литературного языка был и является отчасти до сих пор естественным источником заимствования новых слов и более сложных, не употребляющихся в разговорном языке синтаксических конструкций, которые, с одной стороны были заимствованием по необходимости и обогащали народный итальянский язык, с другой же стороны оказывались своего рода стилистическим украшением «ученого» стиля, стремившегося возвыситься над простотой народной речи.

По звуковой форме латинизмы в итальянском не всегда легко отличить от слов народной традиции по следующим причинам:

Народные слова в ранних текстах часто даются в латинизированном написании (графический латинизм) напр., *facto* вместо *fatto*, *monstrare* вместо *mostrare*, *homo*, *omo* вместо *uomo* и т.п.)

Латинизмы приспособляются как в написании, так, очевидно, и в произношении, к итальянским фонетическим нормам уже в момент их заимствования. Ясность звуковых соответствий между латынью и итальянским позволяла при помощи незначительных изменений включать любой латинизм в систему итальянского языка: DOCTORE(M) > *dottore*, LECTURA > *lettura*, EXERCITU(M) > *esercito*, SPATIUM > *spazio*

Латинизмы часто не содержат звуков, противоречащих системе итальянского языка, и поэтому заимствуются без каких-либо изменений (напр., reale, formale, rubrica и т.п.) Однако, в целом ряде случаев латинизм можно обнаружить по следующим признакам:

1. Латинским звукам $\bar{O}$, $\bar{E}$ соответствуют в латинизмах открытые $\$$ и ϵ потому, что при потере органической связи между долготой и закрытостью, открытое произношение механически устанавливалось для всякого е и о в заимствованных словах: например, COMPLĒTUS > completo, CRUDĒLIS > crudēle, EXTRĒMUS > estrēmo; а также dev\$to, gl\$ria, n\$bile, vitt\$ria, где под ударением произносится открытое $\$$; см.: [Rohlfs I, § 47].

2. Сохранение дифтонга au, например. causa; сохранение $\check{I}$ > i, $\check{U}$ > u: cibo, sito, vizio, libro, rigido, pigro, misto, fuga (ср. этимологический дублет foga); сохранение групп PL, GL, CL, BL: gloria, placito, concludere, obliquo, сохранение группы NS: mensa.

3. Суффиксы -ario (вм. -aio, -aro): acquario, orario; -izia: pigrizia, giustizia, (последнее слово имеет дублет народного происхождения giustezza), староитал. tristizia, староитал. scienza (но итал. scienza); -izio: vizio (с дублетом vezzo 'привычка'), spazio, officio (с дублетами uffizio, ufficio).

Морфологическими признаками латинизмов или латинизированных греческих слов являются суффиксы и префиксы, проникшие в итальянский язык вместе с книжными словами. Глагольные префиксы и суффиксы:

inter-, intra-: interdicere, intramettere;

pro-: proferire, produrre, promuovere;

pre-: preannunziare, predisporre, prevenire;

-ificare: magnificare, glorificare;

-izzare (с дублетом народного происхождения -eggiare): tranquilizzare, volgarizzare.

Суффиксы прилагательных:

-ico: domestico, pacifico, diabolico;

-ile: puerile, ostile, civile, signorile;

-ale: virtuale, corporale, naturale, razionale ;

-ace: fugace, verace, loquace ;

-abile: durabile (с народным дублетом durevole), variabile, amabile (с дублетом amorevole) ;

-ibile: credibile, incredibile.

Многочисленность суффиксов-латинизмов у прилагательных объясняется тем, что большинство относительных прилагательных принадлежит к культурному слою лексики.

Поскольку все латинизмы вошли в итальянский через посредство культурных слоев общества, само значение слова является показателем его книжно-латинского происхождения; все религиозно-философские, географические, астрономические, математические, медицинские и юридические термины, появляющиеся в итальянских средневековых текстах, заимствованы из

латыни (или через ее посредство из греческого): *scienza, coscienza, causa, accidente, spazio, specie, rettorica, grammatica, spirito, legale, eredità, statuto, console, senatore, clima, eclisse, eloquenza, genere, materia, considerare, sentenza.*

О количестве лексических латинизмов в "ученой" прозе XIII в. можно себе составить представление хотя бы из следующего отрывка, взятого из астрономо-географического сочинения Ристоро д'Арецо "Composizione del mondo": Trovamo l'enclipsi cioè l'oscuratione del sole encomençare dodeci gradi de logne da capo et da cauda de Dragone...stando noi ella (=en la) città d'Areço, ella quale noi fommo nato, ella quale noi facemmo questo libro; la quale città è posta enverso la fine del quinto clima et la sua latitudine da l'equatore del die è quaranta et doi gradi et quarto, et la sua longitudine da occidente è trenta e doi gradi et terço... [Monaci, 413].

Синтаксическими латинизмами являются:

1. Предикативные обороты (абсолютные и неабсолютные) с причастием настоящего времени, которое в народном языке полностью адъективизировалось, уступив свою глагольную функцию герундиальным оборотам: Et così me lungamente pensante, la ragione stessa mi mena... [B. Latini. La rettorica. Monaci, 281].
2. Инфинитив с аккумулятом после глаголов мысли, речи и волеизъявления, напр., в цитате-переводе из Цицерона, приводимой Данте в Convivio IV, XII, 6: «Io in nullo tempo per fermo né le pecunie di costoro, né le magioni magnifiche, né le ricchezze, né le signorie, né l'allegrezze de le quali massimamente sono astretti, tra cose buone o desiderabili essere dissi». См. латинский источник: Nunquam mehercule ego neque pecunias istorum neque tecta magnifica, neque opes, neque imperia, neque eas quibus maxime adstricti sunt voluptates in bonis rebus aut expetendis esse dixi [Cicero, Paradox. 1].
3. «Латинский» порядок слов, с постановкой глагола в личной форме в конце предложения, а также расположение на дистанции связанных между собой синтаксически членов предложения (*hyperbaton*). В вышеприведенном примере, как и в латинском оригинале, глагол – *dissi*, находится в конце и отделен от подлежащего *io* дополнительным оборотом *accusativus cum infinitivo*. Влияние поздней и средневековой латыни сказывается также в тенденции помещать относительное прилагательное или причастие перед определяемым существительным: напр., у Данте: Nel cominciamento di ciascuno bene ordinato convivio, sogliono li sergenti [Conv. I, 2]; Ma perocchè li morali ragionamenti sogliono dare desiderio di vedere l'origine loro... [Conv. I, 8].

Распространение усложненной конструкции фразы с многочисленными подчиненными и сочиненными предложениями также связано с влиянием латинских образцов; некоторые связующие слова по началу иногда просто заимствовались из латыни или представляли собой буквальный перевод составных латинских союзов или предлогов: *Quamvisdeo ke tu scia bondadoso homo in persona, tamen non die tropo currere* [Guido Faba, Gemma purpurea; Monaci, 59].

Характерно также сохранение, согласно латинским правилам, конъюктива после *cum historicum*. Союз *eziandio* вместо народного (*anco, anche*) также представляет собой слегка видоизмененное латинское *etiam diu*.

2. Стилистическое влияние латинских риторик

Различие между высоким и народным стилем (*simplex et artifex locutio*), согласно классическим, а особенно позднелатинским и средневековым риторикам, заключалось в нарочитой усложненности и украшенности "ученого" языка. Эта точка зрения точно сформулирована у историка и ратора Кассиодора (перв. половина VI в.), который считал

украшенный стиль (*ornatus*) единственным признаком отличающим язык ученых людей от неученых (*indoctos*): «*Loqui nobis comuniter datum est: solus ornatus est qui discernit indoctos*» [Цит. по: Schiaffini 1934, 19].

В средневековой латинской прозе и в унаследовавшей ее традиции ученой итальянской прозе излюбленными приемами украшения речи были:

1. Параллелизм в построении частей фразы, достигавшийся употреблением соотносительных союзов *tantum - quantum*, *eo - quod*, *talem - qualem*, итал. *tanto - quanto*, *tale - quale*, *altresì - come*: altresì allumina tutta la lettera come l'occhio allumina l'uomo (Brunetto Latini 106, 29).

2. Употребление ритмизированной и рифмованной прозы (*prosimetricon*, *prosa rimata*, *pedum cadentia*).

3. Употребление разнообразных фигур речи и тропов (сравнение, метафора, метонимия, перифразы), называемых *dictionum et sententiarum coloratio*, *colores rethoricos*. Фигуры средневековой прозы не были, однако, пустым украшательством, т.к. часто им придается философское содержание, связанное с наивным отождествлением слова и вещи. Фигуры речи, и особенно т. наз. *interpretatio* (*eadem rem dicere sed commutate*) и *amplificatio* или *figura etimologica*, т.е. то, что современному читателю представляется пустой тавтологией, служит, по мнению средневековых писателей, средством проникновения в сущность называемой вещи. Так, Данте был убежден, что Аристотель предписывал этимологическое исследование слова для определения сути предмета: ... *e conoscere la cosa sia sapere quello ch'ella è in sè considerata e ciò ne dimostri il nome...* [Conv. III, 11].

ГЛАВА 2. ФРАНЦУЗСКОЕ И ПРОВАНСАЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ В ИТАЛИИ. ГАЛЛИЦИЗМЫ, ПРОВАНСАЛИЗМЫ И ПУТИ ИХ ПРОНИКНОВЕНИЯ.

Кроме латыни, другим конкурентом на роль литературного языка в Италии был французский. Знание этого языка, на котором говорили в самой могущественной политически романской стране, было распространено в Италии среди образованных людей уже в X в., как о том свидетельствует эпитафия папы Григория V, который поучал народ на трех языках: *usus francisca, vulgari et voce latina instituit populos eloquio triplici* [Migliorini 1960, 61].

Политическая власть французских королей над Севером Италии в IX и X вв. и завоевание Сицилии и Южной Италии романизованными норманнами (1080 г.), попавшими туда после двухсотлетнего пребывания во Франции, распространяют знание французского языка по всей стране. Торговые контакты с Францией, циркуляция паломников, жонглеров, студентов, ехавших из Франции в знаменитый Болонский университет и, наоборот, итальянцев, отправлявшихся учиться в Сорбонну, также способствовали проникновению галлицизмов в итальянский язык. Однако основной причиной популярности французского и провансальского языков был литературный престиж северофранцузской эпической поэзии и провансальской лирики, достигших своего расцвета в XI-XII вв., т.е. тогда, когда на итальянском вольгаре не было еще никакой литературы. Итальянские феодалы приглашают к своему двору поэтов из Прованса и сами состязаются с ними в искусстве писать стихи по-провансальски. Французские эпические поэмы распеваются и переделываются итальянскими жонглерами, которые создают своеобразную литературу Северной Италии XIII-XIV вв. написанную на смешанном франко-итальянском языке. Когда в начале XIII в. папа Иннокентий III объявил крестовый поход против еретиков-альбигойцев (1209), на Север Италии и, особенно, в Сицилию переселяется много провансальцев, среди которых были известные в то время поэты. Провансальские трубадуры находят себе надежное убежище при дворе в Палермо, где смешение разнообразных народов (арабов, греков, норманнов, итальянцев) создало атмосферу религиозной терпимости. Традиционное меценатство норманнских королей, покровительствовавших наукам и искусствам и привлекавших к себе видных арабских и греческих математиков, философов и литераторов, передается по наследству полу-норманну полу-немцу императору Фридриху II Гогенштауфену, искусному политику, вольнодумцу и поэту, при дворе которого в первой половине XIII в. жили трубадуры Rambald de Beauseu, Bertran d'Almamon, Aimerig de Pegulhan, Elias Carrel и Guigliermo Figueiras.

Под влиянием провансальской поэзии именно в Сицилии возникает при Фридрихе II первая итальянская литературная школа. Многие итальянские поэты и прозаики, не находя у себя на родине готового литературного языка, пишут по-провансальски, как, напр., Сорделло, или по-французски. Когда венецианец Марко Поло взятый в плен генуэзцами, оказался в тюрьме вместе с пизанцем Рустикелло, общим для них оказался французский язык, на котором Рустикелло и записал рассказы великого путешественника (1298-99 гг.). Ученый и ритор, один из наиболее образованных людей Флоренции XIII в., Брунетто Латини, пишет свое самое известное сочинение - "Сокровище" - по-французски, как он сам говорит, по двум причинам: "*L'une que nous somes en France, e l'autre por çou que la parleure est plus delitable et plus commune (sic!) a tous langages*" («Li livres dou Tresor» I, 1, 7).

Ту же оценку французского языка дает и Данте, который считает его наиболее легким и приятным (*facioliorem ac delectabiliorem*) из всех романских языков, а также и наиболее распространенным в прозаических сочинениях [De VE I, X, 2]

Провансальский он также называет *perfectior dulciorque loquela* (там же).

Галлицизмы и провансализмы, попадавшие в Италию и с Севера и с Юга на протяжении всего средневековья, можно прежде всего обнаружить по их фонетической форме: так, суффикс - *arius* в итальянском дает -*ago* или -*aio*, тогда как во французском он имеет вид -*ier*. Поэтому итальянские слова с этим суффиксом - галлицизмы, или аналогические образования с французским суффиксом: иногда исконно-итальянские слова и их французский аналог имеют в Италии разные значения: напр., *cavallaio* (в Тоскане) – ‘барышник, торговец лошадьми’; *cavallaro* – ‘пастух, конюх’; *cavalliere* – ‘всадник, рыцарь, кавалер’. Суффикс -*aticus*, не распространенный в Италии, во Франции был очень продуктивен и имел форму -*age*. В Италию, он проникает в виде -*aggio* с многочисленными французскими словами: *coraggio*, *viaggio*, *pedaggio*, *erbaggio*, *omaggio*. Сочетание [kl], закономерно дававшее в Италии [kj], в галлицизмах сохраняет французское произношение палатального l: *VERMICULU(M)* > *vermiglio*, *PERICULU(M)* > староитал. *periglio* (итал. *pericolo*); латинское слово *MACULA* ‘пятно’, ‘петля, сети’ и ‘позор, моральное пятно’, присутствует в итальянском в трех обличьях с тремя разными значениями: *macchia* ‘пятно’ - исконное итальянское слово; *macola* ‘моральное пятно’ - латинизм; *maglia* ‘петля сети, петля в вязании’, в Средние века ‘кольчуга рыцаря’ - галлицизм. Народно-латинское слово *MANDUCARE* ‘есть’ дает в старофранцузском *mangier*, которое распространилось в Италии уже в XIII в., вытесняя местное *manicare*. Германское слово *garten* дает во французском *jardin*, откуда итальянское *giardino*, привившееся из-за необходимости различать культурный *giardino*, предназначенный для удовольствий, от утилитарного *orto*.

Заимствованный характер словообразовательного аффикса может определяться также и по степени его распространенности в Италии и во Франции. Так, формы -*anza*, -*enza*, -*ore*, -*ura* (*dolzore*, *freddore*, *verdura*, *risponsura* и т.п.) обычные во французском и в провансальском, появляются в Италии в период наиболее интенсивного французского влияния (в XIII в.) с тем, чтобы потом исчезнуть, уступив место исконно-итальянским продуктивным моделям *dolcezza*, *freddo*, *verde*, *risposta*.

Наконец, само значение слова, связанное с конкретными историческими условиями, в которых оно возникло, говорит о французском происхождении таких слов как *vassallo*, *pedaggio*, *erbaggio*, *giostra*, *sparviere*, *maglia* и прочие термины, относящиеся к феодальным формам социально-экономических отношений и атрибутам рыцарского обмундирования. Поскольку заимствования проникают в язык не сразу, а через специальную среду, в которой иностранное слово по каким-либо причинам начинает употребляться, все галлицизмы можно приблизительно разделить, в зависимости от путей их проникновения, на следующие семантические группы:

1. Слова, связанные с феодальными институтами (иерархия, феодальные повинности): *vassallo*, *lignaggio*, *conte*, *visconte*, *marchese*, *cancelliere*, *conestabile*, *maresciallo*, *cameriere*, *giustiziere*, *ambasciatore*, *messaggio*, *seignoraggio*, *omaggio*, *pedaggio* ‘право на переход через территорию, принадлежащую к.л. лицу’, *erbaggio* ‘право на покос травы’, *rotaggio* ‘право на переезд’, *dama*, *damigella*, *donzello*, *messere*, *blasone*, *scudiere*.

2. Военные термины, предметы рыцарского обихода, охотничьи термины: *torneo*, *giostra*, *vianda*, *bottino*, *marcia*, *ostaggio*, *schiera*, *arciere*, *sergente* (первоначально, просто ‘слуга’), *guaita*; слова, относящиеся к лошадям: *baio*, *grigio*, *palafreno*, *destriere*, *ronzino*, *corsiere*, *brida*, *arnese*, *usbergo* ‘шлем’, *maglia*, *spiedo*, *gonfalone*, *gonfaloniere* ‘знаменодец’, *stendardo*, *pennone*.

3. Торговля и денежный обмен: *interesse, profitto, ragione, mussolino, vermiglio, giallo, cuscino, tovaglia, astuccio, gioiello, gala, moda, gaggio, derrata*.

4. Слова, принесенные пилигримами и жонглерами: *viaggio, lega, sentiero, passaggio, villaggio, ricovero, oste, taverniere, giullare, trovatore, menestrello, danzare, gesta*; вместе с поэзией трубадуров проникают и названия стихотворных форм: *serventesse, ballata, tenzone*.

Кроме того, много галлицизмов и провансализмов распространяется вместе с шаблонным лексиконом провансальской лирики, которая вводит в моду целую систему слов, обозначающих стадии влюбленности, различные оттенки взаимоотношений между дамой и ее рыцарем, атрибуты «поэтической обстановки» и т.п. Кавалер отдавал себя (*adonava*) во власть (*potenza*) дамы. Он был покорен (*conquiso*) и если дама не отвечала взаимностью - чувствовал себя раненым (*intamato, naverrato*). Любовь называлась *entenza, intendenza, amanza*; рыцарь, как правило, любил от всего сердца (*coralmente*), *coraggio* - первоначально, как и по-провансальски, означало "сердце"; дама отвечала на это чувство дружбой - *amistà, amistanza, amiganza*. Эта дама была обязательно прекрасной и поэт восхваляет ее *beltà, bieltà*, ее прекрасное лицо, ее вид *sembianza, fazione, parvente, parvenza*, который ему нравятся (*lo agenza*). Если она строга к нему, он чувствует себя несчастным (*tapino*), его охватывает сомнения и страх (*dottanza*); он обращается к ней с мольбами (*preghiera*); он полон радости (*gioia*) или печали (*noia*), он блаженствует, если он вблизи от нее (*a suo agio* из провансальского *aize < ADIACENS*); где-нибудь в саду (*giardino*) слушает вместе с ней соловья (*usignuolo*) и т.п. О глубине проникновения французской лексики в итальянский язык можно судить хотя бы по таким галлицизмам как *ragione, giardino* и *mangiare* (последнее уже в XIV в. встречается чаще, чем исконно-итальянское *manicare, manucare*).

ГЛАВА 3. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА В XIII В.

Возникновение литературы на народном языке обычно является следствием оформления национальной государственности и организации таких форм общественной жизни, при которых народ становится в той или иной мере ее участником. Чем более широкие слои населения оказываются вовлеченными в общественную и политическую жизнь своей страны, тем более необходимым становится создание общего средства общения, объединяющего людей, принадлежащих к различным социальным группам. Как мы видели, первые письменные памятники на народных языках возникли именно в связи с этой практической необходимостью. Однако, эти документы, предназначенные для удовлетворения чисто утилитарных нужд, были ограничены местом и временем своего возникновения и не имели никаких литературных претензий. Функционирование народного языка в качестве литературного начинается с того момента, когда возникающее чувство национального самосознания вызывает к жизни сознательное обращение к родному языку как к форме хранения национальной культуры. Для выполнения этой функции, которая, в отличие от конкретно-коммуникативной, предполагает связь, как с предыдущей культурной традицией, так и с возможными будущими преемниками, язык должен приобрести относительную стабильность формы и отказаться от чрезмерной локальной специфичности, мешающей распространению и пониманию языка вне конкретных условий его первоначального возникновения. Этим требованиям отвечала латынь, которая и была долгое время единственным литературным языком в романских странах. Однако, она в силу своей неизменяемости и космополитичности была неспособна служить выражением национальных культурных ценностей, рождающихся вместе с новыми явлениями общественной жизни. На два века раньше чем в Италии условия, необходимые для появления национальной литературы, возникли во Франции и в Провансе. Во Франции чувство национального единства возникло в период Крестовых походов и вызвало появление эпических поэм и рыцарских романов. В Провансе, состоявшем из множества крупных и мелких княжеств и графств, стимулом для культурной консолидации стало их общее противостояние диктату католической церкви и территориальным претензиям французских монархов. Формой защиты своей самобытности для провансальцев стало создание поэтического койне – «языка трубадуров», общего, для всех областей Прованса (т.е. Окситании), но не принадлежащего целиком ни одному из локальных говоров.

В Италии, где национальное единство существовало лишь в прошлом, т.е. принадлежало латинской культурной традиции, сохранявшейся в университетах и монастырях, политическая разобщенность страны, поддерживаемая в своих интересах папской курией, делала невозможным возникновение единого культурного центра. Литература на народном языке появляется только в XIII в., и сам характер этой литературы, опиравшейся на латинские источники или французские или провансальские образцы, по началу носил отпечаток подражательности и книжной учености.

1. Умбрская религиозная поэзия.

Частичным исключением из этого правила является религиозная поэзия Умбрии, где благодаря Франциску Ассизскому (1181 - 1226) широко распространилась простонародная религиозность гумилиатов, из среды которых выходили жонглеры Господа - *giullari di Dio*, возносившие хвалы Богу и его созданиям простыми, далекими от схоластической учености стихами, достаточно понятными необразованному люду даже если они были написаны полатыни, как, например, *Stabat mater dolorosa*. Первый гимн (*laude*) на народном итальянском диалекте был написан самим святым Франциском Ассизским - это «*Laudes creaturarum*» или «*Cantico di frate Sole*». "Кантика брату Солнцу" может считаться также первым литературным памятником на *volgare*. Это сочинение по замыслу св. Франциска, предназначалось для пения жонглерствующими гумилиатами. По своей структуре это ритмизированная проза с ассонансами, изобилующая латинизмами и некоторыми морфо-фонетическими чертами умбрского *вольгаре*:

Altissimu, onnipotente, bon Signore

Tue so' le laude, la gloria e l'honore et onne benedictione

Ad te solo, Altissimo, se konfano,

et nullu homo ène dignu Te mentovare.

Laudato sie, mi' Signore, cum tucte le Tue creature,

spetialmente messor lo frate Sole,

lo qual è iorno, et allumini noi per lui.

Et ellu è bellu e radiante cum grande splendore:

de Te, Altissimo, porta significatione.

К умбрским диалектным чертам "Кантики" относятся: конечное -и в словах *altissimu*, *nullu* etc., форма окончания будущего времени -arò, -arà, совпадение окончаний глаголов первого лица ед. числа и третьего лица мн.числа: *so* (= *sono*), *sostengo* (= *sostengono*), а также эпитеза *ne*: *ene=ne*.

Наиболее плодовитым и популярным поэтом умбрской школы был монах-францисканец Якопоне да Тоди (до вступления в орден он был нотариусом) - автор *laudes* девы Марии, мистических гимнов и сатирических инвектив. Язык его, помимо неизбежных латинизмов, носит на себе следы влияния провансальской и сицилийской лирики, а также отличается изобилием умбрских диалектных черт: метафония под воздействием конечного -i : *amuri* (*amore*); сохранение [e□] и [o□] из латинских ĭ и ŭ перед группой согласных -nt- и -ng-: *lengua*, *gionto* (флорентийск. *lingua*, *giunto*); протеза а пред начальным r: *aradunata* (*radunata*) и, особенно, ассимиляция *nd > nn*: *monno* (*mondo*), *granne* (*grande*); артикль *el* наряду с *lo*. Вот несколько строк из его известной диалогической лауды Девы Марии:

1. - Donna de paradiso,

lo tuo figliolo è priso - Iesù Cristo beato.

Accurre, donna, e vide - che la gente l'allide:

credo che lo s'occide, - tanto l'ò fragellato.

2. - Com essere porria, - che non fece follia,

Cristo, la spene mia - om l'avesse pigliato?

1. - Madonna ell'è traduto: - Iuda sì l'ha vennuto,

trenta denar n'ha avuto, - fatto n'ha gran mercato.

2. Succurre, Maddalena: ionta m'è addosso piena:

Cristo figlio se mena,- como hane annunziato [Monaci, 532].

Несмотря на всенародную любовь к самому итальянскому из всех святых – Франциску, и на достаточную популярность стихов Якопоне, умбрская поэзия осталась локальным явлением, и ее языковые формы не оказали влияния на язык создателей итальянской поэзии – Данте и Петрарку.

2. Сицилийская поэтическая школа

Основы языка итальянской поэзии представлены в стихотворных опытах Сицилийской школы, образовавшейся при дворе Фридриха II (1196 - 1250), который создал в Сицилии первую в Европе абсолютную монархию с неслыханной в Средние века централизацией власти и высотой культуры. Данте, мечтавший об объединении Италии под властью единого монарха, превозносит в своих сочинениях Фридриха и его сыновей, сумевших собрать у себя в Палермо виднейших ученых и поэтов всей Италии. Он отдает должное также сицилийским поэтам, основоположникам итальянской высокой поэзии, которые первыми начали писать стихи на *volgare*: *factum est, ut quicquid nostri predecessores vulgariter protulerunt, sicilianum vocaretur* [De VE I, XII, 4].

Придворный и условный стиль Сицилийской поэтической школы, перенявшей провансальские модели любовной лирики, определил ее недолговечность; она исчезает вместе с падением монархии Гогенштауфенов (1266 г.) Однако при всей своей художественной беспомощности, сицилийская поэтическая школа оказала большое влияние на язык итальянской поэзии, т.к. возвышение над местным сицилийским диалектом при помощи латинизации форм и отбора словаря, ограниченного стереотипными клише куртуазного лексикона, сообщило сицилийской поэзии общеитальянские черты и определило ее влияние

на формы языка всей последующей поэтической традиции. Памятники сицилийской поэзии дошли до нас только в тосканских списках, где переписчики заменили большинство сицилийских форм тосканскими. Эта замена привела к тому, что из-за несовпадения сицилийской и тосканской систем гласных рифма оказалась нарушенной. Так, напр., у Якопо да Лентино рифмуется *ciascuno* : *dono*, *avere* : *morire* [Монаси, 78]. Долгое время предполагалось, что поэты-сицилийцы, собравшиеся при дворе Фридриха из разных частей Италии, в том числе из Болоньи, писали на каком-то латинизированном языке, близком к тосканскому и применяли неправильную рифму. Благодаря исследованиям Э.Пароди и Дж.Чезарео, изучившим несовершенную рифму, оказалось, что она встречается только там, где сицилийское *u*, *i* соответствует тосканским *o*, *e* и что, следовательно, рифма сицилийцев была правильной, т.е. *ciascunu* : *dunu*, *aviri* : *moriri*.

В своем первоначальном (не тосканизированном) виде до нас дошло только одно стихотворение сицилийского поэта XIII в. Стефано Протонотаро. Приводим первую строфу этой канцоны:

Pir meu cori allegrari,
Ki multi longiamenti
senza alligranza e ioi d'amuri è statu,
mi ritornu in cantari
ca forsi levimenti
da dimuranza turniria in usatu
di lu troppu taciri [Contini, 67].

Здесь мы видим типичную для Сицилии систему гласных, где латинские $\bar{E}$, $\bar{I}$, $\bar{I}$ > *i*; $\bar{O}$, $\bar{U}$, $\bar{U}$ > *u*; латинские краткие $\bar{I}$, $\bar{O}$ в открытом слоге под ударением не дают дифтонгов (в отличие от тосканских диалектов): сицилийск. *omu*, *cori*, *levimenti* (итал. *uomo*, *cuore*, *lievemente*); кондиционал образован по модели «инфинитив + имперфект глагола *habere*»: сицилийск. *turniria* (итал. *tornerebbe*); союз *ca* < *quam* вместо тосканского *che* < *quid*. Словарь содержит типичный для провансальской лирики набор галантных терминов: *amuri*, *amaduri*, *cori*, *cantare* и прямые провансальские заимствования: *longiamenti*, *ioi* (*gioia*), *alligranza*, *dimuranza*, *rasuni* (*ragione*), и другие.

Большой лингвистический интерес представляет собой также знаменитый контраст «*Rosa fresca aulentissima*», строка из которого приводится у Данте в *De Vulgari Eloquentia* (I, XII, 6) как образчик грубой сицилийской речи. Автор контраста некий Cielo D'Alcamo, пародируя традиционные мотивы любовной лирики, заставляет двух влюбленных изъясняться на смеси куртуазного жаргона и постонародной лексики. Первая пара реплик выглядит так:

«*Rosa fresca aulentissima c'appari inver la state*

Le donne ti disiano pulzelle e maritate;

Trajimi d'este focora se t'este a bolontate.»

Per te non aio abbento notte ne dia
Penzado pur di voi madonna mia».
«Se di meve trabagliati, follia lo ti fa fare.
Lo mar potresti arrompere, avanti, e seminare
L'abere d'esto secolo tutto quanto assembrare
Avereme non pòtteri a esto monno
Avanti li cavelli m'aritonno». [Monaci, 61].

В этом документе сохранились, несмотря на тосканизацию, такие типично-южные черты, как -nd-> -nn- : monno (mondo); [b] вместо [v] в начале слова и между гласными: abere, bolontate; формы aio (ho), stao (sto), протеза [a] перед начальным r-: arrompere (rompere); -nz- вместо итальянского -ns- : penzando; энклитическое притяжательное местоимение paremo (mio padre), pareto (tuo padre); meo вместо mio; meve вместо me; eo вместо io ; форма кондиционала, восходящая к латинскому плюсквамперфекту индикатива: toccàra вместо итал. toccherebbe; мн. число существительных на -ora: focora, schiantora.

У Данте в том же трактате "О народном красноречии" приводятся также в качестве примеров "блестящего языка" (volgare illustre) начальные строки канцон трех сицилийских поэтов - настолько известных, что Данте даже не называет их имен. Это глава сицилийской школы Якопо да Лентино, Ринальдо д'Аквино и Гвидо де ле Колонне. Приведем начальные строфы канцон первых двух авторов:

Giacomo da Lentino

Madonna dir vi voglio como l'amor m'а preso
inver lo grande orgoglio
ke voi, bella, mostrate, e no m'aita.
Oi lasso, lo meo core ch'è 'n tanta pena miso,
ke vede che si more
per ben amare, e' tenelosi in vita.
Dunque morir' eo?
No, ma lo core meo more spesso e più forte
ke no faria di morte naturale
per voi, donna, cui ama,
più ke se stesso brama, e voi pur lo sdegnate.

Amor, vostr'amistate - vidi male. [Monaci, 84].

Rinaldo d'Aquino

Per fino amore vao sì allegramente,
k'io non agio veduto
ommo k'en gioia mi possa aparigliare,
e paremi ke falli malamente
ommo k'à ricieputo
ben da signore e poi lo vol cielare.
Perk'eo nol cielaragio
com altamente amor m'à meritato:
ke m'à dato a servire
a la fiore di tucta canoscienza
e di valenza,
ed à belleze più k'eo non so dire [Monaci, 118].

Несмотря на тосканизацию, мы здесь обнаруживаем все те же устойчивые следы южных диалектов: "несовершенную" рифму: preso : miso; отсутствие дифтонгизации открытых гласных Ё и Ъ; тео вместо moi; ео вместо io; южные глагольные формы: agio вместо ho, форма futuro - cielaragio вместо ит. celerò. Кроме того, можно заметить, что многие слова и морфемы имеют многочисленные графические и фонетические варианты: meso/miso; preso/priso; voglio/voglio/voio; voi/vui; noi/nui; vo/vao; agio/aggio/abbo/ho; ommo/homo; tucta/tutta; conoscienza/canoscenza.

3. Сикуло-тосканская поэтическая школа и школа «Нового сладостного стиля» (Dolce stil nuovo).

Переписывание сицилийских и южноитальянских поэтов на тосканский породило в Тоскане и собственную поэтическую школу, продолжавшую традиции своих южных предшественников и получившую поэтому название "сикуло-тосканской". Из ее многочисленных представителей наиболее известными и плодовитыми были Гвиттоне д'Ареццо и Кьяро Даванцати. Были достаточно известны также Данте да Майано, Галло да

Пиза, Бонаджунта да Лукка и др. В отличие от "блестящих сицилийцев" поэты siculo-toscani получают у Данте презрительную характеристику "провинциальных": quorum dicta... non curialia, sed municipalia tantum inveniuntur [De VE I, XII, 1]. Для языка всей этой школы типична вариативность фонетической и морфологической форм слова, а также обилие латинских, провансальских, сицилийских и французских заимствований. Кроме того, проницаемость фонетической и морфологической систем тосканских говоров, влиявших друг на друга, открывала в поэзии возможности для индивидуального словотворчества и произвольного изменения окончания слова ради рифмы. Эти поэтические вольности широко использовал Гвиттоне д'Ареццо, для которого виртуозная игра словами часто превращалась в самоцель. Например:

Voglia de dir giusta ragion m' à pórtà,
che la mia donna m'acogli' e m'aporta,
a tutto ciò che mi piace m'aporta.
Or non m'è morte el suo senno, ma porta
di vita dolcie, ove mi pasch'e deporto,
che tanto acconciamente mi deporto
en tempestoso mar, che vol ch'eo porti
per lei la vita e lui de faccia porti,
per lei la vita e lui de faccia porti,
ed eo sì fo, pur li piaccia e li porti... [Monaci, 208].

В этом отрывке обыгрывается омонимия (pórtà - причастие от porgere 'давать' и porta – 'дверь') и окказиональная многозначность глаголов aportare, portare, deportare; значение же целого можно передать приблизительно так: 'Мне представился повод сочинить стихи, так как моя дама меня не отвергает и даёт мне всё, что мне нравится, и её душа для меня не смерть, а дверь, ведущая к сладкой жизни, где я наслаждаюсь в бурном море, где я готов отдать за неё жизнь'. Банальность содержания в сочетании с изощрённостью формы свидетельствует об упадке сикуло-тосканской поэтической школы, лишённой опоры на определённый живой вольгаре.

Всё же, распространение сицилийской поэзии в тосканских списках по всей Италии в середине XIII в. создало предпосылки к образованию общеитальянского поэтического языка, имеющего, конечно, текучую фонетику и морфологию, но повинующегося общей тенденции к латинизации и устранению слишком ярко выраженных диалектизмов, а также обладающего общим куртуазным словарем.

На севере Италии, в Болонье, наследие сикуло-тосканцев воспринимается и преобразуется поэтами этого крупнейшего университетского центра, находящегося в контакте, как с Парижским университетом, так и с интеллектуальной элитой Южной Италии. В Болонью из Парижа проникают новые философские идеи логиков, отвергавших подчиненное положение науки по отношению к религии; из Салерно, Неаполя и Палермо - переводы на латынь

трактатов Аристотеля, новые открытия в математике, физиологии и психологии человека. Не удивительно, что в атмосфере интенсивной научной жизни обновляется и поэтическая традиция: возникает философская трактовка сюжетов любовной лирики, представленная в творчестве Гвидо Гвиницелли (около 1230-1276), которого Данте считает родоначальником поэзии «нового сладостного стиля», называет его (при встрече с его тенью в «Чистилище») *il padre mio e de li altri miei miglior / che mai rime d'amor usar dolci e leggiadre* [Purg. XXVI, 97-99], а в «Новой жизни» называет его – по антономазии – *il saggio* [VN XX]. Новое понимание благородства (*gentilezza*), доблести (*valore*), связываемое в демократических городских республиках Болоньи, Флоренции, Сиены не с наследственным титулом дворянина или короля, а с внутренним совершенством (*gentil valore*), с благородством сердца (*gentil core*), неотъемлемым свойством которого является любовь (*amore*), посланная свыше через посредство ангельского образа дамы – все это было встречено традиционными поэтами школы Гвиттоне д'Ареццо с известной долей насмешки. Так, Бонаджунта да Лукка обращается к Гвиницелли с сонетом, упрекая его в «темноте» его речей и в неуместности (*disimiglianza*) сочинять канцоны с помощью науки (*scrittura*). Приводим последние две терцины сонета:

Ma ssi passate ogn'om di sottiglianza
che non si trova già chi ben vi spogna¹
cotant'è scura vostra parladura!
Ed è tenuta grande disimiglianza,
tucto ke 'l senno vegna da Bologna,
trarre canzon per forza di scrittura.

1. spogna – esponga.

На это Гвиницелли ответил своим программным сонетом, где советует оппоненту не судить сгоряча:

Omo ch'è saggio non corre legero
ma pensa e grada como vol misura
poi c'à pensato riten su pensiero
infino a tanto che'l ver l'asigura
Non si de' om tenere troppo altero,
ma de' guardar su stato e sua natura;
foll'è chi crede sol veder lo vero
e non crede c'altr' ivi ponga cura.
Volan per aire augelli di strane guise,
nè tutti d'un volar nè d'un ardire,
ed ànno in sé diversi operamenti;
Dio e natura e 'l mondo in gradi mise
e fe dispari senni e intendimenti,
e però ciò c'om pensa non dé dire. [Monaci. 119]

Этот сонет и, особенно, знаменитая канцона Гвинецелли
Al cor gentil reppaira sempre amore,
come l'ausello in selva a la verdura,
né fe'amor anti che gentil core,
né gentil core anti ch'amor, natura ... [Contini, 158].

становятся поэтическим манифестом небольшого кружка флорентийских поэтов-интеллектуалов – Гвидо Кавальканти, Данте Алигьери, Чино да Пистойя, Лапо Джанни и др. Эта поэтическая школа получила впоследствии название *dolce stil nuovo*, извлеченное из реплики Бонаджунты, тень которого Данте поместил в «Чистилище» [Purg. XXIV, 48] и заставил признать, что поэты «нового сладостного стиля» оставили далеко позади и сицилийца Якопо да Лентино (Notaro) и Гвиттоне д'Ареццо и самого Бонаджунту да Лукка. Языковая новизна этой элитарной поэзии заключалась в переосмыслении куртуазных слов-понятий, уже существовавших в провансальском и сикуло-тосканском лексиконе, в соответствии с общим замыслом духовного обновления поэта и обожествления дамы. Как замечает Дж. Контини, “La radicale differenza tra lo Stil Novo e la poesia precedente (in largo senso “siciliana”) è che questa, in quanto poesia d'amore, è puramente rituale, legata a una convenzione tematica e non a una occasione storica, mentre lo Stil Novo deriva le sue situazioni dall'esperienza: salvo che l'esperienza dell'individuo umano è subito trasportata all'uomo in generale...” [Contini, 298]. Таким образом, “la nuova poesia è genuinamente amorosa”, т.е. написана по конкретному поводу и представляет собой “la minuziosa analisi del fatto amoroso ... i cui elementi sono personalizzati e interagiscono drammaticamente” [Contini, 149].

Старшим и наиболее авторитетным среди стильновистов был Гвидо Кавальканти (около 1260-1300). “Fu il Cavalcanti a scoprire il giovane Dante e a segnare indelebilmente la carriera; la sua azione, diretta e attraverso il Dante della Vita Nuova, su Cino e quella, diretta attraverso Dante e Cino, sul Petrarca furono decisive per il filone più melodico della lirica italiana [Contini, 159]. Современник и единомышленник Данте, хронист Флоренции своего времени Дино Компаньи даёт Кавальканти такую характеристику: “Uno giovane gentile, ... nobile cavaliere cortese e ardito, ma sdegno e solitario e intento allo studio” [I. 20].

В оценке Джованни Боккаччо, Кавальканти предстает как “un de' migliori loici che avesse il mondo e ottimo filosofo naturale” [Dec. VI, 9].

Свои познания в области логики и натурфилософии Кавальканти приобрел в общении с последователями датских логиков-модистов Сигера Брабантского и Боэция Дакийского (читавших лекции в Парижском университете в 1260-1276 годах), которые толковали незадолго до того переведенные на латынь сочинения Аристотеля “О душе”, “Физика”, “Метафизика”, и комментарии к ним Аверроэса. Они развивали мысли этих философов о вечности мироздания, о потенциальном всеобщем разуме (*intellectus possibilis*), о независимости науки от религии, о способах означивания вещей (*modi significandi*), об общей спекулятивной грамматике, отражающей объективные связи вещей опосредованно через их образы в сознании, и, наконец, о необходимости познания законов природы, в том числе не только зримого мира, но и психологии человека и его языка. Так, Боэций пишет в своем трактате “О высшем благе” (*De summo Bono*): “Parum enim est homini habere ea, quae per naturam habet homo. Natura enim valde imperfecte dimittit hominem, et videtur homo sine sapientia esse quasi brutum animal... In his enim tribus consistit vita beata, scilicet in operatione boni et cognitione veri et delectatione in utroque. Et hoc summum bonum est speciei humanae et quicumque est sine hoc, sciat se esse imperfectum individuum in specie sua, nec habet actiones humanas” [Цит. по: Corti 1981, 91]. И

Сигер добавляет (De anima intellectiva): cum vivere sine litteris mors sit et vilis hominis sepultura [Цит. по: Corti 1981, 101]. В результате интердикта, наложенного церковью на их учение, Боэций и Сигер были вычеркнуты из истории философской мысли на несколько веков. Однако итальянские последователи парижских профессоров – медики, юристы, логики Болонского университета успели усвоить их идеи, следы которых заметны уже у Гвиницелли, у Данте и, особенно, у Гвидо Кавальканти.

Именно ему посвящает свое сочинение "De felicitate" один флорентийский медик, а крупнейший в то время врач, Дино дель Гарбо, пишет комментарий к знаменитой «тёмной» канцоне Кавальканти «Donna me prega», где в стихотворной форме изложена психология любви с точки зрения натурфилософа.

Приведем из неё два отрывка:

Donna me prega – perch' eo voglio dire

d' un accidente – che sovente – è fero

ed è sì altero – ch' è chiamato amore:

sì chi lo nega – possa 'l ver sentire!

Ed a presente – conoscente – chero,

perch' io no spero – ch' om di basso core

a tal ragione porti *canoscenza*:

ché senza – natural dimostramento

non ho talento – di voler provare

là dove posa, e chi lo fa creare,

e qual sia sua vertute e sua potenza

l' *essenza* – poi e ciascun suo movimento

e 'l piacimento – che 'l fa dire amare,

e s' omo per veder lo pò mostrare.

Ven da veduta forma che s' intende,

che prende – nel possibile intelletto,

come in subietto – loco e dimoranza.

In quella parte mai non ha possanza

perché da qualitate non descende;

resplende – in sé perpetual effetto;

non ha *diletto* – ma *consideranza*;

sì che non pote largir simiglianza.

Подчеркнутые слова относятся к системе терминов натурфилософии; курсивом выделены ключевые слова и обороты dolce stil nuovo.

Пояснения: donna – очевидно, философия; perché – здесь 'поэтому'; accidente 'феномен, явление'; fero 'жестокый', altero 'высокомерный'; conoscente 'понимающий' ученый человек'; chero (латинизм) 'я ищущий', canoscenza 'понимание'; ragione 'рассуждение'; natural dimostramento 'объяснение в терминах натурфилософии'; talento 'желание'; vertute 'особенность, свойство'; potenza 'возможность, сила'; piacimento 'удовольствие, притягательность'; veduta forma 'внешний вид'; possanza 'власть'; qualitate 'качество; понятие'; resplende in sé 'отражается в нём' (т.е. в потенциальном интеллекте); diletto= piacimento; consideranza 'рассмотрение' (понятия, сложившегося от veduta forma); simiglianza 'подобие, образ'.

Эта «тёмная» канцона, предназначенная для ограниченного круга читателей, стоит особняком в творчестве Кавальканти и вообще выпадает из стилистики *dolce stil nuovo*, главным признаком которого была, по замечанию Контини, связь с реальным переживанием автора, т.е. отсутствие условности.

К этому можно добавить, что язык стильновистов, в отличие от языкового койне сикуло-тосканцев, был в своей основе одним определенным диалектом – флорентийским, на котором реально говорило только население Флоренции. Хотя в стихах Кавальканти (как и в стихах Данте) встречаются укоренившиеся в поэтической традиции галлицизмы и провансализмы - *riviera, presio, auselli, disianza*; а также сицилианизмы - *vui, nui, eo, meo, canoscenza*; кондиционал на *-ia*: *poria* (вм. *potrebbe*), *savria* (вм. *saprei*), имперфект на *-ea, -ia* от 2-го и 3-го спряжения: *avea, sentia*, отсутствие дифтонгизации открытых гласных: *loco, foco, core, omo, vene, tene* и др., они достаточно редки, и язык многих стихов Кавальканти почти ничем не отличается от современного, как, например, в следующих канцонах:

Vedete ch' i' son un che vo piangendo
e dimostrando il giudicio d' Amore,
e già non trovo sì pietoso core
che, me guardando, una volta sospiri.
Novella doglia m' è nel cor venuta,
la qual mi fa doler sì forte;
e spesse volte avèn che mi saluta
tanto di presso l' angosciosa Morte,
che fa 'n quel punto le persone accorte,
che dicono infra lor: "Quest' ha dolore,
e già, secondo che ne par de fòre,
dovrebbe dentro aver novi martiri" ....

Или в популярной "ballatetta":

Perch' i' no spero di tornar giammai,

Ballatetta, in Toscana,

va' tu, leggera e piana,

dritt' a la donna mia,

che per sua cortesia

ti farà molto onore...

Всё сказанное о языке поэзии Кавальканти относится и к стихам Данте, включенным в «*Vita Nova*».

Параллельно с *dolce stil nuovo* в Тоскане распространяется так называемая «комическая» поэзия, возникшая как игровой антипод к возвышенной лирике, принадлежащей к *stile tragico*. *Stile comico* (*giocosso*) допускал употребление «низкой» простонародной и не всегда пристойной лексики; объектом же сатиры оказывались личные враги, друзья или родственники поэта. В этом жанре, имевшем провансальские модели, специализировались такие авторы, как Рустико ди Филиппо из Флоренции и,

особенно, Чекко Анджольери из Сиены (1260-1313). Приведем один из его наиболее известных сонетов:

S'ì fosse fuoco, arderei 'l mondo;
s'ì fosse vento, lo tempestarei;
s'ì fosse acqua, i' l'annegherei;
s'ì fosse Dio, manderei' en profondo;
s'ì fosse papa, allor serei giocondo,
ché tutti cristiani imbrigarei;
s'ì fosse 'mperador, ben lo farei:
a tutti tagliarei lo capo a tondo.
S'ì fosse morte, andarei a mi' padre;
s'ì fosse vita, non starei con lui:
similiamente faria da mi' madre.
S'ì fosse Cecco, com'ì sono e fui,
Torrei le donne giovani e leggiadre:
Le zoppe e vecchie lasserei altrui.

[Contini, 117]

Здесь следует отметить, во-первых, типичное для сиенского вольгаре сохранение тематического гласного 1 спряжения в формах кондиционала: *tempestarei*, *imbrigarei*, *tagliarei*, *andarei*; и, во-вторых, вариативность морфем: *anderei* / *andarei*; *farei* / *faria*.

В «комическом» ключе нередко писали и стильновисты – см. сонет Чино да Пистойя «*Tutto ciò ch'altrui agrada a me disgrada*» [Contini, 188]; сохранился также ответ Чекко Анджольери на обращенные к нему утраченные стихи Данте. Языковой опыт «комической» поэзии, с ее предметным лексиконом и конкретным личным адресатом, оказался в результате одним из множества стилей “Божественной Комедии”.

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА ПРОЗЫ НА ФЛОРЕНТИЙСКОМ ВОЛЬГАРЕ (XIII - СЕРЕДИНА XIV В.)

1. Счетные книги флорентийских банкиров.

Первым достаточно представительным документом - пока ещё не литературной, а деловой прозы является приходно-расходная книга флорентийских банкиров - *Libro del dare e dell' avere* - 1211 года (см. подробный разбор в изданиях TF и Monaci].

Официальный характер этих записей, предназначенных не только для внутреннего пользования в доме банкиров, и сама устойчивость формулировок позволяет полагать, как пишет Э.Моначи, "che il libro di banco scritto in volgare quale lo abbiamo nel 1211, avesse già vita nel secolo XII [Monaci, 36]. Из-за исключительного интереса, который представляет собой этот документ, сохранивший первоначальную форму флорентийского вольгаре, не затронутого ещё литературной обработкой, следует остановиться несколько подробнее на его анализе. Приводим фрагмент счетной книги [Monaci, 38-39]: MCCXI. XI di anzi kalende luglio. Buonackorso Manfreduci da sSan Martino del Vescovo no die dare libre XL e soldi XI per Domeniko da sSan Firenzo: ponemo ke die avire e dene pagare in Kalende setembre; se più stanno, a III denari libre il mese, quanto fosse nostra voluntade; s'ei no pagasse, si no promise di pagare Dietaiuti del Banzara, prode e kapitale quant' elli stessero. Testimoni Alberto Baldovini e Varliano di Kodarimessa e Bunaffè suo kompagnio. Buonackorso ci à ddato libre XL e soldi XI: avemmone bolognini, e àcci pagato il prode.

In nomine Domini, ame. San Brocolo MCCXI. Orlandino galigaio da Santa Trinita no die dare libre XXVI per metzo magio per buolongnini ke i demmo a Bologna per lo mercato San Brocoli. Se più sstanno, a III denari libre il mese: e s'elli non pagasse, si nno promise di pagare Angiolino Bolongnini galigaio...

В книге банкиров полностью представлены основные фонетические черты флорентийского диалекта: открытые гласные $\$$ и ϵ в открытом слоге дают дифтонг: *puovo*, *iera* (совр. *era*); группы *pl*, *cl*, *fl* > *pj*, *kj*, *fj*: *più*, *veckio* (совр. *vecchio*)

На стыке слов (в фоносинтаксисе) после односложных союзов, предлогов и наречий, содержащих в латинском этимоне конечный согласный *t*, *d*, *s*, происходит удвоение начального согласного следующего слова, что иногда и отражается в графике: *a ttermine*, *da sSan Martino, ke lle fecie, se più sstanno*. Однако в тексте встречается и аналогическое (не этимологическое) удваивание начальных согласных: *di ssua mano* или внутри сложного имени: *Bunaffè*. Колебания в написании двойных согласных - как внутри слова (*il messe*), так и на стыке слов (*ci à dato - ci à ddato; si no - si nno*) показывает, насколько трудно судить по написанию о реальном произношении.

Местоимения, особенно безударные, представляют собой весьма пёструю систему, где наряду с сохранившимися в современном языке формами бытуют самые разнообразные варианты: так, в именительном падеже 3 л. ед.ч. встречается *elli*, *ei*; в дательном ед.ч. (безударная форма) *li*, *i*; эти же местоимения используются и во множественном числе. Артикль имеет форму *il* и *lo* (обычно после предлога *per*, *per lo prode*, *per lo mercato*). В этой позиции *lo* сохранилось в одном устойчивом сочетании в современном языке: *per lo più*.

Безударные местоимения 1 лица мн. числа 'нас, нам' имеют форму: *no*, *ne* или *ci*. Постепенная замена *no* наречием *ci* объяснима из следующей пропорции:
'нам' ('нас') - *no* (*ne*), 'здесь' - *ci*

'вам' ('вас') - vi (ve), 'там' - vi, откуда ci = no, ne.

Постепенное вытеснение по в значении 'нас', 'нам' и возникновение новой «неопасной» омонимии (ci – 'здесь' и ci 'нас', 'нам') было обусловлено требованием системы языка, не терпящей омонимов, которые могут привести к непониманию. Возможность двусмысленности видна хотя бы из следующей фразы "Книги банкиров": s'ei no pagasse, si no promise di pagare Dietaiuti del Banzara, где в первом случае по отрицание, а во втором - местоимение. Уже в следующей строке по заменяется на ci: Buonakorso ci ha dato libre XL. Форма ne в значении "нас, нам", омонимичная ne, лат. inde "оттуда", также не удержится в языке. В системе глагольных форм бросается в глаза необычная форма глагола "иметь" - avire; объяснимая как чисто графическое изображение закрытого звука [e]. Интересны также формы dino, dion (devono); die, dee (deve) и окончание имперфекта во втором спряжении -ea: dovea, avea, которое сохранится как вариант -eva/-ea в литературном языке вплоть до XIX в.

В области употребления времён можно отметить отсутствие разграничения значений passato prossimo/passato remoto: Buonaguida Bencivenni ci à dato libre XXXVII e item ci die Kierito f. Arrihi Malverni soldi C.: Buonakorso ci à ddato libre XL e soldi XI, avemmone bolognini e àcci pagato il prode. Заметим попутно, что здесь - ne значит 'оттуда'.

Будущее время имело, по-видимому, помимо слитной формы, также и аналитическую, сохранившую оттенок необходимости: ci à dare per noi Arrisalito f. Turpini in su la... VIII di intrante luglio. Относительное предшествование в прошедшем часто формально не выражено: Disse ke lle fecie dare in su la tavola...

В "Книге банкиров" основным приёмом связи предложений является сочинение-паратаксис. В сложноподчинённых предложениях с придаточными условия главное предложение обычно вводится усилительной частицей sì < SIC: s'ei no pagasse, sì no promise di pagare, которая в староитальянской прозе часто выделяет главное предложение после придаточных обстоятельственных или причастных и деепричастных оборотов. Наряду с sì < SIC в этой роли выступает также сочинительный союз e < ET, образуя конструкции подчинительно-сочинительного типа (в итальянской грамматической традиции они получили название парагипотаксиса - paraipotassi). Например, quando elli fu tornato ad Roma e papa Anastasio morì, e elli fu facto papa. [Cronica fiorentina, TF, 102]. В "Книге банкиров", как и в других староитальянских текстах, подчинение и сочинение, точнее, два независимые предложения и сложный период часто трудно отличить друг от друга. Например: Banzara del Garbo no die dare libre XV provesini nuovi ke demmo a Bartolo ispeziale, ke li demmo dodeci di anzi kalende luglio [TF, 5]. Цепочка из относительных «присоединительных» предложений или предложений, соединённых союзом et, может быть любой длины. Эти синтаксические черты старых текстов будут ещё встречаться и у Данте, и у Боккаччо. Наконец, в "Книге банкиров" чётко соблюдается закон Гоблера-Муссафия, согласно которому в начале главного предложения и после союза et безударные местоименные частицы не могут стоять перед глаголом (в проклизе) и выступают как энклитики: e dene pagare 'и должен нам заплатить' [TF, 4].

2. Риторическая, дидактическая и научная проза. Переводы с

французского и латыни (volgarizzamenti).

Общеитальянская модель языка литературной прозы возникла на полвека позднее образцового поэтического языка, т.е. во второй половине XIV в., когда появился «Декамерон» Боккаччо, по своей популярности сравнимый лишь с «Божественной Комедией» Данте.

В отличие от поэзии, в литературной и научной (но не деловой) прозе латынь прочно удерживала свои позиции вплоть до середины XV в. Все же известны опыты изложения на вольгаре научных, дидактических и исторических сочинений ещё в середине XIII в. Это два руководства по риторике – *artes dictandi* – (обычно составлявшиеся по-латыни), принадлежащие перу болонца-преподавателя красноречия – Гвидо Фаба (Фава) – *Gemma purpurea* и *Parlamenta et epistolae* (около 1240), где содержатся формулы «украшенной речи», (*ornato parlare*), необходимые при составлении писем официальных и частных. Приведем образец такого вежливого послания:

De filio ad patrem pro pecunia:

Andato sono al prato de la Filosofia bello, delectevele e glorioso, e volsi cogliere flore de diversi colori, açò che eo fecesse una corona de merevegliosa belleça, la quale resplendesse in lo meo capo, et in la nostra terra a li amisi e parenti reddesse odore gratioso. Ma lo guardiano del çardino contradisse, s'eo no li facessi doni piaceveli, et onesti. Unde, in per quello che v'è che despendere, si la vostra liberalità vole che vegna a cotanto onore, vogliatime mandare pecunia in presente, sci che in lo çardino in lo quale sono intrato, possa stare e cogliere fructo pretioso [Contini, 237].

Здесь заметно стремление к латинизации фонетических форм слов, (сохранение групп согласных *fl, pl, cl*), к ритмическим концовкам фраз (*cursus*), к синонимичным парам слов, типичным для средневековой латыни. Сохраняются следы северного диалектного типа: *ço, çardino, amisi, placeveli* (итал. *ciò, giardino, amici, piacevoli*) и др.

Прозаические письма Гвиттоне д'Ареццо, как например, инвектива против флорентийцев, разрушающих своими распрями собственный прекрасный город, представляют собой своего рода упражнения в искусстве риторики по конкретному поводу. Так же, как и его стихи, проза Гвиттоне изобилует галлицизмами, лексическими и синтаксическими латинизмами и риторическими фигурами:

Infatuati mizeri Fiorentini! Homo che de vostra perta perde, e dole de vostra doglia, odio tutto a odio e amore ad amore, etternalmente. Ja pietozza e lamentevile vocie del periglio vostro e grave infermo per tutta terra corre lamentando la malisia sua grande, unde onni core benignio fiede e ffa languire di pietà, e nel mio duro cuore, di pietra quazi, pietate alcuna adducie, che m'aducie talento ad operare alcuno soave unguento, sanando e mitigando alcuna cosa suoie perigliose piaghe...

O, che non più senbrasse vostra terra dezerto, che cità senbra, e voi dragoni e orsi che cittadini? Cierto, siccome voi no rimaso è che menbra e fassone d'omo, ché tutto l'altro è bestiale, ragion fallita, no è a vostra terra che fighura di cità e chasa, giustisia vietata e pacie [Monaci, 212-213].

В первом отрывке отметим: повторы однокоренных слов (*figura etimologica*): *perta* – *perde*; *dole* – *doglia*; *lamentevile* – *lamentando*; хиазм: *pietate alcuna adducie che m'aducie talento*, парные синонимы (*endiadi*): *periglioso... e grave*; *sanando e mitigando*; во втором отрывке: инверсия дополнения *cità (=città)*; абсолютная конструкция (типа *ablativus absolutus*): *ragion fallita (=quando manca la ragione)*, *giustisia vietata e pacie (quando è vietata la giustizia)*.

Заслуживает внимания большой трактат по астрономии и географии «*La composizione del mondo*», написанный в 1282 г. аретинским монахом Ресторо (или Ристоро), где мы находим гораздо больше форм аретинского диалекта, чем в сочинениях его земляка Гвиттоне д'Ареццо. Кроме того, книга Ресторо дает представление о характере научной терминологии на вольгаре, а также о способах синтаксической связи между фразами (типично аретинские формы подчеркнуты):

Capitolo secondo, ello quale so' poste alequante cose generali, le quale so' trovate ello mondo.

E retrovandone en questo mondo, lo quale per rascione se po' asemelliare ad uno regno o ad una casa, aguardando vedemo maravillie; e considerando cercaremo per trovare le rascioni e

le cascioni de la composizione del mondo, e specialmente li ordinamenti e li movimenti del cielo, lo quale è più nobele. E facemone da lo 'ncomenzamento e troviamo en prima che 'l mondo è; potaremmo adomandare perch' elli è; e vedemo la sua figura retonda, e ha quattro parti oposite l'una a l'altra: l'una è chiamata oriente, la quale sale; l'altra parte è chiamata occidente, la quale scende; l'altra parte è chiamata mezzodie, e l'altra settentrione. E vedemo questo cielo mòvare sopra doi ponti opositi l'uno a l'altro, li quali so' chiamati poli: l'uno è chiamato da li savi polo artico, e pononlo ella parte de settentrione; e l'altro è chiamato polo artantico, e pononlo ella parte del mezzodie.

Проза Ристоро – в отличие от витиеватой прозы Гвиттоне, лишена риторических прикрас. Основным средством связи является паратаксис, т.е. цепочки простых предложений, связанных союзом *et* или относительным местоимением *il quale*. Отметим также типичные для староитальянского парные синонимы (эндиады): *le cascioni e le cascioni, li ordinamenti e li movimenti*.

Во второй половине XIII в. большая часть прозаической литературы на вольгаре принадлежит флорентийским авторам.

Среди них выделяется ученый нотариус Боно Джамбони, автор книги «Il libro dei Vizi e delle Virtudi» 'О пороках и добродетелях' и нескольких переводов с латинского, (историка V в. Павла Орозия, теоретика военного искусства Вегеция и др.).

«Книга о пороках и добродетелях», написанная под влиянием сочинений Боэция и Пруденция, рассказывает о путешествии автора в сопровождении дамы Философии в царство Веры; остановившись по дороге у кельи отшельника он наблюдает схватку между воинами Добродетели и Порока и расспрашивает Философию о составе войск:

... Ismontati e assettati a sedere sotto un bel porticale de la cella del romito, e guardando l'osti di ciascuna parte, vedemmo nell'oste de'vizi un signore ch'andava cavalcando per lo campo, e tutta la cavalleria dell'oste il seguitava, e le genti a piè lo 'nchinavano con gran reverenzia. E quando vidi questo, dissi: – Maestra delle virtudi, chi è quel signore che cosie grandemente cavalca e da questa gente è così onorato? Ed ella disse: – Questo è lo 'mperadore e signore di tutta l'oste di Vizi, e ha quasi sotto sé tutto il mondo, e hallo in sette parti diviso; e in ciascuna delle dette parti ha uno re incoronato ch'è suo fedele e rendeli tributo. E io dissi – come ha nome questo imperadore, e come hanno nome i re incoronati che sono sotto lui? Ella disse: – Lo 'mperadore ha nome Superbia; e li sette re che son sotto lui sono sette Vizi principali che nascon e vengon da lui, e son questi: Vanagloria, Invidia, Ira, Tristizia, Avarizia, Gula, Lussuria...

... E quando ebbe così detto, dissi: – Che è Vanagloria? Ed ella disse: – Vanagloria è un movimento d'animo disordinato, per lo quale si muove l' uomo a volere quello onore che non li si conviene... E io dissi: Dimmi alcuna cosa della natura de'vizi che nascono di lei. Ed ella disse: – Grandigia è quando l'animo dell'uomo non sofferà ch alcun sia pare o maggior di lui; e questa è detta vanagloria. Arroganza è quando si vanta l'uomo d'esser quello che non è; e quest'è vanagloria... [Bono Giamboni 1968, XXIV, XXV].

После семи капитальных пороков и их частных проявлений следует определение четырех главных добродетелей – (*virtù cardinali*): Prudenzia, Giustizia, Fortezza e Temperanzia.

Dimmi, che è Prudenzia ... Ed ella disse: – Prudenzia è un verace conoscimento del bene e del male, con fuggir lo male ed eleggere il bene. [Bono Giamboni 1968, XXXIII] и так далее.

Таким образом, Боно Джамбони создал первый идеографический словарь моральных понятий своего времени на флорентийском вольгаре, где, несмотря на латинизированную форму некоторых слов типа *prudenzia*, язык сохраняет чистоту своих исконных народных форм, как в синтаксисе, так и в морфологии (большей частью совпадающих с современным итальянским).

“Книга о добродетелях и пороках”, предназначенная, очевидно, для школьного преподавания основ христианской морали “в картинках”, написана языком, лишенным синтаксических латинизмов даже там, где автор пересказывает содержание латинских

источников (Боэций, Пруденций, Клаудиан и др.). Выбор простого стиля (*sermo simplex*) соответствовал запросам аудитории, состоявшей из рядовых горожан – купцов, ремесленников, менял (*banchieri, cambiatori*), шерстянников и т.п., которые читали и писали только на *volgare* и не знали латыни (*lettera, grammatica*).

Интенсивное развитие ремёсел, торговли, банковского дела, а также образование государственных институтов, установление дипломатических связей и ведение войн нуждались в практических руководствах, которые можно было найти у северных соседей – во Франции, где в XIII в. уже существовала богатая техническая и художественная литература на родном языке. Другим постоянным источником любых знаний, и также образцов художественной, т.е. украшенной, речи (*sermo artiflex, ornato parlare*) была латынь. Поэтому большую часть итальянской литературной продукции XIII–XIV вв. составляли переводы на *volgare*, т.е. *volgarizzamenti*. Образцы этих итальянских переводов с французского и с латинского приводятся в книге «*Volgarizzamenti del Due e Trecento*», где представляет также большой интерес введение – *Introduzione* – составителя – известного филолога Чезаре Сегре [*Volgarizzamenti*].

Французский источник имеют сочинения развлекательного характера – романы о Тристане, о рыцарях круглого стола (*Tavola ritonda*), компиляции из античной истории, которые читались и пересказывались в семейном кругу флорентийскими горожанами, как о том вспоминает Данте в «Божественной Комедии». Структурно близкий к итальянскому, французский текст практически не подвергался синтаксическим трансформациям. Так, например, анонимный итальянский переводчик сочинения «*Li Fait des romains*» ‘Деяний римлян’, ставшего на *вольгаре* «*I Fatti di Cesare*» ‘Деяния Цезаря’, сохраняет при построении, как простого предложения, так и сложного синтаксического целого аналитический принцип: все встроенные в главные предложения многоступенчатые придаточные вводятся союзами или относительными местоимениями, и содержат романский порядок слов (SVO):

Quando Ciesare, che a quello tempo iera a Ravenna con tutta la sua oste, udio la novella che’sanatori avevano rifiutata la richiesta che i trebuni facieno per lui, e che li tribuni s’ierano dipartiti di Roma per male dela città di Roma, egli fecie incontanente aparechiare tutte sue legioni, e sì gli mandò tutti fuori dela città di Ravenna tutto chovertamente, che gli cittadini non si ne achorgiesero, nè di ciò ch’egli voleva asalire Roma e sè vendicare: ché se eglino il sapesero per aventura, eglino il vorebono ritenere e prendere, come coloro ch’erano dela fedaltà di Roma [TF, 202].

Здесь, несмотря на многозначность *che*, выступающего то как местоимение ‘который’, то как союз ‘что’, то как союз ‘чтобы’ и , наконец, как изъяснительное слово *ché* ‘потому что’, синтаксические связи дифференцированы семантически и вся фраза образует конструкцию, которая может считаться нормативной и для современного итальянского языка.

Иначе обстоит дело с латинскими оригиналами. Так, выступая как переводчик трактата Вегеция "О военном искусстве", Боно Джамбони стремится передать не только смысл, но и стиль латинского оригинала. Это сразу же отражается на синтаксической структуре фразы, где появляются чуждые итальянскому *вольгаре* абсолютные конструкции и конечное положение личной формы глагола. Так, у Вегеция: *Matronae... crines viris suis obtulere pugnantibus, reparatisque machinis adversariorum impetum reppulerunt* - и у Боно: "Le donne tagliatisi i crini gli diedero a'mariti, e racconci i ballestri ed i mariti combattendo, poscia i nemici scacciaro [Segre 1963, 285, 293]. Та же фраза из Вегеция в переводе на французский Жана де Мена (современника Боно Джамбони) выглядит так: "Les dames offrirent lor crins a lor maris bataillants, de coi il rapareillerent lor engiens et bouterent arriere le roide assaut de lor anemis [Segre 1963, 285].

Как замечает Ч. Серпе, "il sentimento linguistico di Jean de Meun è più orientato verso la propria lingua e i propri ideali, quello di Bono rende il traduttore più proteso ad ascoltare la voce dell'antico [Segre 1963, 281]. Вместе с тем, нельзя сказать, что латинский оригинал всегда

предопределял синтаксическую структуру перевода. Более важной оказывалась главная функциональная направленность итальянского текста: при выдвигании на первый план эстетической функции возникают "облагораживающие" его латинизмы, в случае же дидактической или популяризаторской направленности, предполагающей широкий круг читателей, избирается свободный "аналитический" стиль изложения, с возможными комментариями переводчика. Такова, например, "Риторика" Брунетто Латини, представляющая собой перевод *De Inventione* Цицерона, называемого "первым автором" (*primo autore*), и обширные отступления второго автора, т.е. самого Брунетто, называющего себя толкователем (*sponitore*). Интересна как история появления этого труда, так и сама личность Брунетто. Нотариус по профессии и один из наиболее просвещённых людей своей эпохи, он занимал ряд важных должностей в гвельфском правительстве Флоренции. После поражения гвельфов в 1260 году при Монтаперти, он нашёл себе пристанище во Франции, у одного богатого итальянского купца, своего старого друга, и за шесть лет изгнания написал по-французски свою знаменитую энциклопедию (первую на народном языке, а не по-латыни) – «*Li livres dou Tresor*» (сразу же переведённую на флорентийский) и упомянутую выше "Риторику", которую он изложил "простым стилем" на родном вольгаре по просьбе своего друга, не знавшего латыни. Таких людей как этот купец было в Италии великое множество, как пишет Данте в I главе "Пира": *e sono molti e molte in questa lingua, volgari e non litterati*. [Conv. I, IX].

В "Божественной Комедии" Данте называет Брунетто *lo mio maestro* [Inf. XV, 97] и сохраняет в своей памяти его «дорогой отеческий облик» - *la cara e buona imagine paterna* [Inf. XV, 84]. Младший современник Данте, историк Джованни Виллани называет Брунетто первым просветителем флорентийцев, научившем их красноречию и умению управлять своим городом. Помимо "Риторике", Брунетто перевёл ещё несколько речей Цицерона, которые служили образцами ораторского искусства для политиков, адвокатов и демагогов. Как раз с вопроса о хорошем и дурном использовании риторического искусства и начинается пролог *De Inventione* Цицерона и "Риторике" Брунетто:

Sovente e molto ho io pensato in me medesimo se la copia del dicere e lo sommo studio della eloquenzia hae fatto più bene o più male agli uomini e alle cittadi: però che, quando io considero li dannaggi del nostro Comune, e raccolgo nell'animo l'antiche aversitadi delle grandissime cittadi, veggio che non piccola parte di danni v'è messa per uomini molto parlanti senza sapienza.

Qui parla lo sponitore

Rettorica è scienza di due maniere: una la quale insegna dire, e di questa tratta Tullio nel suo libro; l'altra insegna dittare, e di questa, perciò che esso non ne trattò così del tutto apertamente, si ne tratterà lo sponitore nel processo del libro in suo luogo e tempo, come si converrà.....

La cagione per che questo libro è fatto si è cotale, che questo Brunetto Latini, per cagione della guerra la quale fue tra le parti di Firenze, fue isbandito della terra quando la sua parte guelfa, la quale si tenea col papa e colla Chiesa di Roma, fue cacciata e sbandita della terra; e poi si n'andò in Francia per procurare le sue vicende, e là trovò uno suo amico della sua cittade e della sua parte, molto ricco d'avere, ben costumato e pieno de grande senno, che li fece molto onore e grande utilidade, e perciò l'appellava suo porto, sì come in molte parti di questo libro pare apertamente; ed era parlatore molto buono naturalmente, e molto desiderava di sapere ciò che i savi aveano detto intorno alla rettorica; e per lo suo amore questo Brunetto Latino, lo quale era buono intenditore di lettera ed era molto intento allo studio di rettorica, si mise a fare questa opera, nella quale mette innanzi il testo di Tulio per maggiore fermezza, e poi mette e giugne di sua scienza e dell'altrui quello che fa mistieri. L'utilidade di questo libro è grandissima, però che ciascuno che saprà bene ciò che comanda lo libro e l'arte, si saprà dire interamente sopra la quistione apposta [Contini, 241, 243, 244]. Здесь, как и в тексте "Деяний Цезаря" можно отметить (помимо романской структуры сложного периода) такие типичные для прозаических текстов XIII - XIV вв. явления, как парные синонимы (*mette e giugne*;

cacciata e sbandita), повторы одного и того же смысла в разных формах; цепочки сочинительных предложений; варьирование фонетической формы слова (è - èe; ha - hae; dannaggi - danni); усилительная частица sì в главном предложении, стоящим после придаточного, колебание в выборе формы артикля il - lo в одинаковой позиции (il testo - lo libro). Из староитальянской лексики отметим: dire, dicere в значении 'произносить' (речь) в отличие от dittare – 'составлять, писать' (письмо, книгу и т. п.); перевод латинских реалий через реалии своего времени (напр., res publica = il nostro Comune). Ключевым словом, определяющим цель сочинения, является utilitate 'польза', которую автор стремится принести людям, жаждущим знаний.

К концу XIII в. утилитарное отношение к латинским текстам как источнику полезных сведений сменяется преклонением перед стилем классических авторов и поисками адекватных средств для передачи на вольгаре латинских синтаксических конструкций.

Наиболее удачным опытом в этом направлении является перевод "Заговора Катилины" Саллюстия, сделанный пизанским ученым монахом Бартоломео да Сан Конкордио, современником Данте.

Чувствительный к тенденциям родного языка, Бартоломео не имитирует, а преобразует и истолковывает латинский текст, используя романскую модель сложного многоступенчатого периода. Ср.:

Interea Manlius in Etruria plebem sollicitare, egestate simul ac dolore iniuriae novarum rerum cupidam, quod Sullae dominatione agros bonaque omnia amiserat, praeterea latrones, quousque generis, quorum in ea regione magna copia erat ... (Sall. XXVIII). - Intanto Mallio in Toscana sollicitava il popolo, il quale per sua povertà e per dolore della ingiuria che¹ da' romani aveano ricevuta, erano² desiderosi di novità, perciò ch'elli nella signoria di Silla tutte lor possessioni aveano perdute. Anche sollicitava³ malandrini e ladroni d'ogni generazione⁴ de' quali in quel luogo avea⁵ grande abbondanza [Volgarizzamenti, 414].

Примечания:

1. che...вводит определительное предложение, отсутствующее в подлиннике;
2. личная форма глагола, отсутствующая в подлиннике;
3. повтор сказуемого после союза anche и образование независимого предложения вместо имплицитно-предикативного сочетания praeterea latrones – "кроме того – разбойников";
4. generazione – совр. итал. genere;
5. avea - совр. итал. c'era.

3. Новеллика и житийная литература.

Распространению флорентийского образца итальянской прозы способствовала широкая и длительная популярность трех сочинений конца XIII - начала XIV в. Это сборник "Ста новелл" (Новеллино), "Путешествие" Марко Поло (в переводе с французского) и "Жития Франциска Ассизского" (пересказ латинских версий, середина XIV в.). Рассмотрим их по порядку.

1. В конце XIII в. - по-видимому, одновременно с "Новой жизнью" Данте, появляется первый итальянский образец чисто нарративной прозы - *Libro di novelle e di parlar gentile*, получивший в издании XVI в. название *Novellino*.

Анонимный автор "Новеллино" (судя по языку сочинения, образованный флорентиец), пересказал известные ему из разных источников забавные и поучительные истории для развлекательного чтения в кругу почтенных горожан, "обладающих благородным сердцем" (*suoi gentili e nobili*), как сказано в авторском предисловии. Определение адресата и цели сочинения в этом предисловии содержит выражения, почти дословно совпадающие с тем, что пишет Данте в начале своего трактата "Пир": Люди благородные и сведущие в науке красноречия должны передавать свои знания незнающим, но желающим узнать. Хотя "Сто новелл" по содержанию являются прототипом "Декамерона" Боккаччо, их синтаксис и стиль в целом сохраняют естественную романскую конструкцию, допускающую в сложных периодах лишь немногочисленные герундиальные, причастные и инфинитивные обороты. Характерно, что в этих повествовательных текстах бессоюзное соположение простых предложений используется часто как стилистический прием, придающий динамичность и сжатость рассказу. Изредка встречается (тоже, возможно, как экспрессивное средство) конструкция парагипотаксиса, т.е. сочетание подчинительной и сочинительной связи внутри одного сложного предложения (типа *se dirà questo, e io dirò che...*), как, например, в следующей новелле (73) (сюжет которой потом разовьет Боккаччо в "Декамероне").

LXXIII

Come il Soldano, avendo bisogno di moneta, volle cogliere cagione [=accusare] a un giudeo.

Il Soldano, avendo bisogno di moneta, fu consigliato che cogliesse cagione a un ricco giudeo ch'era in sua terra, e poi gli togliesse il mobile [= il capitale] suo, ch' era grande oltre numero. Il Soldano mandò per questo giudeo, e domandòlli⁵ qual fosse la migliore fede, pensando: "S' elli dirà la giudea, io dirò ch' elli pecca contra la mia; se dirà la saracina, e io dirò dunque, perché tieni la giudea?". E 'l giudeo, udendo la domanda del signore, rispuose: - Messere, elli¹ fu un padre ch' avea tre figliuoli, e avea un suo anello con una pietra preziosa la migliore del mondo. Ciascuno² di costoro pregava il padre ch' alla sua fine [=morte] li lasciasse questo anello. E 'l padre, vedendo che catuno² il [=lo] voleva, mandò per un fino [buono]³ orafo, e disse: " Maestro, fammi due anella così a punto come questo, e metti in ciascuno una pietra che somigli questa". Lo maestro fece l'anella così a punto che niuno che conoscea il fine³ [quello vero] altro che 'l padre. Mandò per li figliuoli ad uno ad uno, e a catuno² diede il suo in secreto; e catuno² si credea avere il fine, e niuno ne sapea il vero altri che 'l padre loro. E così ti dico ch'è delle fedi, che sono tre. Il Padre di sopra sa la migliore; e li figliuoli, ciò siamo noi, ciascuno si crede avere la buona. - Allora il Soldano, udendo costui cosie⁴ riscuotersi [=cavarsela], non seppe che si dire di coglierli cagioni, sì lo lasciò andare [Contini, 279].

Примечания:

¹Личное местоимение *elli* - 3 л.ед. и мн.ч. имеет и безличное употребление (подобно французскому *il*);

²обычные фонетико-морфологические варианты слов: *catuno*=*ciascuno* (галлицизм), *il*=*lo*, *fino*=*fine*;

³некоторые слова, имеющие в современном языке более узкое значение, употребляются как синонимы слов общего значения: *fino, fine= buono, vero*;

⁴встречается эпитеза -е после слов с конечным ударным гласным: *cosìe*;

⁵регулярно соблюдается закон Тоблера-Муссафия: в начале предложения и после союза *et* безударные местоименные частицы могут находиться только в энклизе, т.е. в постпозиции к личному глаголу, с которым сливаются в одно фонетическое слово: "*mandò per questo giudeo e domandòlli*";

⁶преобладает наиболее древнее окончание 3 лица мн.ч. простого префекта - *ero, ago, iro*, прямо восходящее к латинскому: *AMĀ(VE)RU(NT) > amàro*; хотя изредка встречается также и аналогическая флексия: *amarono*, закрепившаяся в современном итальянском только у регулярных глаголов, ср. *amarono, no dissero*;

2. В конце XIII в. венецианец Марко Поло (1254-1324) отправляется в длительное путешествие (с 1271 по 1295 гг.) по странам центральной Азии, попадает в Пекин, ко двору императора Кубилая (племянника Чингисхана), обучается восточным языкам и, выполняя дипломатические миссии в соседних с монгольской империей странах, возвращается в Венецию, которая в тот период воевала с Генуей.

В 1298 г., участвуя в морском сражении в Адриатическом море, Марко Поло был взят в плен, попал в генуэзскую тюрьму, где познакомился с другим узником - Рустикелло да Пиза, который по счастливому стечению обстоятельств, был писателем и переводчиком французского цикла о рыцарях короля Артура. Рассказы Марко Поло он записал по-французски, в стиле рыцарских романов. Сенсационная книга была переведена на флорентинский вольгаре уже в 1309 году и получила название «*Libro di messer Marco Polo, cittadino di Venezia, ditto il Millione*» или просто «*Il Milione*» по родовому прозвищу семьи Поло – *Emilione*, откуда *Milione*. Описанные в ней удивительные вещи, отвечавшие тяге ко всему новому и неизведанному людей раннего Ренессанса, сразу обеспечили ей общеевропейскую известность. Факты, рассказанные Марко Поло, были многократно подтверждены и до сих пор имеют историческую ценность, как, например, приводимое ниже описание обычаев восточной секты наемных убийц, называемых ассасинаты (франц. *assassin*, итал. *assassino*).

Del Veglio della Montagna , e come fece il Paradiso, e gli assassini.

Milice è una contrada dove il Veglio della Montagna¹ soleva dimorare anticamente. Or vi conteremo l'affare, secondo come messer Marco intese da più uomini. Lo Veglio è chiamato in lor lingua Aloodyn². Egli avea fatto fare tra due montagne in una valle lo più bello giardino e 'l più grande del mondo; quivi avea³ tutti frutti e li più belli palagi del mondo, tutti dipinti ad oro e a bestie e a uccelli. Quivi era³ condotti [=canali]; per tale veniva acqua e per tale mèle e per tale vino. Quivi era³ donzelli e donzelle, gli più belli del mondo e che meglio sapevano cantare e sonare e ballare; e faceva lo Veglio credere a costoro che quello era lo⁴ paradiso. E perciò il⁵ fece perché Malcometto[=a.it.Macometto, it.Maometto] disse che chi andasse in paradiso avrebbe di belle femmine tante quante volesse, e quivi troverebbe fiumi di latte e di mèle e di vino; e perciò lo⁵ fece simile a quello che avea detto Malcometto. E gli saracini di quella contrada credevano veramente che quello fosse lo paradiso; e in questo giardino non entrava se no colui cui egli voleva fare assassino... E quando il⁴ Veglio vuole fare uccidere alcuna persona, egli fa tòrre [=togliere] quello lo quale sia più vigoroso, e fagli uccidere cui egli vuole; e coloro

lo fanno volentieri, per ritornare nel paradiso. Se scampano⁶, ritornano al loro signore; se è preso⁷, vuole morire, credendo ritornare al paradiso [Contini, 289].

Примечания:

¹Veglio - галлицизм, франц. vieux, итал. vecchio; il veglio della Montagna- глава еретической мусульманской секты "ассасинов", совершавших заказные убийства в состоянии опьянения; их центром был замок внутри горного массива на южном берегу Каспийского моря. Монгольский хан Хулагу, правитель Персии, в 1256 г. (а не в 1277 г., как сказано у Марко Поло) уничтожил это разбойничье гнездо;

²Alodun (итал. Aladino) - имя предпоследнего главы секты ;

³ староитальянские безличные глагольные формы è, era; ha, avea соответствуют современной итальянской личной конструкции c'è, c'erano;

⁴ определенный артикль в староитальянском имел две формы lo и il независимо от начала следующего слова; в ранних текстах lo встречается чаще, чем il;

⁵ безударное местоимение муж. рода ед. числа 3 л. в винительном падеже имело две формы - более древнюю il и более позднюю lo;

⁶окончание глагола 3 лица мн. числа индикатива и конъюнктива часто совпадали, ср. scampano, ritorono;

⁷согласование по смыслу.

В целом, текст «Il Milione» (так же как «Novellino» и «Fioretti di San Francesco»), сохраняет естественную структуру романской речи, не теряющую связь со своей разговорной базой.

3. Fioretti di San Francesco (вторая половина XIV в).

Книга представляет собой пересказ на чистом тосканском (флорентийском) вольгаре поучительных историй из жизни Франциска Ассизского (1181-1226) и его учеников, изложенных на латыни в начале XIV в. (Actus beati Francisci et sociorum eius) францисканским монахом Уголино из Монтеджорджо. Само слово Fioretti, Fiori в средневековых компиляциях обозначало "сборник", "букет", напр. " Fiori e vita di filosofi e altri savi".

«Fioretti di San Francesco» рассказывают о повседневной жизни Франциска Ассизского и его двенадцати учеников по модели жизнеописаний Иисуса Христа: исторические персонажи здесь говорят и действуют в атмосфере божественных откровений и чудес, творимых Франциском. Благодаря простоте и живости изложения «Fioretti» по своей популярности не уступали Библии, «Божественной Комедии» и «Декамерону». Так, с появлением в Италии первых печатных изданий они заняли третье место в этом ряду.

Capitolo XXI. Come santo Francesco liberò la città d'Agobbio [=Gubbio] da uno fiero lupo.

Al tempo che santo Francesco dimorava nella città d'Agobbio, nel contado d'Agobbio apparì uno lupo grandissimo e terribile e feroce, il quale non solamente divorava gli animali, ma eziandio gli uomini intanto che tutti i cittadini stavano in gran paura, però che spesse volte s'appressava alla città. E tutti andavano armati, quando uscivano della terra⁸ [=città, villaggio], come s'eglino andassero a combattere, e con tutto ciò non si potevano difendere da lui, chi in lui si scontrava solo. E per paura di questo lupo vennono² a tanto, niuno era ardito d'uscire fuori della terra. Per la qual cosa santo Francesco, avendo compassione agli [=degli] uomini della terra, si³ volle uscire fuori a questo lupo, benchè i cittadini al tutto lo ne scongiavano. E facendosi il segno della santa croce, uscì fuori della terra, egli co' suoi compagni, tutta la sua confidenza ponendo in Dio. E dubitando⁴ gli altri d'andare più oltre, santo Francesco prende il cammino inverso il luogo ove era il lupo. Ed ecco che, veggendo molti cittadini⁵, i quali erano venuti a vedere questo miracolo, il detto⁶ lupo si fa incontro a santo Francesco, colla bocca aperta, e appressandosi a lui, santo Francesco si³ gli fa il segno della croce e chiamalo⁷ a sé, e dice così: - Vieni qua, frate lupo, io ti comando dalla parte di Cristo che tu non facci male né a me né a persona. Mirabile cosa a dire, immantenente che santo Francesco ebbe fatta la croce, il lupo terribile chiuse la bocca e ristette⁸ di correre. E fatto il comandamento, venne mansuetamente come uno agnello, e gittòssi⁷ a' piedi di santo Francesco... [Contini, 548].

Примечания:

¹ Поскольку в староитальянском личные местоимения 3 лица имели для единственного и множественного числа одну и ту же форму *elli* (ее варианты *egli, ei, e'*), для множественного числа в текстах XIV в. появляются формы *eglino* и *egliro*, где окончание заимствовано у глагола 3 лица мн.числа;

² у форм 3 л. мн.числа простого перфекта появляется, наряду с этимологическим окончанием *-ro* (*vennero*), окончание *-no*, по аналогии с презенсом и имперфектом (см.примечание 6 к «Novellino»);

³ в староитальянских текстах вплоть до XVI в. главное предложение, следующее за придаточным или за герундиальным оборотом, часто вводится усилительной частицей *sì* < SIC;

⁴ глагол *dubitare* (вариант *dottare*) имеет значения 'бояться', 'опасаться', 'сомневаться';

⁵ абсолютный герундиальный оборот, с субъектом *cittadini*, букв. 'видя это, все горожане...';

⁶ причастие *detto* в ранней прозе часто выступает как указательное прилагательное 'сказанный', 'вышеупомянутый';

⁷ в тексте соблюдается закон Тоблера-Муссафия;

⁸ *ristare* в староитальянском = *cessare*.

4. Хроники.

В средневековой Италии почти каждый город имел своего хрониста, составлявшего свои анналы на латинском языке. Первые хроники на вольгаре появились в конце XIII в. во Флоренции.

Так, анонимная *Cronichetta fiorentina* регистрирует события с начала XI в., вплоть до скандального избрания папой Бонифация VIII в 1296 г. Нарративный текст сопровождается живыми портретами современных хронисту лиц. Автор "Флорентийской хроники", по-видимому, францисканский монах, был далек от светской образованности, плохо знал латынь (см. искажения латинизмов типа *grorioso* вместо *glorioso*), не соблюдал законов риторики и придерживался в своем произведении привычных сочинительных цепочек. Изобразительная сила текста, свободная от стилистических красот, возникает за счет его непосредственной разговорности, а также природной наблюдательности автора, как, например, в следующем отрывке, где речь идет о святом отшельнике Петре с горы Морроне, избранном папой под именем Целестина V, после более чем двухлетних споров между различными претендентами.

Celestrino quinto, figliuolo di Giacomo nato di Parma, santo remito [=eremita], chiamato Piero di Morrona, fatto papa nel mese di giugno, sedette papa mesi 5 e die 8 e vacò⁷ la Kiesa mesi 30. Questi¹ essendo uomo religioso e di santa vita, elli¹ fue² ingannato sottilmente da papa Bonifazio per questa maniera etc.: che lo detto papa, per suo trattato [=cospirazione] e per molta moneta che spese al patrizio, rinchiudevasi la notte nella camera del papa, ed avea una tromba lunga, e parlava nella tromba sopra il letto del papa, e dicea:"Io sono l'angelo che ti sono mandato a parlare, e comàndoti dalla parte di Dio grorioso⁵ che tue² immantenente debbi rinunciare al papato; e ritorna ad essere romito. E così fece³ tre notti continue, tanto ch' elli³ crette [=credette] alla boce [=voce] d'inganto [=inganno] e rinunciò al papatico, del mese di dicembre, e con animo diliberato co li suo' frati cardinali dispose [=depose] sé medesimo, ed elesse papa uno cardinale d'Anagna ch' havea nome messer Benedetto Gatani, e suo nome papale Bonifazio ottavo. E'⁴ si disse che questo papa fece sacretamente [=segretamente]⁵ pigliare papa Celestrino che rinunciò⁷ e fècello istrangolare, e altri dissero ch' elli fece morire in prigione, accio che non perdesse il papatico; ma di sua morte non si legge alkuna cosa, o quello che di lui si fosse. Elli fue simplicissimo [semplicissimo]⁵ e sancto⁶; in vita fece miracoli di molte cose; elli cavalcava l'asino e vilmente vestia e simigliante vivea. E' si disse ch' morì² in prigione nella rocca di Formone [=Fumone], presso ad Alagna [=Anagna] a 10 miglia, a dì 17 di maggio, per fattura di papa Bonifazio [Contini, 472].

Примечания:

¹ Синонимичные формы *questi* и *elli* 'он' повторяют подлежащее главного предложения - типичное для разговорного языка плеонастическое употребление местоимений, обеспечивающих связность текста;

² *tue, fue* - эпитеза *e*;

³ различная соотнесенность (референция) показателей 3 лица глагола и местоимения 3 лица в двух смежных предложениях;

⁴ безличное употребление местоимения 3 л.ед.числа;

⁵ фонетические искажения латинизмов, так называемые *parole semidotte*, в отличие от *parole dotte*, типа *gloria*;

⁶ скорее всего, чисто графический латинизм;

⁷ отсутствие выражения предшествования (*trapassato*) в глагольной форме: то, что место папы оставалось вакантным 30 месяцев, предшествовало избранию Целестина папой. Ср. также преждевременное название Бенедетто Гаэтани папой.

В начале XIV в. хронику Флоренции своего времени - "Cronica delle cose occorrenti ne' tempi suoi" излагает непосредственный участник описываемых событий, видный политический деятель и поэт Дино Компаньи (1260?-1324), современник и соратник Данте, сторонник демократических реформ, поддержавший "Установления справедливости" 1293 года. Будучи в составе приоров города, он (вместе с Данте) в 1301 году обращался с протестом к Бонифацию VIII против ввода войск Карла Валуа во Флоренцию, а после захвата власти черными гвельфами (во главе с Корсо Донати) был вынужден оставить политическую карьеру, хотя и не был изгнан из города, как большинство белых гвельфов (включая Данте). Эмоциональная пристрастность к описываемым событиям находит свое выражение не в патетически-возвышенной риторике (как у Гвиттоне), а в личном присутствии автора в тексте, столь редком для историка, и, соответственно, в сохранении "романской" структуры периодов, где гипотаксис и паратаксис гармонично чередуются. В следующем отрывке (II, VIII) речь идет о совещании приоров и других должностных лиц (*gli ufici*) по поводу установления мира между белыми и черными гвельфами без помощи Карла Валуа. "Хроника" Дино Компаньи сохранилась в копии XV в., что, возможно, объясняет частое появление морфем, нетипичных для XIV в.

Stando le cose in questi termini, a me Dino venne un santo e onesto pensiero, immaginando: "Questo signore [=Carlo Valois] verrà, e tutti i cittadini troverà ¹ divisi ; di che grande scandalo ne seguirà". Pensai, per lo uficio ch'io tenea e per la buona volontà che io sentia ne' miei compagni, di raunare molti buoni² cittadini nella chiesa di San Giovanni; e così feci. Dove furono tutti gli ufici³ ; e quando mi parve tempo, dissi: "Cari e valenti cittadini, i quali comunemente tutti prendesti⁴ il sacro battesimo di questo fonte, la ragione vi sforza e strigne⁵ ad amarvi come cari frategli⁶; e ancora perché possedete la più nobile città del mondo. Tra voi è nato alcuno sdegno, per gara d'ufici, li quali, come voi sapete, i miei compagni e io con saramento [=giuramento] v'abbiamo promesso d'accomunarli [Contini: «assegnare le cariche senza distinzione di parte»]. Questo signore viene e conviensi onorare. Levate via i vostri sdegni e fate pace tra di voi, acciò che non vi trovi divisi: levate tutte l'offese e ree [=cattive] volontà state [=che sono state] tra voi di qui adietro; siano perdonate e dimesse⁵, per amore e bene della vostra città. E sopra questo sacro fonte, onde traesti il santo battesimo, giurate tra voi buona e perfetta pace acciò che il signore che viene truovi i cittadini tutti uniti".

A queste parole tutti s'accorderono⁷, e così feciono⁷, toccando il libro [=il Vangelo] corporalmente [=con la mano] e giurorono⁷ ottenere [mantenere] buona pace e di conservare gli onori e giurisdizioni della città. E così fatto, ci partimmo di quel luogo. I malvagi cittadini, che di tenerezza mostravano lagrime e baciavano il libro, e che mostrarono⁷ più acceso animo, furono⁷ i principali alla distruzione della città [Contini, 477].

Примечания

¹ удвоенное *rr-* у глаголов I спряжения в форме будущего времени часто появляется в староитальянском по аналогии с глаголами типа *venire*, где после синкопы *i* происходит ассимиляция двух сонантов: *venrà > *verrà*;

² *buoni cittadini* = *buoni uomini* - термин, обозначающий магистратов Комуны;

³ *ufici* здесь метонимически 'магистраты';

⁴ *prendesti, traesti* - окончания 2 л.ед. и мн. числа простого перфекта совпадают;

⁵ *sforza e strigne; perdonate e dimesse* - эндиады, т.е. парные синонимы;

⁶ окончание *gli* во мн.числе существительных, имеющих в корне двойное *-ll-*, широко распространилось во Флоренции только в XV в.;

⁷ окончание 3 л.мн.числа перфекта *-opo* по дистантной ассимиляции вызвало у глаголов 1 спряжения переход основной гласной *a* > *o*: *accordorono, - giurorono, - mostrarono*.

Следующим историком Флоренции, считающимся отцом итальянской историографии, был младший современник Дино и Данте - Джованни Виллани, сторонник черных гвельфов, богатый купец, связанный со знаменитым банкирским домом Барди, финансировавшим французских королей.

Дж. Виллани занимал видные должности в правительстве Флоренции, часто бывал по делам во Франции. Умер в 1348 г. от чумы. После его смерти "Историю Флоренции" продолжили его брат Маттео и сын Филиппо Виллани.

Решение написать историю Флоренции для ее прославления Дж. Виллани принял в 1300 г., когда, приехав в Рим на юбилейные торжества, он увидел Вечный город во всем его величии. Свой 12-томный труд он начал по традиции от сотворения мира, возникновения Римского государства и т.п. Когда же он дошел в 7-м томе до близких и современных ему событий, он стал излагать то, что слышал и видел в мельчайших подробностях. Лишенный, в отличие от Дино Компаньи, литературного таланта, Виллани не справляется с обилием материала и не находит компактной формы для организации текста. Разнообразные формальные средства логико-синтаксической связи, существующие уже в письменном языке, (относительные местоимения *che, il quale, onde*, герундиальные обороты, причинно-следственные и уступительные союзы - *però, perché, acciòché, onde, si* и др.), беспорядочно чередуясь, вписываются в общий линейный ряд. Возникает своего рода "поверхностный гипотаксис", мало отличающийся от паратаксиса, как в следующем отрывке.

[L'Alluvione]

Negli anni di Cristo 1333, il dì di calendi novembre, essendo la città di Firenze in grande potenza e in felice e buono stato più ch'ella fosse stata dagli anni 1300 in qua, piacque a Dio come disse per la bocca di Cristo nel suo Evangelio, "Vigilate, che non sapete il dì ne' l'ora del giudicio di Dio", il quale¹ volle mandare sopra la nostra città; onde² quel dì della Tussanti [=Ognissanti] cominciò a piovere diversamente³ in Firenze ed intorno al paese e nell'alpi e montagne, e così seguì al continuo quattro dì e quattro notti, crescendo la piovà isformatamente e oltre al modo usato, che⁹ pareano aperte le cataratte del cielo, e colla detta⁴ pioggia continuando spessi e grandi e spaventevoli tuoni e baleni, e

cagendo⁵ folgori assai; onde² tutta gente¹⁰ vivea in grande paura, sonando al continuo per la città tutte le campane delle chiese infino che non alzò l'acqua; e in ciascuna casa bacini o paiuoli; con grandi strida gridandosi a Dio "Misericordia, misericordia" per le genti ch'erano in pericolo, fuggendo le genti¹⁰ di casa in casa e di tetto in tetto, faccendo ponti da casa a casa, ond'era sì grande il romore e 'l tumulto, ch'appena si potea udire il suono del tuono. Per la detta⁴ pioggia il fiume d'Arno crebbe in tanta abbondanza d'acqua, che prima onde si muove scendendo dell'alpi; con grande rovina ed émpito, sicché sommerse molto del piano di Casentino e poi tutto il piano d'Arezzo e del Valdarno di sopra, per modo che² tutto il [=lo] coperse e scorse d'acqua e consumò ogni sementa fatta, abbatendo e divellendo gli alberi, e mettendosi innanzi e menandone ogni molino e gualchiere ch'erano in Arno <....> e però⁶ più a pieno avemo⁷ messo in nota in questa Cronica di questo disordinato diluvio a perpetua memoria, perché⁶ è stata grande novità⁸ da notare, che⁹, dappoiché la città di Firenze fu distrutta per Totile flagellum Dei, non ebbe sì grande avversità e dammaggio¹⁰ [Contini, 490].

Примечания

¹ il quale - прямое дополнение к глаголу mandare;

² onde - синоним per modo che 'так что';

³ diverso, diversamente, как и прилагательное strano, могут обозначать в староитальянском 'отличающийся от других, необычный, странный и страшный', (diverso e strano, со значением 'ужасный');

⁴ il detto, la detta 'упомянутый' - частый канцеляризм в староитальянском.

⁵ cagendo, veggendo – формы, образованные от 1 л. ед.числа глаголов caggio = cado, veggio=vedo;

⁶ причинно-следственный период, составленный из двух соподчиненных предложений, вводимых e però 'и поэтому' и perché 'потому что';

⁷ флексия 1 л. мн.числа презенса avemo, прямо восходящая к лат. habemus, уже во времена Данте и Дино начинает чередоваться с аналогической флексией -iamo, совпадающей с формой конъюнктива;

⁸ nuovo, novità имеют в староитальянском значение, близкое к strano - нечто, поражающее воображение, необычное, неуместное, забавное.

⁹ che - здесь изъяснительный союз 'так что';

¹⁰ tutta gente, le genti, dammaggio - галлицизмы.

Кроме капитального труда Виллани, во Флоренции появляются автобиографические хроники, жизнеописания, дневники и наставления потомкам, как например, "Книга о добронравии" – «Libro di buoni costumi» - купца Паоло да Чертальдо, современника и соседа Джованни Боккаччо по земельному участку в Чертальдо. Поучения, которые он оставляет своим наследникам, и язык, которым он пользуется, дают представление о моральных ценностях и культурном уровне заурядного флорентийца среднего достатка:

Следует посещать церкви и слушать проповеди - usa a le chiese spesso e a' predicari, ché molti buoni assempli [=esempi] e costumi v'imparerai; e diviene l'uomo molto savio e avveduto e usante e parlante¹ in però che vi si dice tutto il bene [Paolo da Certaldo 1945, 100].

Нельзя терять чувства меры - misura; нельзя спешить на улицу, когда там драка - non essere corrente a uscire di casa; нельзя терять даром время - il tempo perduto già non si può racquistare ne' ricoverare², fa tu sii sollicito³ e provveduto⁴ in tutti i tuoi fatti, e da la nigrigenzia⁵ ti guarda come da tuo nimico⁶ corporale [Paolo da Certaldo 1945, 224].

Женщину следует держать в строгости - La femina è cosa molto vana e leggiere a muovere, e però quand' ella sta senza⁷ il marito, sta a grande pericolo. E però se ài femine in casa, tielle⁸ appresso il più che tu puoi, e torna spesso in casa e provvedi i fatti tuoi, tielle in tremore e in paura [Paolo da Certaldo 1945, 105].

Если в семье рождается мальчик, его надо хорошо кормить, хорошо одевать, а в шесть или семь лет начинать учить чтению, а потом учить тому искусству, к которому у него есть склонность. Если же рождается девочка, ее следует воспитывать иначе: E s'ell' è fanciulla femina, polla⁹ a cuscire, e non a leggere, che non istà troppo bene a una femina sapere leggere se già no la volessi fare monaca.<....> La fanciulla femina vesti bene, e come la pasci¹⁰ no le cale¹¹, pur ch'abbia sua vita: non la tenere troppo grassa [Paolo da Certaldo 1945, 127].

Примечания

1. usante e parlante - общительный и красноречивый; usare con... имеет в староитальянском значение "frequentare", "общаться".

2. ricoverare - совр.ит. ricuperare 'вернуть потерянное'; глагол ricoverare в современном итальянском имеет иное значение - dare ricovero 'приютить'.

3. sollicito - лат. sollicitus 'внимательный, чуткий, взволнованный', совр.ит. sollecito.

4. provveduto - совр.ит. previdente 'предусмотрительный'; частичная синонимия латинских глаголов providere и praevidere 'предвидеть' в совр.ит. устранилась: provvedere получило значение 'запасать, снабжать', le provviste 'провизия, запасы'.

5. nigrigenzia - искаженный латинизм, лат. negligentia 'лень, беспечность', совр.ит. negligenza.

6. nimico - лат. inimicus, совр.ит. nemico.

7. senza - совр. senza.

8. tielle - ассимиляция с энклитикой: tieni+le 'держи их' (т.е. женщин).

9. polla - poni+la

10. pasci, глагол pascere от лат. pascere 'кормить, пасти', совр.итал nutrire;

11. no le cale - совр. importa; лат. calere 'горячить, волновать'; совр.ит.арх. mettere a non calere 'не придавать значения'.

Нельзя обойти молчанием еще одно интересное сочинение второй половины XIV в., написанное на римском диалекте анонимным автором - а именно "Жизнеописание Колы ди Риенцо" - "Vita di Cola di Rienzo". Это не только документальное свидетельство очевидца событий, происходивших в Риме во время авиньонского пленения пап, но и образчик чистого римского вольгаре XIV в., испытавшего в последующие века сильное влияние тосканского диалекта.

В следующем ниже отрывке видны такие типично южные черты, как 1) метафоническая дифтонгизация открытых гласных [e] и [o] (независимо от закрытости или открытости слога) под влиянием конечных [i] и [u]: IUDEI > Iudiei, TEMPUS > tiempo, но HOMO > omo; 2) кондиционал, восходящий к латинскому плюсквамперфекту индикатива: potueram > pòtera; 3) совпадение 1 лица ед.ч. и 1 лица мн.ч. в presente: soco (=sono), iaccio (=giaccio); 5) переход группы согласных It > it: moito, aito, aitro; переход начального b-> v-: basso – vasso, vocca – vocca; переход группы –nd- > -nn-: vennetta; йотизация g в интервокальной позиции: legere > leiere (=leggere), regionem > rione (=regione).

Cola de Rienzi fu de vasso lenaio¹: lo patre fu tavernaro, abbe nome Rienzi; la matre abbe nome Matalena, la quale visse de lavare panni e acqua portare. Fu nato nello rione della Regola: sio avitazio² fu canto de³ fiume, fra li mulinari, nella strada che vao alla Regola dereto a Santo Tomao, sotto lo tempio delli iudiei. Fu da soa iuventudine nutricato de latte de eloquenzia, buono grammatico, migliore retorico, autorista⁴ buono. Deh, como e quanto era veloce leitore! Moito usava Tito Livio, Seneca e Tulio e Valerio Massimo, moito li delettava le magnificenzie de Iulio Cesari raccontare. Tutta die se speculava⁵ nelli inatagli de marmo, li quali iaccio intorno a Roma: non era aitri che esso che sapessi leiere li antiqui pataffii⁶, tutte scritture antiche vulgarizzava; queste figure de marmo iustamente interpretava. Deh, como spesso diceva: "Dove soco questi buoni romani? Dove ene loro summa iustizia? Pòterame trovare in tempo che questi fussino!" Era bello omo, e in soa vocca sempre riso apareva in qualche muodo fantastico.

Questo fu notaro. Accadde che uno sio frate⁷ fu occiso e non fu fatta vennetta da soa morte: non lo potèo aiutare. Penzao longamano vennicare lo sangue de sio frate, penzao longamano derizzare la citate di Roma male guidata [Contini, 507].

Примечания (лексические).

1. lenaio = lignaggio, legnaggio 'происхождение';
2. avitazio = abitazione;
3. canto de = accanto a;
4. autorista 'знаток античных авторов';
5. se speculava 'вглядывался, разглядывал';
6. pataffii = epitaffi;
7. frate = fratello.

Рассмотренные выше образцы итальянской прозы XIII-XIV вв. показывают, что во времена Данте и Боккаччо тосканский (и особенно флорентийский) вольгаре уже располагал разнообразными стилистическими возможностями.

Конец XIII в. и весь XIV в. – это период живой органической связи разговорного флорентийского вольгаре, получившего приоритетное положение среди прочих *volgari italici* благодаря Данте, Петрарке и Боккаччо. Но прежде чем перейти к характеристике их языка (стиля), следует остановиться на структурных аспектах флорентийского диалекта той эпохи (т.е. староитальянского) от современного итальянского языка.

ГЛАВА 5. ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРОИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА.

I. Морфология частей речи.

1. Существительные и прилагательные.

Отличительной чертой каждого языка на ранних этапах развития является многообразие фонетических форм одного и того же слова или одной и той же морфемы, т.е. полиморфия. В староитальянском (флорентийском вольгаре) ее источниками были:

- 1) влияние латинских словоформ,
- 2) влияние словоформ сицилийской поэтической традиции,
- 3) проникновение в флорентийский некоторых форм из других тосканских диалектов,
- 4) аналогическое влияние соседних парадигм внутри самого флорентийского диалекта.

Морфемы рода и числа некоторых слов отличаются от их реализаций в современном итальянском.

В результате аналогических переходов из одного склонения в другое такие современные итальянские слова, как *ala*, *arma*, *persona*, *porta* могут иметь в староитальянском в ед. числе форму *arme*, *ale*, *porte* и, соответственно, во мн. числе - *le armi*, *le ali*, *le porti*; а слова женского рода, имеющие в ед. числе окончание -*e*, как *la parte*, *l'arte*, могли иметь во мн. числе форму *le parte*, *le arte*. Следы этих аналогических процессов сохранились в современном языке в "неправильных" образованиях мн. числа: *l'arma* - *le armi*, *l'ala* - *le ali*.

Многие существительные, восходящие к латинским существительным среднего рода, сохраняют во множественном числе этимологическое окончание -*a* или -*oga*, утраченное ими в современном языке, например, *lo corpo* - *le corpora*, *lo capo* - *le capita*, *il castello* - *le castella*, *lo prato* - *le pratora*. У Паоло да Чертальдо встречаются такие формы мн. числа как *le sacca*, *le uscia*, *le anella*, у Боккаччо находим *le mulina*. В современном языке способ образования мн. числа на -*a* у слов мужского рода не продуктивен.

Некоторые существительные женского рода, восходящие к латинским именам женского рода III склонения на -*TAS*, *TATEM*, могут иметь в староитальянском подвижное ударение: *POTESTAS* > староитал. *podesta*, *POTESTATEM* > *podestà*; *PIETAS* > староитал. *pieta*, *PIETATEM* > *pietà*, *pietade*; *TRINITAS* > староитал. *trinita*, *TRINITATEM* > *trinità* (во Флоренции один из мостов через Арно до сих пор называется *Ponte Santa Trinita* - Мост Св.Троицы).

Существительные-галлицизмы с суффиксом - *ier*: *cavaliere*, *pensiero*, могут иметь в единственном числе форму *cavaliери*, *pensieri*.

Существительные и прилагательные, имеющие в основе двойной -*ll-*, иногда смягчают его во множественном числе: *cavallo* - *cavagli*, *bello* - *begli*, *quello* - *quegli*. Эти формы, возникшие по аналогии с местоимением *ello* - *egli*, сохранились в современном языке только у двух последних слов в позиции перед *s-* *impura* или перед гласным следующего существительного.

2. Определенный артикль.

Мужской род ед. число - lo, il, el; мн.число - i, li, gli (независимо от начала следующего слова).

В сочетании с предлогами и с союзом e (в энклизе) артикль м. рода ед. и мн. числа редуцируется частично или полностью: a + il > al, e + il > e', de + i > de', tra + i > tra'; кроме того, в отличие от современного языка, в сочетаниях с предлогами конкурируют формы с двойным и упрощенным l: allo - alo, dello - delo, delli - dei, а также их слитное или раздельное написание: de lo, a lo, in lo, in ello, nello. Перед словом, начинающимся с l, артикль часто ассимилируется: de' lato, de' libro; перед r иногда происходит ассимиляция типа er Re, ir Re (в римском диалекте закрепилась форма артикля er).

3. Личные местоимения.

Местоимения 1 и 2 л. ед.числа io, tu совпадают с современными. Перед простым согласным следующего слова io может терять конечный гласный: Ma poi ch'ì fui al piè d'un colle giunto [Inf. I, l, 13].

Местоимения noi, voi могут иметь в языке поэзии «сицилийские» формы nui, vui.

Местоимения 3 л. ед.числа имеют варианты elli, egli, ei, которые совпадают по форме с множественным числом. Для устранения грамматической омонимии возникают аналогические формы ellino, elligo для множественного числа и даже ellirono, принявшие личные окончания глаголов 3 л. мн. числа презенса и перфекта.

Форма 3 л. ед.числа elli, egli, но чаще в сокращенных безударных вариантах ei, e', 'gli, часто выступает в функции безличного субъектного местоимения (подобно французскому il - il pleut). Например: E' si disse che questo papa [Contini, Chron., 472] 'Говорили, что этот папа...'.

Клитическая (т.е. безударная) форма 3 лица аккузатива имеет два варианта в мужском роде: более древний il и более поздний, закрепившийся в современном итальянском, lo: E lo 'mperadore il pregò...[Contini, Novellino, 267] 'И император его попросил...'.

Клитическая форма 3 л. датива передается (для обоих родов и чисел) вариантами li, gli, le, glie, gne. Устойчивая комбинация двух клитик в ранних текстах имела порядок "его+ему" (общую для обоих родов): lili, li le, lo gli; в конце XIV в. под влиянием соседних тосканских диалектов местоименные частицы поменялись местами и приняли современную слитную форму glielo, gliela или раздельную li lo, gli la.

В XV веке распространилась также неизменяемая по родам форма gnepene.

Местоименные безударные частицы, примыкая к глаголу, выступают как энклитики или как проклитики. С неличными формами они помещаются в энклизе, как и в современном итальянском: vederlo, vedendolo, vedutolo. Употребление их с личными формами глагола регулируется законом Тоблера-Муссафиа: в абсолютном начале предложения и после

сочинительных союзов *e* и *ma* местоименные частицы не могут находиться перед глаголом-сказуемым. Ударный присоединительный союз *sì* < SIC 'так' открывает возможность препозиции клитик, например: Allora conobbe lo re che 'l senno ch' elli avea, si era per bontà del figliolo: sì li perdonò, e donòlli nobilmente [Novellino, Contini, 266] 'Тогда король (т.е. Генрих II Английский) понял, что он (т.е. Бертран де Борн) потерял свой разум из-за любви к его сыну: и так он его (Бертрана) простил и щедро одарил'.

Закон Тоблера-Муссафиа перестает строго соблюдаться уже к концу XIV в. В XVI в. место клитик при личном глаголе становится произвольным и целиком зависит от ритма фразы.

4.Глагол

Неличные формы глагола структурно совпадают с современными.

Личные формы. Их временные парадигмы.

Презенс индикатива:

1 л. ед. числа. Поэтические формы южного происхождения типа *aggio* (=ho), *veggio*, *deggio*, *saccio* встречаются главным образом в поэтических текстах.

1 л. мн.числа имело окончание *-amo*, *-emo*, *-imo*, непосредственно восходящее к латинскому этимону. В XIV в. его постепенно вытесняет (сначала в первом спряжении) окончание *-iamo*, общее для индикатива и конъюнктива.

В 3 л. мн.числа окончание глаголов I спряжения *-ano* (*amano*) спорадически заменяется окончанием *-ono* (*amono*), общим для всех трех спряжений.

По аналогии с 3 л. мн.числа глаголов *avere* и *sapere* - *sanno*, *hanno*, существуют формы *enno*, *ponno*, *denno*, наряду с *sono*, *possono*, *devono*.

Презенс конъюнктива у глаголов *dare*, *stare* - *dea*, *stea* заменяется к XV в. на *dia*, *stia* по аналогии с конъюнктивом глагола *essere* – *sia*.

Имперфект индикатива:

Морфема 1 и 3 лица I спряжения *-ava*, II - *eva*, III – *iva*. Согласный постоянно сохранялся только у глаголов I спряжения (*amava* < АМАВАМ); у глаголов II и III спряжения морфема могла терять интервокальное *-v-* и принимать форму *-ea*, *-ia* (*credea*, *avia*, *sentia*). У глаголов II спряжения форма на *-ea* сохраняется вплоть до XIX в. - *avea*, *credea*, но только для 3 лица.

1 л. ед.числа в XIV в. имело этимологическое окончание *-a*: *io era*, *io rovinava*, *io poteva*, *io contentava* (Воссaccio). Современное окончание *-o* (аналогия с флексией 1 лица презенса) распространяется только в XV веке.

Имперфект конъюнктива

В 1 л. ед. числа еще встречается этимологическая флексия -e: AMAVISSEM > amasse, наряду с более поздней флексией -i, которая возникла по аналогии с перфектом – amai < AMAVI.

В 3 л. мн.числа сосуществуют три варианта флексии: более ранняя, этимологически правильная - eno: amasseno, dormisseno < AMASSENT, DORMISSENT, и аналогические -ono, -ero, -oro: potessono, fossono, amassero, распространившиеся к XV в.

Простой перфект - Passato remoto

В 3 л. ед. числа у регулярных глаголов, оканчивающихся на ударный гласный -ò, -è, -ì иногда появляется эпитеза -e или -o: parlòe, sentio. Из нерегулярных глаголов с эпитезой - e встречается только fue.

В 3 л. мн. числа наблюдается конкуренция многочисленных вариантов (их исследованию посвящена книга Джованни Ненчони «Fra grammatica e retorica. Un caso di polimorfia della lingua letteraria dal secolo XIII al XVI» [Nencioni 1954]. Конкурируют этимологически правильная наиболее древняя морфема -aro, -iro: amaro, dormiro < AMA(VE)RUNT, DORMIRUNT (у нерегулярных глаголов она сохранилась и в современном языке: dissero < DIXERUNT) и более поздние аналогические формы: -oro (по 3 л.ед.числа levò - levoro), - arono, -irono (по 3 л. мн. числа презенса levano - levarono), синкопированные формы - arno, -irno (levarno, andarno, andorno) и формы с ассимиляцией группы - rn- (andonno). Некоторые из этих вариантов проникли в флорентийский из северотосканских диалектов. Хотя для неправильных глаголов в староитальянском преобладала этимологическая форма -ero, спорадически встречаются перфекты с добавочным аналогическим окончанием -no: dissero – disserono, или с замещенным окончанием: disseno, dissono.

Глаголы II спряжения часто принимают суффикс - etti, ette (под влиянием перфекта от stare - stetti), например, tacetti, tacette, credetti, credette, который в староитальянском спорадически появляется и у глаголов III спряжения: convenire - convenette, seguire - seguette.

Будущее время

В флорентийском вольгаре глаголы I спряжения изменяют основной гласный -a- на -e-: *parlare+ho > parlarò > parlerò (замена -e- на -a- южнотосканского происхождения: essere+ho>sarò); у глаголов с плавными согласными l, m, n перед гласным основы после синкопы этого гласного происходит их ассимиляция с согласным r: *venir+ho > venirò > venrò > verrò. Иногда двойной согласный rr интерпретируется как часть морфемы будущего времени и распространяется на другие глаголы: anderrò, mosterrò, troverrò, amerrò. 3 л. ед. числа глагола essere - sarà конкурирует с более редкой формой fia, восходящей к конъюнктиву глагола fieri, например, у Паоло да Чертальдо: Il fanciullo maschio pasci bene...sì fia forte e atante [Paolo da Certaldo 1945, 126].

Кондиционал

В отличие от диалектов Севера и Юга Италии (а также Испании и Франции), где кондиционал образовался из инфинитива+имперфект глагола HABERE: DICERE+HABEBAM > diria, в флорентийском вольгаре эта форма восходит к сочетанию инфинитива с перфектом глагола avere: DICERE+HABUI > direi, diresti, direbbe. Под влиянием сицилийской поэтической школы в Тоскане распространился южный тип на - ia, особенно в поэтическом языке. В прозе он встречается у авторов "высокого" стиля (Данте, Боккаччо).

В диалектах Юга Италии сохраняется в значении кондиционала форма на -ga, восходящая к латинскому плюсквамперфекту индикатива: CANTAVERAM > cantara, HABUERAM > avèra, FUERAM > fora. У флорентийских авторов изредка встречается форма fora, наряду с другой, более распространенной формой южного происхождения - sarìa и с исконной флорентийской - sarebbe.

2. Синтаксические особенности староитальянского языка

Отличительные черты староитальянского в области синтаксиса наиболее отчетливо проявляются в сложном синтаксическом целом, состоящем из двух, трех и более предикативных центров, которые могут быть представлены эксплицитно в грамматической морфеме личного глагола или имплицитно в виде полупредикативных оборотов (в итальянской терминологии - proposizioni implicite).

В ранних прозаических текстах XIII в. преобладающей формой синтаксической связи было соположение (паратаксис), т.е. линейная цепочка формально независимых предложений, не предполагающая конца и не обязательно соответствующая реальной или логической последовательности событий. Связь между звеньями цепочки выражалась, помимо соположения, также с помощью сочинительных союзов: et, anche, латинского item, изъяснительного ché, onde, sì che, и анафорических местоимений questo, il quale (=et questo), как, например, в книге банкиров Риккомано: "Anche ebe Simone e Manno e monna Decha in fiorini libre 378, i quali danari s'ebbero da Benintendi...e questi danari fue dela parte de' fanciulli" [TF, 17].

Перечисленная цепочка, характерная для ранних текстов, включает также элементарные типы гипотаксиса, т.е. подчинительной связи, выраженной условным союзом se, временным наречием quando, многозначным союзом ché и относительным местоимением che (il quale). Отношения подчинения существуют также между имплицитно-предикативными оборотами - деепричастными, причастными, инфинитивными и эксплицитно-предикативным сказуемым, содержащим морфемы лица, времени и наклонения.

Важно отметить, что в староитальянском различие между сочинительной и подчинительной связью было нечетким. В прозе XIII-XIV вв. часто встречается так называемый парагипотаксис - конструкция, в которой главное предложение, следующее за придаточным (или деепричастным оборотом), присоединяется к нему сочинительным союзом et или усилительным sì < SIC 'так': "È quando elli fu tornato ad Roma e papa Anastasio morì, e elli fu facto papa" [TF, 102]; "È dimorando qui costui, e due huomini passavano per la via, vennero insieme a parole" [TF, 77] букв. 'И он, находясь там, и два человека [которые] проходили по дороге, стали ссориться...'. В этом примере присутствует также бессоюзное присоединение относительного придаточного.

Рыхлой (слабой) синтаксической связи в линейной цепочке предложений противостоит компактное полипредикативное целое (период), образцы которого ученые итальянцы (uomini litterati) видели в латинском языке. Компактность периода образуется благодаря развитию иерархии подчинительных связей и созданию во фразе "синтаксической перспективы". Итальянские переводчики латинских текстов столкнулись с тем фактом, что латинская фраза гораздо лаконичнее ее итальянского аналога и что зачастую для передачи смысла одного латинского слова нужно употребить несколько итальянских, как об этом пишет Бартоломео да Сан Конкордио в предисловии к своему переводу "Заговора Катилины" Саллюстия: "...conviene spesse

fiate d'una parola per lettera dirne più in volgare, e non saranno però così proprie " [Volgarizzamenti, 25].

Вынужденное многословие итальянского перевода связано не только с тенденцией к пояснению латинских терминов и реалий, но и с различием принципов организации периода - "синтетического" в латинском языке и "аналитического" в итальянском.

Различие латинского и итальянского периодов хорошо видно из сопоставления, например, следующей фразы из "Заговора Катилины" и ее перевода Бартоломео да Сан Конкордио:

Ad hoc, si quis indicavisset de coniuratione quae contra rem publicam facta erat, praemium servo libertatem, et sestertia centum, libero impunitatem eius rei et sestertia ducenta milia (Саллюстий);

Altri eziandio ordinamenti fece il senato, cioè che se alcuno manifestasse niuna cosa de la coniuratione che contra 'l Comune si facea, s'elli era servo dovesse essere afrancato e dovesse avere dal Comune cento sesterzi; s'elli era libero che, perch'elli vi fosse colpevole, non ne dovesse esser punito, anzi dovesse aver dal Comune dugento millia sesterzi (Бартоломео).

Подчеркнутые слова, формально не представленные в латинской фразе, необходимы в итальянском переводе, где соблюдаются тенденции романской речи, а именно: эксплицитное выражение предикативных категорий лица, времени, наклонения и указания на лицо - источник речи (il Senato), на производителя действия (il Comune), на само действие (выраженное в форме пассивных инфинитивов (non essere punito, essere afrancato), на логико-грамматические связи между предложениями.

Другими словами, сжатость латинского периода достигается за счет опоры на именные формы глагола и отглагольные имена. Компактность полипредикативного итальянского периода построена на многоступенчатом подчинении лично-глагольных предложений, связанных местоимениями и союзами.

В итальянском переводе "Заговора Катилины" встречаются лишь отдельные синтаксические латинизмы (например, инфинитив с аккузативом), вкрапленные в общую романскую структуру текста. Однако, стремление сохранить красоту оригинала заставляло многих итальянских переводчиков употреблять несвойственные романской речи латинизированные конструкции, которые делали итальянский текст не менее сложным для понимания, чем латинский. Так, в переводе III декады Тита Ливия (возможно, сделанном Боккаччо), можно встретить фразы, состоящие из сплошных латинизмов, например: "...non negherò per la non troppo sinceramente poco avanti adomandata pace o aspettata essere a voi sospetta la fede cartaginese a dovere la pace servare [Volgarizzamenti, 47] букв. 'Не буду отрицать [что] из-за не слишком искренне недавно предлагаемого мира или ожидаемого, [что] вам должна быть подозрительна клятва карфагенян мир сохранять'. Помимо инфинитивного оборота с предлогом а, созданного для передачи латинской конструкции с предложным герундивом - ad servandam pacem, а также инфинитива с номинативом после глагола речи (non negherò... essere a voi sospetta la fede) здесь присутствуют такие отклонения от романского синтаксиса, как гипербатон и инверсия: распространенное определение предшествует определяемому, а дополнение глаголу (la pace servare).

Относительно обратного порядка слов, необходимо отметить тот факт, что в целях контрастного выделения дополнение помещается перед глаголом без анафорического повтора местоименной частицей как в современном языке, так и в староитальянских текстах разговорного характера, и никак не может рассматриваться как латинизм. См., например, у Паоло да Чертальядо:

Il fanciullo maschio pasci bene...La fanciulla femina vesti bene, e come la pasci no le cale [Paolo da Certaldo 1945, 126] 'Мальчика корми хорошо...Девочку же одевай хорошо, а кормить все равно как'. То же можно сказать о препозиции специфицирующего определения, которое без контрастного выделения помещается после определяемого существительного как в латинском, так и в итальянском языке (ср. De bello gallico - La guerra di Gallia). У того же Паоло да Чертальдо находим предложное определение в препозиции, очевидно, для подчеркивания спецификации: Il meno che puoi béi a uno pasto di due ragioni vino: se molti vini ti sono recati, odi d'uno che sia buono, e di quello béi mentre che basta [Paolo da Certaldo 1945, 120] 'Избегай за обедом пить двух сортов вина: если перед тобой много разных вин, услышишь об одном, что оно хорошее, его-то и пей, пока не напьешься'.

Ту же выделительную "разговорную" инверсию дополнения и определения можно встретить и в прямой речи персонажей "Декамерона", например, в гневной тираде Гисмонды, обращенной к отцу: "Guiscardo non per accidente tolsi, come molti fanno, ma con diliberato consiglio elessi innanzi ad ogni altro" [Dec. IV, 1, 32], хотя в том же монологе встречается обычный для Боккаччо гиперлатинизм - не оправданная эмоциональной нагрузкой препозиция относительных прилагательных, образованных от конкретных существительных: la volgare opinione (=l'opinione del volgo), la mia femminile fragilità (=la mia fragilità di donna).

В последних двух случаях препозиция специфицирующего определения является уже не формой эмоционального синтаксиса, а риторическим украшением "высокого" стиля, наряду с другой тоже типичной для Боккаччо определительной конструкцией, содержащей одно или два прилагательных-эпитета в препозиции к имени и одно прилагательное-эпитет в постпозиции, присоединенное союзом et: un bellissimo piano e dilettevole [Dec. Intr. I, 6], lo 'mpetuoso vento e ardente della invidia [Dec. Intr. IV, 3].

Постановка личной формы глагола в конце периода, связанная обычно с инверсией дополнения, тоже далеко не всегда является признаком синтаксического латинизма. Так, например, у Дино Компаньи порядок "il verbo in fondo" в следующем примере эмоционально окрашен гневной интонацией с акцентом на обстоятельстве образа действия (речь идет о Карле Валуа, который поклялся не пустить Корсо Донати во Флоренцию): "...Corso Donati...era entrato in Firenze...e passò l'Arno ...e entrò nella città come ardito e franco cavaliere. Non giurò messer Carlo il vero, perché di sua saputa venne " [Giovanni Villani e Dino Compagni 1934, 196]. Здесь, в контексте общего паратаксиса, инверсия обстоятельства – di sua saputa 'с его ведома' также принадлежит разговорной, а не книжной речи.

Конструкции с неличными формами глагола встречаются в разной пропорции во всех староитальянских текстах. Они служат для сжатия перечислительных цепочек и перехода от сочинения к подчинению.

Наиболее древней и наиболее распространенной формой имплицитной предикации являются в старых текстах герундиальные конструкции. Их трудно назвать синтаксическими латинизмами, так как в итальянском gerundio смешались функции латинских герундия, герундива и причастия настоящего времени. Некоторые их употребления, близкие к латинским конструкциям с participium praesentis в современном языке вышли из употребления, см. например, в "Новой жизни" Данте: "Quella nostra Beatrice udio da certe persone di te ragionando"

[VN XII, 6] = che ragionavano di te. Или: "E l'acqua schiarando, vide l'ombra che piangea" [Novellino, Contini XLVI] = E quando l'acqua si schiarò.

Обычно герундиальная конструкция функционально соответствует обстоятельственным придаточным времени, причины, условия или образа действия. При значении одновременности с действием главного предложения употребляется простой герундий. Герундий имеет сложную форму, если действие, им обозначаемое, закончено; в этом случае он чередуется с причастием прошедшего времени.

В ранней прозе XIII в. («Novellino», «Tristano» Riccardiano, Brunetto Latini), где преобладают бессоюзное соположение и сочинительные цепочки личных предложений, герундиальные причастные обороты почти не встречаются. В прозе Данте они немногочисленны и оформляют семантически второстепенные элементы фразы, способствуя созданию синтаксической многоплановости: "...dico che né li poete parlavano così senza ragione, né quelli che rimano deono parlare così non avendo alcuno ragionamento in loro di quello che dicono; però che grande vergogna sarebbe a colui che rimasse cose sotto veste di figura o di colore rettorico, e poscia, domandato, non sapesse denudare le sue parole da cotale vesta, in guisa che avessero verace intendimento " [VN XXV, 10].

В середине XIV в., когда подражание латинским образцам берет верх над уже сложившейся романской структурой периода, герундий и причастие становятся основным способом выражения подчинения предикатов. При этом образуются цепочки неличных форм глагола - своего рода паратаксис, где стираются смысловые и формальные различия между главным и второстепенным предикатами, как например в следующей фразе из Декамерона: "Il Saladino.... avendo in diverse guerre e in grandissime sue magnificenze speso tutto il suo tesoro, e per alcuno accidente sopravvenutogli bisognandogli una buona quantità di danari, né veggendo donde così prestamente come gli bisognavano avergli potesse, gli venne a memoria un ricco giudeo" [Dec. I, 3, 6].

Конструкция инфинитива с аккузативом принадлежит народной итальянской речи только после глаголов восприятия (vedere, sentire) и каузативного глагола fare: "...E' si disse che questo papa fece sacretamente pigliare papa Celestrino che rinunziò, e fecelo strangolare..." [Cronichetta, Contini, 472]. Появление этой конструкции после глаголов dicendi, putandi, affectuum - синтаксический латинизм, часто встречающийся у Данте и у Боккаччо и сохранявшийся в письменном литературном языке вплоть до XIX в.

Союзы. Союзные местоимения и наречия.

В отличие от сочинительных союзов e < ET, ma < MAGIS, многозначного изъяснительного союза che < QUID, местоименных наречий quando, onde < UNDE и условного подчинительного союза se < SI, итальянские "логические" союзы не имеют простых латинских этимонов и были созданы в средневековых канцеляриях из сочетаний союза che с предлогами, глаголами, существительными и даже целыми предложениями: di che, perché, però che, poiché, avegna che, avvegnadio che, con ciò sia cosa che, которые иногда следуют вплотную друг за другом, как, например, у Данте в "Новой жизни": "Onde, con ciò sia cosa che a li poete sia conceduta maggiore licenza di parlare..." [VN, XXV, 7].

Тенденция к избыточному формальному выделению логической связности между периодами текста с помощью причинно-следственных союзов и местоименных слов часто делает неясными границы самого периода, который как бы не имеет конца, присоединяя все новые и новые фразы, ср., например, у Боккаччо: "I pastori dissero che ivi forse a tre miglia era un castello di Liello di Campo di Fiore, nel quale al presente era la donna sua; di che Pietro contentissimo gli pregò che alcun di loro infino al castello l'accompagnasse, il che due di loro fecero volentieri. Al quale pervenuto Pietro... fu da parte della donna fatto chiamare" [Dec. V, 3, 48].

Этот пример иллюстрирует также двоякую функцию слов *il quale* и *che* в староитальянском: они могут выступать (с предлогами или без предлогов) как относительные местоимения (*il castello...nel quale*) и как присоединительно-указательные анафорики: *di che... contentissimo* = *e di questo ... contentissimo*; *al quale pervenuto...= e pervenuto lì*; *il che...fecero...= e questo...fecero*.

3. Лексические особенности староитальянского языка.

Флорентийский диалект (*volgare fiorentino*) конца XIII-XIV вв., лежащий в основе литературной нормы современного итальянского языка был языком младописьменным. В отличие от латыни он не имел фиксированного словаря и нормативной грамматики и был широко открыт для лексических заимствований из французского, провансальского и, особенно, из латыни.

Галлицизмы проникали в флорентийский вольгаре через куртуазный лексикон сицилийских и сиколо-тосканских поэтов, а также через переводы рыцарских романов. Другим источником галлицизмов были тесные контакты флорентийских купцов и банкиров с их французскими партнерами. Так, «История Флоренции» Джованни Виллани пестрит галлицизмами, потому что ее автор был не только городским хронистом, но и представителем банкирского дома Барди во Франции. Некоторые галлицизмы этого периода сохранились в современном итальянском: *mangiare, ragione, stagione, interesse*.

Совсем иной характер имеет воздействие латинской лексики на молодой письменный вольгаре. Дело в том, что латынь в языковом сознании итальянцев эпохи Данте и Боккаччо воспринималась как неизменяемая, искусственно созданная письменная форма родного языка, называемая также *grammatica* или *lettera*. В свою очередь, родной итальянский диалект – *volgare, vulgare* – был вечно изменяющейся неупорядоченной речью, которую ребенок усваивает вместе с молоком кормилицы. Люди, знающие латынь, назывались соответственно *litterati, letterati*, а не знающие ее – *uomini vulgari*. Такое отношение к латыни поддерживалось также и историческим самосознанием итальянцев как единого народа, несмотря на их диалектную и политическую разобщенность. Недаром Данте в «*De Vulgari Eloquentia*» называет итальянцев *homines latini*, в отличие от других романских народов. И не случайно для итальянцев история Рима заменяла отсутствующий эпос.

Поэтому латинизмы в лексике староитальянского языка практически не поддаются учету и вряд ли могут рассматриваться как обычные заимствования. Это был постоянный источник обогащения родного вольгаре, язык, который еще не имел точных слов для выражения многих понятий. Об этом Данте говорит в «Пире»: «... латинский язык выражает многие понятия, которые народный вольгаре выразить не может, как это знают те, кто владеет и той и другой речью...» [Conv. 1, V, 12].

Естественно, что для заполнения лексических лакун пишущие на вольгаре образованные авторы прибегали к более точным латинским словам. Книжные латинизмы, попадая в разговорный язык, часто подвергались фонетической адаптации и возвращались в письменный язык в «испорченном» виде. Так, одна и та же лексема могла иметь несколько фонетических форм: astronomia / storlomia / istorlomia; epistola / pistola; inimico / nimico / nemico; omicidio / micidio; eresia / resia; inferno / ninferno; negligenzia / negligenza / nigrigenza; seduzione / sodduzione; reliquie / orliquie; adulterio / avolterio; onorevole / orrevole; publico / pubblico / piuvico; gloria / groria / groglia / grora. Интересно, что многие «искаженные» латинизмы настолько вошли в письменный обиход, что употреблялись наряду с «правильными» без различия в значении даже у авторов «высокого» стиля. Так, у Боккаччо в Прологе к «Декамерону» чума называется pestilenzia, pestilenzia, pistolenza. В том же «Декамероне» onorevole чередуется с orrevole, publico - с piuvico, inimico – с nemico и др. Наряду с «вульгаризацией» латинизмов встречается иногда и спонтанная релатинизация народных слов, например, в «Декамероне» слово albergo дважды встречается в форме arbore, arbogo без какой-либо стилистической мотивировки. И таких примеров множество.

Не обусловленное семантически (и стилистически) разнообразие фонетических форм *одного слова* сопровождается *избыточной синонимией* слов разного происхождения, но совпадающих по одному из значений. Вот несколько примеров.

Понятие	Ст.итальянский	Совр.итальянский
есть, питаться	manicare, manicare, mangiare (галлицизм)	mangiare
кормить	pascere, nodrire, nutrire (латинизм)	nutrire; pascere «пасти», «пасться»
говорить	favellare, parlare	parlare; favellare – арх.
язык	favella, lingua	lingua; favella - арх. или поэт.
смотреть	guatare, guardare	guardare
ремесло	arte, mestiere	mestiere
искусство	arti o vuoi dire mestieri (Paolo da Certaldo)	arte
легкий	Agevole, facile (латинизм)	facile; agevole - арх.
трудный	malagevole, difficile	difficile; malagevole - арх.

плохой	malo, malvaggio, reo, rio, cattivo	cattivo; reo 'преступник'
облегчать	agevolare	facilitare; agevolare - арх.
первый	primaio, primo	primo
последний	sezzaio, ultimo (латинизм)	ultimo
час	otta, ora	ora
личный	speciale, privato (латинизм)	privato; speciale 'особенный'
прекращать	rimanere, cessare, restare, ristare, starsi	cessare, smettere; rimanere, restare - 'оставаться'
посещать	usare con...,	frequentare,
употреблять	usare	usare

Из этого списка видно, что некоторые слова просто исчезли в современном итальянском, другие сохранились как архаизмы, третьи - стали обозначать разные понятия, как *arte - mestiere*. При выборе между синонимами в современном итальянском обычно сохраняется латинизм, например, *ultimo, facile, nutrire*.

Сравнивая частотность употребления синонимов в сочинениях «высокого» и «низкого» стилей, например, в «Декамероне» Боккаччо и в новеллах Саккетти, можно заметить тенденцию к их смысловой дифференциации у первого автора и их безразличное чередование у второго. Так, глагол *cessare* и глаголы *restare, ristare, rimanere* в значении «прекращать» у Саккетти - полные синонимы, тогда как в «Декамероне» в этом значении абсолютно преобладает глагол *cessare* и есть только два случая с глаголом *restare*: *La giovane non restando di piangere* [Dec. IV, 5, 23] и один с глаголом *rimanersi*: *Se egli di questo non si rimane* [Dec. III, 3, 28]. Абсолютно преобладающим для этих глаголов является значение «оставаться», как и в современном итальянском. Сравнение еще одной пары синонимов - *guardare* и *guatare* у Боккаччо и его современника и соседа Паоло да Чертальядо позволяет заметить ту же тенденцию: у Паоло мы видим беспорядочное чередование обоих глаголов: *... Sempre quando doni, guarda a tre cose ... La seconda cosa che dei guatare, si è che tu guardi che tu doni... La terza cosa che dei guatare si è che tu guati a cui tu doni*; у Боккаччо - *guardare* имеет то же значение, что и в современном итальянском, «смотреть», «присматриваться», «обращать внимание» (*guarda ciò che tu di*), тогда как *guatare* встречается редко и только в смысле «глядеть» (*guatami bene*). В современном языке *guatare* вышло из употребления.

В ученом трактате Данте «Пир» тоже можно заметить употребление нескольких терминов для обозначения абстрактных понятий, например, «максимально положительной оценки»: *bontà* (*bontade*), *virtù* (*vertù*), *nobiltà* (*nobiltade*) и соответствующих прилагательных *virtuoso* и *nobile* (*Conv. I, XII, 8, 12; IX, 6; X, 7-8, 12* и др.).

Избыточная или слабо дифференцированная синонимия сопровождается характерной для староитальянского полисемией слов широкого значения, приобретающих в зависимости от контекста (точнее, от описываемой ситуации) различные частные смыслы, никак не обусловленные ближайшим словесным окружением. Слово *terra* - это не только «земля», но и «страна», «город», «замок» или просто «место»: у Паоло да Чертальядо *in buona terra* значит «в безопасном месте». Слово *luogo* - это не «место вообще», а в текстах религиозного содержания обозначает «святое место», «монастырь». Слово *forza* «сила» в «Новеллино» употребляется как синоним *giurisdizione*, *potere*, *podere*: *Vi partite di tutta la mia forza* [Contini, 266] «уходите из моих владений». Или: *Poi venne Beltramo dal Bornio in sua forza* (там же) – «Потом Бертран де Борн оказался в его власти» (короля Генриха). Слово *volontà* значит не только «воля», но и «желание», «страсть» (*desiderio*, *voglià*, *passione*): *E mentre che egli, da troppa volontà trasportato, men cautamente con lei scherzava* [Dec. I, 4,7] «охваченный страстью»; *Se non fosse che volontà lo strinse di sapere piu innanzi* [Dec.VII, 5, 25] «его охватило желание». Слово *ragione*, одно из наиболее многозначных в староитальянском языке, у Боккаччо значит чаще всего «разум, рассудок»: *...più da furia che da ragione incitati* [Dec. X, 8, 61], а также «право» (синоним *diritto*): *...chi onestamente usa la sua ragione* [Dec.I, In, 65], «довод», «причина», «объяснение», «основание»: *ma veniamo alla seconda ragione...* [Dec. X, 8,64] и т.п. В «Книгах банкиров» *ragione* означает прежде всего «счет» (синоним *conto*), «рассчет», «депозит» и т. п. У Паоло да Чертальядо *ragione* значит «счет»: *fare ragione = fare i conti*; но также является синонимом *specie* «разновидности»: *di due ragioni vino*, и синонимом *fiducia*: *uomo di ma1a ragione*.

Среди качественных прилагательных общего характера можно отметить также ряд устойчивых контекстуальных употреблений, недопустимых или редких в современном итальянском.

Слово *forte* - не только «сильный», но и «трудный», например, у Данте: *esta selva selvaggia e aspra e forte* [Inf. I, 5] - в смысле «труднопроходимый»; у Сакетти в «Trecento novelle» - «труднодостижимый», «невозможный»: *però che forte cosa sarebbe...* [Nov. VIII, 44]. Слово *noioso* - не только «скучный», но и «печальный», как, например, во «Введении» к «Декамерону»: *... la presente opera avrà grave e noioso principio* [Dec. Intr., 2]. Слово *cattivo* - не только «плохой», «злой», но и «малодушный», «безразличный», как у Данте: *... che questa era la setta de' cattivi, a Dio spiacenti ed a' nemici sui* [Inf. III, 62]; или у Боккаччо: *... di cattivo valoroso divenne* [Dec. I, 10, 1], где *cattivo* значит «робкий» и выступает как синоним *timido*.

Слово *strano* может означать «чужой» (*estraneo*): *... e consumiti nello amore d'una donna strana* [Dec. III, 6, 33] «и ты сохнешь от любви к чужой женщине»; «незнакомый» (*sconosciuto*): *...uno strano aveano pianto e seppellito in luogo di lui* [Dec. III, 7, 16]; «странный, чудной»: *...la barba grande e lo strano abito* [Dec. 9, 102]; «иностранный» (*straniero*): *lingua strana, gente strana* [Conv.I, 5, 9], *terra strana* [Paolo da Certaldo]. У Бартоломео да Сан-Конкордио *strano* уточняется через латинизм *alieno* «чуждый». Слово *diverso*, наряду со значением «различный», «разный»: *diversi pensieri* [Dec. Pr., 10], часто оказывается синонимом *orribile*, *avverso*: *nacquero diverse paure e immaginazioni* [Dec. I, Intr., 19]; *...gli surse, giunto a Roma, diversa malattia che tutto si rodea come rabbioso* [Villani, LXIII]; *Diverse lingue, orribili favelle* [Dante]. У Саккетти *diverso* встречается как синоним *strano*, в значении

‘забавный, чудной’ (divertente): uomo di nuova condizione, assai diverso [Sacc.CXXXIV].

В свою очередь, многозначное прилагательное *strano* в значении «странный» часто встречается в паре с *nuovo*, например, *è nuova e strana cosa*. [Dec. IX, 9,13], сообщая этому прилагательному свои устойчивые контекстуальные значения.

Слово *nuovo* у авторов XIII-XV вв. поражает своей многозначностью. В «Новеллино» оно встречается в значениях «остроумный», «забавный», «удивительный», в связи с общей «анекдотической» тематикой сборника. У Саккетти *nuovo = strano*: ... [donne gravide] hanno vizio di cose nuove [Nov. VIII], *nuovo=giovane*: ... vecchio di tempo e nuovo di costumi [Nov.CV], *nuovo=malizioso, buffo*: Gonnella buffone, il quale di fare cose nuove non ebbe pari [Nov.CCXI]; *nuovo=inaudito* (Nov.CLVI); *nuovo=piacevole*: nessuno così nuovo, nè così piacevole [Nov.LXXVI]; *nuovo=divertente*: mostrare di nuove novelle, nate da nuovi uomeni [Nov. CIV]. У Боккаччо *nuovo* встречается в тех же значениях: *nuovo e piacevole amore* [Dec.VII, C, 15]; *non meravigliosa cosa nè nuova facevi, ma molto usata* [Dec. X, 3, 32]; *una nuova e al suo giudizio impossibil domanda* [Dec. X, 5, 5].

Очевидно, многозначность этого слова так или иначе связана с повышенным интересом ко всему неизведанному, характерному для итальянцев той эпохи. Сам Данте придавал большое значение новизне своих открытий и свершений, как, например, тому, что он первым отважился написать на родном вольгаре философский трактат и «*entrare nel nuovo cammino*», несмотря на то, что «*de le nuove cose lo fine non è certo, acciò che la esperienza non è mai avuta*» [Conv. I, X, 2].

Расплывчатость смысла многих слов и необходимость точнее передавать понятие, для которого в родном языке еще не закрепились однозначная форма выражения, заставляет авторов обращаться к парным синонимам (endiadi), которые встречаются на каждом шагу в староитальянских текстах разных стилей. Так, мы их находим в капитуляриях городских компаний, где в значении ‘избирать магистрата’ употребляется многозначное слово *chiamare* ‘звать’, или сложный термин *chiamare ed eleggere*; *electione e chiamata* ‘избрание’ [TF, 308], в банкирских книгах понятие ‘прибыль’ передается дублетами *prode e capitale*, *per prode e per bene, per guadagno e per prode* [TF, 324]. Устойчивое выражение *onore e stato* означает ‘богатство’, ‘высокое положение’ [Paolo da Certaldo].

Особую роль дублеты играют в переводах с латинского. Так, у Бартоломео да Сан-Конкордио (перевод «Заговора Катилины» Саллюстия) мы встречаем: *per voglia e studio, studiava e brigava, dottanza e dubbio, grazia e perdonanza*, *desiderava e cercava, volete e desiderate*, *aliena e strana, manifesto e aperse, privato e proprio, uomini privati e speciali* [Volgarizzamenti, 441, 412, 435, 434, 409, 434, 430, 436, 415, 407] и т. п. В этих синонимических дублетах книжный латинизм (подчеркнут в примерах) служит для уточнения смысла многозначного обиходного слова, которое, в свою очередь, толкует в общих чертах значение латинизма, не всегда понятного неученому читателю. Спустя полвека дублетные наименования «латинизм + многозначное исконное слово» проникают даже в писания «неученых». Так, у Паоло да Чертальдо находим: *non essere studioso e vago di sapere gli altrui segreti* (88), *non essere nigrigente e pigro nei fatti tuoi* (254), *sii sollicito e provveduto* [Paolo da Certaldo 88, 254, 224].

Употребление парных синонимов не всегда связано с толкованием латинизма. Можно выделить следующие типы плеонастических наименований в тексте:

- 1) Уточнение значения многозначного слова. Так, у Паоло да Чертальдо находим: *cercare e*

provvedere – ‘осматривать’, совр. итальянское esaminare.

2) Усиление смысла: *pensaro e credettero* (Bartolomeo); *onesta e buona vita, dirito indice e leale* (Paolo); *falsa legge e bestiale de’ Saracini* (Villani); *Maometto sì montò in grande orgoglio e superbia* (Villani); *molto temuto e dottato nel paese* (Villani).

3) Поэтическая (риторическая) эмфаза у авторов высокого стиля, например, у Данте: *m’apparvero certi visi diversi e orribili a vedere* [VN XXIII, 4].

4) Для староитальянского характерно также плеонастическое (избыточное) употребление глаголов с общим видо-временным или модальным значением, которые повторяют смысловые компоненты, уже присутствующие у последующей (или предшествующей) лексемы. Так, глагол *parlare* образует устойчивый дублет со всеми глаголами речи: *parlò e disse, parlò e domandò, parlò e rispuose* и т. п. Глагол *cominciare* часто подчеркивает начальную (ингрессивную) фазу длительного состояния: *di subito ferventemente la cominciò ad amare* [Dec. I, 5, 7] ‘сразу же в нее страстно влюбился’. Глагол *fare* чаще всего подчеркивает семантику побуждения, т.е. является лексическим эквивалентом императива: *Va fa dare dugento franchi a costui* [Sacchetti 1970, 195] ‘пойди дай ему двести франков’. Или: *Il re fece comandare la cena* [Dec. VI, Concl., 36] ‘король велел подавать ужин’, где *comandare* уже содержит значение «приказа». Однако глагол *fare* появляется «по инерции» и с другими глаголами, обозначающими активное действие, лексикализуя их активный компонент: *L’oste fa ricogliere i denari* [Sacchetti 1970, 140] ‘хозяин стал подбирать деньги’, где из контекста ясно, что *fa* не означает побуждения. Или у Боккаччо: *Buffalmaco faceva dar bere alla brigata* [Dec.VIII, 6, 49] ‘Буффальмако давал выпить всей компании’.

Для прозы Боккаччо характерно плеонастическое употребление модальных глаголов *volere, potere, dovere*, повторяющих семантический компонент, содержащийся в управляющем предикате: *io m’ho piu volte messo in animo di volere provare se così è* [Dec. III, 1, 24] ‘я много раз собирался выяснить, так ли это’. Или: *...è molto malagevole ad una donna il poter trovare mille fiorin d’oro* [Dec. VPI, 10, 5] ‘трудно женщине найти тысячу золотых флоринов’; *...al famiglio segretamente impose che la dovesse uccidere* [Dec. II, 9, 34] тайно велел слуге ее убить’.

Данте в начале своего трактата «Пир» [Conv. I, V] говорит о превосходстве (*bontà, virtù, nobilità*) латыни над вольгаре на основании таких ее качеств как богатство ее словаря, неизменяемость во времени и неподверженность порче: *perché il latino è perpetuo e non corruttibile, e lo volgare è non stabile e corruttibile* [Conv. I, V, 7]. Признаком порчи итальянской речи он считает текучесть ее словаря: «*Onde vedemo ne le cittadi d’Italia, se bene volemo agguardare, da cinquanta anni in qua molti vocabuli essere spenti e nati e variati*» [Conv. I, V, 9]. Для усовершенствования родного вольгаре, в котором он видит *la bontade in potenza*, Данте ставит себе целью придать ему большую стабильность: *acconciare a più stabilitade* [Conv. I, XIII, 6-7]. И наилучшим способом решения этой задачи он считает «связывание языка ритмом и рифмой» (*legare con numero e con rime*). Чисто эстетический путь преодоления хаотичности родной речи выбирает и Боккаччо, который культивирует в своих сочинениях *una lingua d’eloquenza splendida e di vocaboli eccellenti feconda* ‘язык сверкающий красноречием и полный великолепных слов’ [Цит. по: Foscolo 1824, 173].

Литература.

Bono Giamboni. Il libro dei Vizi e delle Virtudi. Torino, 1968.

Contini - Contini G. Letteratura italiana delle origini. Firenze, 1970.

Corti M. Dante a un nuovo crocevia. Firenze, 1981.

Foscolo U. Saggi della letteratura italiana. Firenze, 1824.

Giovanni Villani e Dino Compagni. Cronache. Parti scelte, collegate e commentate per cura di N.Zingarelli. Firenze, 1934.

Kristeller P.O. L'origine e lo sviluppo della prosa volgare italiana //Cultura neolatina, 1950, X.

Migliorini B. Storia della lingua italiana. Firenze, 1960.

Monaci - Monaci E. Crestomazia italiana dei primi secoli. Roma, 1955.

Nencioni G. Fra grammatica e retorica. Un caso di polimorfia della lingua letteraria dal secolo XIII al XVI. Firenze, 1954.

Paolo da Certaldo. Libro di buoni costumi. Firenze, 1945.

Restoro d'Arezzo. La composizione del mondo. Firenze, 1976.

Rohlf G. Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Fonetica. Torino, 1966.

Sacchetti F. Il Trecentonovelle. Torino, 1970.

Salimbene de Adam. Chronica. Monumenta historica ad provincias Parmensem et Placentinam pertinentia Parmae, MDCCCLVII.

Salvemini G. Magnati e Popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Torino, 1960.

Schiaffini A. Tradizione e poesia nella prosa d'arte italiana dalla latinità medievale a G.Boccaccio. Genova, 1934.

Segre C. Lingua, stile e società. Milano, 1963.

TF - Testi fiorentini del Duecento e dei primi del Trecento. A c. A. Schiaffini. Firenze, 1926.

Tommaso d'Aquino. Summa Theologica. Roma, 1984.

Volgarizzamenti – Volgarizzamenti del Due e Trecento. A c. di C.Segre. Torino, 1953.

ЧАСТЬ V. ОСНОВАТЕЛИ ИТАЛЬЯНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

ГЛАВА 1. ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ (1265-1321)

Данте стал создателем общепитальянского литературного языка, написав свою "Комедию", которая получила определение Божественной в 1555 г. Распространение этого сочинения во всех регионах Италии и в разных социальных слоях ее обитателей началось сразу же после появления списков "Ада". Форма "Комедии", построенная по законам средневековой мнемотехники (иерархическое распределение мест для праведников и грешников, изобилие устрашающих или восхищающих образов, "бегущие" строфы терцин, живые примеры - *exempla*) способствовала запоминанию текста, который знали наизусть очень многие итальянцы.

Как отмечает Джанфранко Фолена, «"la Commedia" è divenuta presto popolare, e mandata a memoria e recitata quasi come un cantare... (l'abitudine di citar Dante a memoria si è conservata del resto fin quasi ai nostri giorni)» [Folena 1965, 47]. Эта поэма, до ее первого печатного издания в 1472 г., была предметом массового переписывания. Уже в тридцатых годах XIV в. появились кописты, изготовлявшие списки "Комедии" на заказ. Дж.Фолена цитирует письмо итальянского гуманиста XVI в. Винченцо Боргини, который писал об одном из таких переписчиков: "furono per la maggior parte persone che ne teneano bottega aperta, e vivevano di scrivere i libri a prezzo: e si conta d'uno che con cento Danti ch'egli scrisse, maritò non so quante figliuole". До нашего времени дошло 600 рукописей "Комедии", среди которых уже давно затерялись и автограф, и его копии, сделанные сыновьями Данте.

"Комедия", названная так автором из-за разнообразия ее смыслов и стилей, была для современников и ближайших потомков прежде всего "священной поэмой", соединяющей этическую философию и теологию с живой историей, а историю с реальными человеческими судьбами. Сложные теолого-философские рассуждения и богатая метафорика "Комедии" требовали, естественно, ученых комментариев. Первыми и лучшими комментаторами были флорентийцы Андреа Ланча (1334), сын Данте Пьетро Алигьери (1341), болонец Якопо делла Лана (1328) и др. Вслед за письменными комментариями возникли во Флоренции, Болонье, Пизе публичные толкования "Комедии" (*lecturae Dantis*). Они проводятся и по сей день во Флоренции в Palazzo dell'Arte della Lana, где расположено Итальянское Дантовское Общество - Società Dantesca Italiana.

Такой уровень популярности обеспечил проникновение в широкие слои итальянцев не только фонетико-морфологической структуры флорентийского диалекта, но и "ученой лексики", а также целого ряда исторических фактов, которые Данте счел нужным сохранить в памяти итальянцев. И главным из этих фактов была его собственная биография.

1. Историко-библиографическая справка.

Данте родился в 1265 г. в семье нобилей-гвельфов за год до битвы при Беневенто, где потерпели поражение имперские войска Манфреда, сына Фридриха II. Флорентийцы, находившиеся до этого события под властью местных гибеллинов (магнатов, грандов, нобилей) и германских наместников, освободились от чужеземцев, изгнали их сторонников и образовали гвельфское правительство (*il popolo*), в котором нобили были в меньшинстве. Естественными союзниками Флорентийской республики (*il Comune*) в борьбе против имперской партии гибеллинов были римский папа и его ставленник, победитель при Беневенто, французский король Карл Анжуйский, получивший от папы во владение Юг Италии и Сицилию. Во Флоренции, между тем, укреплялась демократическая форма правления, где должности могли занимать только члены цехов (*arti maggiori e arti minori*). Для участия в общественной жизни нобили должны были вступить в какой-либо цех, что и сделал Данте, записавшись в корпорацию медиков и аптекарей (*medici e speziali*). Как пишет историк Флоренции Джино Каппони, "così erano le Arti venute a pigliarsi nelle mani loro lo Stato, che essendo tutto divenuto popolare, dava a Firenze un tale carattere che non ha esempio nelle storie" [Capponi 1875, 71]. Во второй половине XIII в. купеческая Флоренция достигла невиданного ранее расцвета. Ее золотой флорин считался устойчивой валютой в Европе, ее банкиры ссужали деньгами папу и анжуйского короля, ее войско одерживало победы над другими тосканскими городами, где сохраняли власть гибеллины. В одной из таких битв (под Ареццо) в 1289 г. участвовал и Данте (под началом своего будущего противника Корсо Донати). Демократизация городского управления достигает своей наивысшей точки, когда, по инициативе влиятельного гвельфа из семьи нобилей Джано делла Белла, в 1293 г. вводятся законы против магнатов, так называемые "Установления справедливости" (*Ordinamenti della giustizia*) и новая должность "Знаменосца справедливости" (*Gonfaloniere di giustizia*), в распоряжении которого был отряд из 1000 горожан, вооруженных топорами, пиками и другими орудиями для разрушения дворцов провинившихся грандов. Кроме того, гранды не имели права выходить на праздники с вооруженной челядью, подавать в суд на горожан без санкции приоров, иметь в городе слишком высокие дома-башни и т.п. В результате жесткого применения этих законов недовольные магнаты и богатые пополаны (*popolo grasso*) устроили над Джано суд, и, несмотря на поддержку "мелкого народа" (*popolo minuto*), он, чтобы избежать кровопролития, добровольно отправился в изгнание (1295). Всему этому способствовал папа Бонифаций VIII, пригрозив отлучить от церкви всех, кто даст пристанище слишком смелому реформатору. Современник этих событий, историк Джованни Виллани пишет по этому поводу: "Ciò fu gran danno alla città nostra, e massimamente al popolo, perché egli (Giano della Bella) era il più leale e diritto popolano e amatore del bene comune, che uomo di Firenze, e quegli che metteva del suo in comune e non traeva" (т.е. тот, кто вкладывал свое добро в общий котел, а не вынимал из него для себя).

После государственного переворота и выбора новых приоров из числа грандов и "жирного народа" в партии гвельфов произошел раскол на "белых" и "черных": первые, во главе с купеческим кланом Черки сохраняли верность республиканским идеалам, вторые, представлявшие интересы магнатов и крупного капитала, стремились к олигархической форме правления. Их возглавлял клан Донати и его самый активный

представитель Корсо. Как раз в разгар гражданских междоусобиц Данте, уже получивший известность, как автор "Новой жизни", начинает свою политическую карьеру (1295-96), а в 1300 г. оказывается в числе шести приоров города. Это восхождение на вершины власти оказалось для него фатальным. Дело в том, что после победы при Беневенто Карл Анжуйский числился в покровителях Флоренции и на этом основании начал требовать от города денег и воинов. По настоянию Данте приоры ответили отказом. Тогда папа Бонифаций решил послать во Флоренцию с "миротворческой миссией" брата французского короля - Карла Валуа с войском. Возмущенные горожане отправили к папе в Рим делегацию, в составе которой были Данте и Дино Компаньи. Папа нарочно затягивал переговоры, чтобы дать время Карлу Валуа войти во Флоренцию и привести к власти черных гвельфов. В результате их непримиримый противник Данте в момент переворота оказался в Риме, был заочно обвинен в растрате казенных денег, приговорен к пожизненному изгнанию, уплате штрафа - а после отказа уплатить - также к конфискации имущества и, в случае его возвращения во Флоренцию, к сожжению на костре. Изгнание и угроза костра распространялись также на его сыновей - Пьетро и Якопо. Так, с весны 1302 г. Данте начал свое вынужденное путешествие по городам и весям Италии, находя прибежище у гибеллинов - князей Северной Италии, выполняя при их дворах разные дипломатические поручения. Наиболее теплый прием он нашел тогда у князя Вероны Кан Гранде делла Скала, которому посвятил впоследствии третью часть "Комедии".

Наблюдая бесконечные войны между правителями Италии и распри внутри каждого города, Данте полон негодования:

Ahi serva Italia, di dolore ostello
nave senza nocchiere in gran tempesta,
non donna di provincie, ma bordello!
.....
e ora in te non stanno senza guerra
li vivi tuoi, e l'un l'altro si rode
di quei ch' un muro ed una fossa serra. [Purg. VI, 76-84].

Надежда на возвращение во Флоренцию возродилась у Данте с появлением в Италии нового германского императора Генриха VII Люксембургского с войском. Флорентийские изгнанники и, прежде всех, Данте, который в своих латинских посланиях призывал Генриха воссоединить Италию под своей эгидой и наказать непокорную Флоренцию, оказываются, таким образом, в стане врагов родного города. Однако Генрих

не был решительным полководцем: подойдя к стенам Флоренции, он вдруг повернул назад и, после посещения Рима для коронации, внезапно умер в 1313 г.

Последние годы жизни Данте провел в Равенне, на службе у графа Гвидо Новелло да Полента. Выполняя дипломатическую миссию в Венеции, Данте простудился в дороге и умер в Равенне 14 сентября 1321 г. Сыновья Данте, сопровождавшие его в изгнании, бережно отнеслись к литературному наследию отца: Пьетро одним из первых написал серьезный комментарий к "Божественной Комедии", Якопо занимался ее переписыванием и распространением. Его дочь, приняв имя Беатриче, стала монахиней в одном из монастырей Равенны.

Джованни Боккаччо никогда не видел Данте, но был знаком с его детьми. Исходя из их рассказов, он так описывает его внешность в своей «Vita di Dante»:

Fu il nostro poeta di mediocre statura, ed ebbe il volto lungo e il naso aquilino, le mascelle grandi, e il labbro di sotto proteso tanto, che alquanto quel di sopra avanzava; nelle spalle alquanto curvo, e gli occhi anzi grossi che piccoli, e il color bruno, e i capelli e la barba crespi e neri, e sempre malinconico e pensoso. Per la qual cosa avvenne un giorno in Verona (essendo già divulgata per tutto la fama delle sue opere, ed esso conosciuto da molti e uomini e donne) che, passando egli davanti ad una porta, dove più donne sedevano, una di quelle pianamente, non però tanto che bene da lui e da chi con lui era non fosse udita, disse all'altre donne: - Vedete colui che va in inferno, e torna quando gli piace, e qua su reca novelle di coloro che là giù sono! - alla quale semplicemente una dell'altre rispose: -In verità egli dee così essere: non vedi tu come egli ha la barba crespa e color bruno per lo caldo e per lo fummo che è là giù? -Di che Dante, perché da pura credenza venir lo sentia, sorridendo passò avanti [Boccaccio 1963, 76].

2. Философские, политические и лингвистические идеи Данте и их лексическое выражение

Философские взгляды Данте, как было не раз замечено, достаточно эклектичны. Их источники большей частью известны из авторских ссылок и цитат. Это Аристотель, Цицерон, Августин, Фома Аквинский, Аверроэс. Другие, не менее актуальные для Данте авторы, присутствующие скрытым образом в его текстах, были идентифицированы лишь в середине XX в., когда в фокус внимания филологов попали сочинения поэта-натурфилософа XII в. Алана Лильского и логико-философские трактаты модистов Сигера Брабантского и Боэция Дакийского, читавших лекции в Парижском университете во второй половине XIII в. В своих лекциях они развивали мысли Аверроэса о потенциальном интеллекте, о независимости философии от теологии и даже вреде последней для свободного развития науки. Сочинения их были запрещены церковью в 1277 г.; Сигер был убит, а Боэций, отрекшись от еретических идей, ушел в монастырь. Мысли Боэция Дакийского о языковых универсалиях во многом определили концепцию *volgare illustre* в

трактате Данте "О народном красноречии"[Corti 1981, 31, 91]. Тезис того же Боэция о наивысшем благе как о возможности совершать добрые дела и открывать научные истины повторяется в разных вариантах во всех сочинениях Данте, например, в начале первой части "Пира": "**La scienza è ultima perfezione de la nostra anima, ne la quale sta la nostra ultima felicitate**" [Conv. I, I, 1] или в словах, вложенных в уста Улисса в XXVI песне "Ада": "**fatti non foste a viver come bruti, ma per seguir virtute e canoscenza**" [Inf. XXVI, 118-120].

Что касается совершения "благих дел", Данте настойчиво повторяет, развивая тезис Аристотеля в "Этике", что истинное величие человека заключается в его благородных поступках, которые приносят ему истинные почести и славу: "**Onde nulla grandezza puote avere l'uomo maggiore che quella de la virtuosa operazione, che è sua propria bontade**" [Conv. I, X, 7]; в "Монархии" он указывает на "благие деяния" как на источник блаженства и как на одну из целей, указанных человеку Богом, который "**duos fines proposuit intendendos**" :"**beatitudinem que in operatione proprie virtutis consistit et beatitudinem vite eterne**" [Mon. III, XVI, 6-8].

Цель своих собственных сочинений Данте видит в том, чтобы принести пользу согражданам - **publice utilitati... fructificare desidero** [Mon. I, 1, 3], а в "Письме к Кангранде" определяет цель "Божественной Комедии" и ее последней части "Рая" как "стремление вывести живущих в этой жизни из бедственного состояния и привести их к состоянию блаженства": "**Finis totius et partis est remove in hac vita de statu miserie et perducere ad statum felicitatis**" [Ep. 39]. Таким образом определяется центральный предикат концептуальной системы Данте: это аристотелевская **operatione con virtù, virtuosa operatione**, или в латинском варианте **actio agentis**, где агенс - субъект активного, т.е. контролируемого разумом действия и тем самым заслуживающего положительной оценки. Разум - **prudentia**, согласно Цицерону, состоит из **memoria, intelligentia, providentia**. Согласно Фоме Аквинскому, **prudentia** складывается из таких процессов как **videre, intelligere, velle**, и контролирует действие как таковое, называемое **actio**; переходя на объект, оно превращается в **factio**, которое регулируется искусством - **ars**. В своей "Монархии" Данте, повторяя это клише - **Quod dico propter agibilia, que politica prudentia regulantur, et propter factibilia, que regulantur arte** - добавляет, что "искусство" проявляется в трех областях: в уме мастера, в инструменте и в материи, преобразованной искусством - **ars in triplici gradu invenitur, in mente scilicet artificis, in organo et in materia formata per artem** [Mon. II, II, 2]. Вслед за Аристотелем и Фомой, Данте различает у человека два интеллекта - созерцательный и деятельный - **intellectus speculativus, qui extensione fit practicus** [Mon., I, III, 9].

Себя Данте определяет как человека деятельного - **practicus**, который в своих сочинениях руководствуется моральной философией. Так, комментируя свою "Комедию", Данте определяет ее философское направление как этику, которая обращена не к созерцательной, а к творческой деятельности: "**Genus vero phylosophie sub quo hic in toto et parte proceditur, est morale negotium, sive ethica; quia non ad speculandum, sed ad opus inventum est totum et pars**" [Ep. 40]. Моральная философия требует от агенса, чтобы он

поступал обдуманно и справедливо - **agere sì è operare per noi virtuosamente, cioè onestamente, con prudenza, con temperanza, con fortezza e con guistizia** [Conv. IV, XXII, 10]. К этому набору стандартных квазисинонимов, обозначающих положительные свойства агенса, как данные ему от природы, так и приобретенные в действии, у Данте добавляются еще два: одно, данное всем людям, как наивысший дар от Бога - это свобода выбора (воли) - **libero arbitrio, libero voler**, - свобода выбрать, как хорошее, так и плохое : **"lume v'è dato a bene e a malizia, e libero voler** [Purg. XVI, 75-76]. Второй дар Бога, предназначенный только для избранных - это вдохновение, гений, фантазия, воображение, - **ispirazione, ingegno, imaginativa, lume di tuo raggio, divinum lumen, semen divinum: - O imaginativa che ne rube... chi move te, se 'l senso non ti porge?... - Moveti lume che nel ciel s'informa...**[Purg. XVII, 13-18] 'О воображение, которое нас уносит... кто тобой движет, если ощущение тебя не вызывает?...Тобой движет луч света, идущий с неба'. Для того чтобы вызвать этот луч, поэты, в отличие от прочих людей, взывают к высшим сферам, прося как бы некий Божий дар: **"multa invocatione opus est eis, cum aliquid contra comunem modum hominum a superioribus substantiis petendum est, quasi divinum quoddam munus"** [Ep. 47].

Действие, переходящее на объект, **factio**, порождает его или преобразует. Однако, будущая форма объекта существует в виде идеи, замысла, образа (**imagine**) сначала в мозгу агенса, который вызывает (каузирует) изменение в материи, так что "все созданное было создано неким интеллектом, непосредственно или опосредованно..." и по этому поводу сказано у Аристотеля в книге "О причинах", что "всякий интеллект полон форм": **"Omne ergo quod est causatum, est causatum ab aliquo intellectu vel mediate vel immediate... Et propter hoc dicitur in libro De Causis quod "omnis intelligentia est plena formis"** [Ep. 59-61]. Идея, к воплощению которой стремится агенс, для него является целью, хотя по отношению к объекту она выступает как причина его возникновения или изменения. Об этом прямо сказано в "Монархии":**...cum in operabilibus principium et causa omnium sit ultimus finis** [Mon. I, II, 7].

Первопричиной всего сущего является, естественно, Бог, называемый у Данте (как и у Фомы Аквинского в "**De divinis nominibus**") по его функциям - **il primo Motore, il Bene dell'intelletto, la Divina Bontade, la Somma Sapienza, il Primo Amore, universalissimo Benefattore**, - от которого исходит "каузирующая сила" - **Omnis vis causandi est radius quidam influens a prima causa que Deus est** [Ep. 70]. Луч божественного разума передается на более низкие субстанции и потом распределяется между людьми неравномерно - наиболее благородные получают больше, ими Бог пользуется как инструментами для достижения своих целей. Таковы, например, Цинциннат, Камилл, Катон - **...manifesto esser dee questi eccellentissimi essere stati strumenti, con li quali procedette la divina providenza ne lo romano impero, dove più volte parve esse braccia di Dio essere presenti** [Conv. IV, V, 17]. Не только выдающиеся общественные деятели, но также философы и поэты-мудрецы, озарены светом божественного разума. Так, в области моральной философии наивысшим авторитетом **maestro e duca della ragione umana** [Conv. IV, VI, 8] - является Аристотель. Там, где прозвучало его божественное слово, все прочие должны молчать - **...in quella parte dove aperse la bocca la divina sentenza d'Aristotile, da lasciare mi pare ogni**

altrui sentenza [Conv. IV, XVIII, 3]. И Данте, очевидно, помня о роли Аристотеля при Александре Македонском, советует монархам сочетать свою власть с авторитетом философов для того, чтобы достичь совершенства в управлении государством: **...congiungasi la filosofica autoritade con la imperiale, a bene e perfettamente reggere!** [Conv. IV, VI, 19]. Данте объясняет, что настоящий монарх - это агент, чьи дела регулируются государственным разумом, - **politica prudentia regulatur** [Mon. I, III, 10] и должны быть направлены к одной цели: **ut homines bene vivant** [Mon. I, XI, 118] 'чтобы люди жили хорошо' Самым близким средством - **propinquissimum medium** - для достижения этой цели является всеобщий мир - **pax universalis**, который может быть установлен лишь при единовластии [Mon. I, IV, 5-6]. Все это, в свою очередь, является благоприятной предпосылкой (**causa**) для самоосуществления потенциального интеллекта, который, согласно Аристотелю и Аверроэсу, не может целиком актуализироваться в деятельности одного человека и требует усилий всего человеческого рода вместе - **genus humanum simul sumptum... Et quia potentia ista per unum hominem...tota simul in actu reduci non potest, necesse est multitudinem esse in humano genere, per quam quidem tota potentia hec actuetur...**[Mon. I, III, 8].

Задачей отдельного человека-агенса является актуализация собственного интеллектуального потенциала, путем перехода от созерцания к действию: **...actuare semper totam potentiam intellectus possibilis, per pruis ad speculandum et secundario propter hoc ad operandum per suam extensionem** [Mon. I, IV, 1]. При направлении действия на объект агент должен выявить все заложенные в нем возможности и, по Аристотелю, **extrahere rem de potentia ad actum**, что означает также довести вещь до совершенства. По мнению Данте, Аристотель достоин доверия и повиновения - **sia dignissimo di fede e di obediencia** [Conv. IV, VI, 7], именно потому, что он довел до совершенства моральную философию. Предмет получает оценку "благородного", "совершенного" - **nobile, virtuoso, perfetto** - когда он начинает полностью соответствовать своему предназначению: **Ciascuna cosa è virtuosa in sua natura che fa quello a che ella è ordinata; e quanto meglio lo fa, tanto è più virtuosa...** [Conv. I, V, 11]. Так, например, язык предназначен для выражения мысли; и тот язык, который делает это наилучшим образом, более благороден. И поскольку латынь выражает понятия, которые не может выразить народный язык, она благороднее, чем итальянский вольгаре: **Così lo sermone lo quale è ordinato a manifestare lo concetto umano, è virtuoso quando quello fa, e più virtuoso quello che più lo fa; onde, ciò sia cosa che lo latino molte cose manifesta concepute ne la mente che lo volgare far non può, sì come sanno quelli che hanno l'uno e l'altro sermone, più è la virtù sua che quella del volgare** [Conv. I, V, 12]. Вместе с тем, выражение мысли не единственное назначение языка. Он служит также для передачи мыслей другим людям: - **nostre mentis enucleare aliis conceptum** [De VE I, II, 3], и поскольку латынь не может служить средством общения для большинства итальянцев, ее благородство частично остается в потенции и не имеет совершенного существования: - **la sua bontade è in potenza, che non è essere perfettamente** [Conv. V, IX, 6]. Поэтому Данте - агент, понимая скрытые возможности итальянского языка, нарушает традиции своего времени и пишет философские комментарии к своим канцонам на вольгаре, сообщая ему истинное, т.е. реальное

благородство и величие - **grandezza**: **E questa grandezza do io a questo amico, in quanto quello elli di bontade avea in podere e occulto, io lo fo avere in atto e palese ne la sua propria operazione, che è manifestare conceputa sentenza...che per questo comento la gran bontade del volgare di sì si vedrà la sua virtù, sì com'è per esso altissimi e novissimi concetti...manifestare** [Conv. I, X, 9-12].

Для того, чтобы агенс, в данном случае Данте, занялся совершенствованием объекта, он должен испытывать к нему любовь, исходящую из "чувственной части души" - **anima sensitiva**. Роль любви как нерационального мотива действия в философском универсуме Данте огромна. Персонифицированный Амор повелевает душой поэта и всеми его поступками в "Новой жизни" [VN, II, 7]. Это же, но более сублимированное чувство испытывает он к "авторитетам" и, метонимически, к благородной даме - философии (канцона «**Amor che nella mente mi ragiona**»). Великая любовь к Вергилию помогает ему писать: - **Vagliami il lungo studio e 'l grande amore che m'ha fatto cercare lo tuo volume** [Inf. I, 84]. Данте берется за перо, когда его вдохновляет любовь - **...quando / Amor mi spira, noto, e a quel modo / ch'e' ditta dentro vo significando** [Purg. XXIV, 54]. По отношению к родному языку - **la propria loquela** - он испытывает не просто любовь, а совершенную любовь: **non solamente amore, ma perfettissimo amore di quella è in me** [Conv. I, XII, 3]. Монархическая власть, по мнению Данте, предпочтительнее демократии или олигархии, потому что монарх очень любит своих подданных и хочет видеть их в наилучшем состоянии: **Cum Monarcha maxime diligit homines...vult omnes homines bonos fieri** [Mon. I, XII, 9]. Согласно Данте, ссылающемуся на Аристотеля и Цицерона, любовь в свою очередь, порождается благородством объекта и его близостью к агенсу: - **naturalmente la prossimitade e la bontade sono cagioni d'amore generative** [Conv. I, XII, 3].

Понятие **prossimitade** в терминах современной лингвистики можно передать как "принадлежность объекта к личной сфере человека". У Данте это такие объекты, как свои родственники, свой город, своя страна, родной язык: **Tanto è la cosa più prossima quanto, di tutte le cose del suo genere altrui è più unita... E così lo volgare è più prossimo quanto è più unito, che uno e solo è prima ne la mente che alcuno altro, e che non solamente per sé è unito, ma per accidente, in quando è congiunto con le più prossime persone, sì come con li parenti e con li propri cittadini e con la propria gente. E questo è lo volgare proprio; lo quale è non prossimo, ma massimamente prossimo a ciascuno** [Conv. I, XII, 5-6]. Таким образом, цепочка финально-каузальных связей между ментальными и сентиментальными состояниями человека и его действиями ведет свое начало от материальных характеристик объекта - его **prossimitade e bontade**. Положительные качества объекта - **nobilitade, virtude, bontade, buona natura**, как уже упоминалось, иногда существуют в потенции, и обнаружить их может только интуиция агенса, который таким образом совершает открытие истинной сущности предмета. Сделать это способны лишь те, кого "высшие субстанции" отметили любовью к истине - **quos ad amorem veritatis natura superior impressit** [Mon. I, I, 1]. Так, сам Данте заявляет о себе, как о первооткрывателе дотоле скрытых истин в самой идее светской монархии - **temporalis Monarchie notitia utilissima sit et maxime latens** [Mon. I, I, 4-5] и надеется за свои открытия заслужить награду.

Следует заметить, что Данте, вслед за Сигером Брабантским, отделяет истину априорную, связанную с верой - **Lì si vedrà ciò che tenem per fede / non dimostrato, ma fia per se noto / a guisa del ver primo che l'uom crede** [Par. II, 43] - от истины научной, которая заключается в логических доказательствах - **nelle dimostrazioni della filosofia dimora** [Conv. IV, II, 19]. Только эта последняя, согласно личному мнению Данте, заслуживает награды, т.к. содержит в себе нечто новое, в отличие от того, что было уже кем-то сказано: - **Nam quem fructum ferret ille qui theorema quoddam Euclidis iterum demonstraret? qui ab Aristotile felicitatem ostensam reostendere conaretur? Nullum quippe, sed fastidium potius illa superfluitas tediosa prestaret** [Mon. I, I, 4]. Эта риторическая декларация о бесполезности повторения уже сказанного отнюдь не мешает Данте очень часто прибегать к цитатам из авторитетных источников - **accipiendo vel compilando ab aliis** [De VE, I, 1, 2]. Однако у Данте повтор общепринятых философских клише служит отправной точкой - "темой" - для введения новых истин и к открытиям новых целей для последующих конкретных дел. Так, наряду с теоретическим трактатом "Монархия" Данте пишет послание императору Генриху VII, призывая его к походу на Флоренцию. Теоретические обоснования необходимости создания всеобщего образцового итальянского языка, на котором можно было бы трактовать научные материи, совпадает с самим фактом создания такого языка в "Пире", где идея и ее воплощение совмещаются. Это открытие и деяние оценивается самим Данте как великое новшество, благодаря которому станет очевидным благородство итальянского языка. Этот усовершенствованный вольгаре явится новым светилом, которое взойдет на месте старого и будет светить всем итальянцам, не знающим латыни - **Questo sarà luce nuova, sole nuova, lo quale surgerà là dove l'usato tramonterà, e darà lume a coloro che sono in tenebre e in oscuritate, per lo usato sole che a loro non luce** [Conv. I, 13, 12].

Трактат "Пир" содержит не только авторское разъяснение аллегорического ("истинного", согласно Данте) смысла канцон, без которого они были бы слишком "темными", но и главным образом, изложение мировоззрения автора, в центре которого находится как **actio**, так и **factio agentis**, направленное на объект - итальянский язык, которому агенс, движимый чувством любви к родной речи, придает совершенное существование. На философском фоне, действительно заимствованном из разных источников, и только в этом смысле эклектичном, Данте конкретизирует свою личную позицию, выделяя такие приоритеты как:

1) Открытие новых, ранее неосознанных в обществе истин - **intemptatas ab aliis ostendere veritates** [Mon. I, I, 4], как , например, то, что монарх не подвластен папе в мирских делах, что только централизованная монархия способна обеспечить мир в Италии, подобно тому, как это произошло в Испании и во Франции; или как то, что итальянский язык можно усовершенствовать, придав ему стабильность латыни. Данте помещает аверроиста Сигера в Рай за то, что "он вывел завидные истины" - **sillogizzò invidiosi veri** [Par. X, 138].

2) Определение свободы выбора при совершении поступка как наивысшего блага, дарованного Богом - **hec libertas sive principium hoc totius libertatis nostre, est maximum**

donum humane a Deo collatum [Mon. I, XII, 6]. Так, проявление добродетели должно быть свободным, а не вынужденным - **la virtù dee avere atto libero e non sforzato** [Conv. I, VIII, 14]. Поэтому наилучший подарок - непрошенный (**non domandato**), т.е. добровольный.

3) Определение всеобщего мнения как не обязательно соответствующего действительности - здесь он полемизирует с самим Аристотелем, заявляя, что любые авторитеты должны отступить перед силой истины: - **La virtude de la veritade che ogni autoritade convince** [Conv. IV, III, 10]. Доказательством же того, что нельзя доверять общему мнению, служит не логическое рассуждение, а собственные наблюдения: "люди большей частью судят по первому впечатлению, а не согласно разуму, и скрытые достоинства других людей не видят" [Conv. I, IV, 3]; кроме того, они подвержены стадному чувству, подобно овцам - и дальше Данте оживляет общее рассуждение картинкой: "Если какая-нибудь овца, переходя дорогу, подскакивает, все идущие за ней овцы тоже будут подпрыгивать, даже если в этом нет необходимости. И я сам видел, как овцы прыгали в колодец одна за другой, вслед первой, которой почудилось, наверное, что это стена. И пастух, напрасно плача и крича, расставлял руки, чтобы им помешать"[Conv. I, XI, 10].

4) Выдвижение на первый план поэта-мудреца, который благодаря своему поэтическому гению - **alto ingegno, semen divinum, divinum quoddam munus** - свободно, на равных и даже свысока обращается к монархам, предписывает нормы поведения людям и указывает им путь к добродетели.

Другими словами, для Данте настоящий поэт - больше, чем поэт. Он мудрый общественный деятель, агенс. Недаром Франческо Маццони, исходя из расширительного смысла термина "агенс" у Данте, окончательно устанавливает принадлежность "Письма к Кангранде" его перу. Как отмечает Маццони, термин **morale negotium** в определении философского смысла "Божественной Комедии" следует понимать как относящийся не только к моральному совершенствованию объекта-адресата, т.е. людей вообще, но и к нравственному процессу в душе самого Данте, к его внутренней биографии [Mazzoni 1955]. Поскольку состояния души слишком сложны и не имеют названий, поэту приходится обращаться к метафоре. Так и поэма Данте отнюдь не видение во сне, как думают некоторые комментаторы, а грандиозная метафора, "описывающая моральное состояние Данте - человека и трагическое положение вещей в мире, который его окружал" [Mazzoni 1967, 76].

Как пишет Данте, смысл его "Комедии" не прост: **Ad evidentiam dicendorum sciendum est quod istius operis non est simplex sensus, ymo dici potest polisemos, hoc est plurium sensuum; nam primus sensus est qui habetur per litteram, alius est qui habetur per significata per litteram. Et primus dicitur litteralis, secundus vero allegoricus sive moralis sive anagogicus** [Ep. 20]. "Буквальный смысл "Комедии" - состояние душ после смерти само по себе; если же толковать сочинение аллегорически, речь в нем идет о человеке, который заслуживает поощрения или наказания в зависимости от своих добровольных поступков" [Mazzoni 1967, 24-25]. В "Пире" буквальный смысл комментируемых канцон рассматривается как "красивая ложь", тогда как скрытый аллегорический смысл

называется истинным: **è una veritade ascosa sotto bella menzogna** [Conv. II, I, 1-19]. Это клише присутствует в дефиниции поэзии в «Summa Theologica» Фомы Аквинского (I, I, 9) как "низшей науки", **infima inter omnes doctrinas**, поскольку в ней содержится очень мало истины - **minimum veritatis** [Цит. по: Buck 1965, 264].

Сам Данте принимается за философское толкование канцон из опасения, как бы их красота не прельстила читателя больше, чем их философский смысл, скрытый за фигурой аллегии [Conv. I, II, 17]. Противопоставление буквального смысла как красивой, но обманчивой оболочки аллегорическому смыслу как истинному содержанию произведения, типичное для средневековых риторик и часто повторяющееся в автокомментариях Данте, идет вразрез с точкой зрения Данте-поэта на роль поэзии и функции поэта-философа в обществе. Свое главное сочинение, названное им "Комедией", он определяет как священную поэму, в создании которой участвовали небо и земля, и надеется, что ее достоинства откроют ему путь в родной город, откуда он был изгнан, и куда он вернется в другом обличьи и будет коронован как поэт в том же Баптистерии, где был некогда крещен:

Se mai continga che 'l poema sacro
al quale ha posto mano e cielo e terra,
sì che m'ha fatto per più anni macro,
vinca la crudeltà che fuor mi serra
del bello ovile ov'io dormii agnello,
nimico ai lupi che li danno guerra;
con altra voce omai, con altro vello
ritornerò poeta; ed in sul fonte
del mio battesimo prenderò 'l cappello [Par. XXV, 1-9].

Собственно языковедческим проблемам посвящен латинский трактат Данте «De Vulgari Eloquentia» 'О народном красноречии', над которым Данте работал почти одновременно с "Convivio", в 1303-1304 гг, но как и "Пир", оставил неоконченным. «De Vulgari Eloquentia», в отличие от "Пира", имеет не апологетический, а исследовательский характер, где научная мысль, основанная на наблюдении и эксперименте, далеко опережает свое время.

Это сочинение, упомянутое вскользь в "Хронике" Джованни Виллани и в "Жизнеописании Данте" у Боккаччо, оставалось практически неизвестным вплоть до его открытия в начале XVI в. Джанджорджо Триссино, который построил на интерпретации

Дантовского *volgare illustre* свою теорию полидиалектности итальянского литературного языка. О трактате Данте "De Vulgari Eloquentia" см. подробнее [Степанова 2000].

Наиболее важные положения трактата «О народном красноречии» следующие:

1. Данте противопоставляет первичную народную речь (*vulgaris locutio*), которую человек воспринимает без всяких правил, подражая кормилице (*quam sine omni regula nutricem imitantes accipimus*), и вторичную речь, которую римляне называли грамматикой (*Est et inde alia locutio secundaria nobis, quam Romani gramaticam vocaverunt*). Эта вторая речь, в отличие от первой, требует упорного изучения и является созданием искусства. В "Пире" тоже есть аналогичная фраза: "lo volgare seguita uso e lo latino arte, onde concedesi essere più bello e più virtuoso e più nobile". Однако в «De Vulgari eloquentia» вывод о большей степени благородства решается в пользу народной речи, как "естественной" и "первичной": *harum duarum nobilior est vulgaris...tum quia naturalis est nobis, cum illa potius artificialis existat..* "Грамматика", т.е. латынь, рассматривается Данте как "ученая" форма языка, общая разным народам. Она была создана усилиями многих людей *gramatice positores* (т.е. авторов грамматик), которые, опираясь на образцы латинских классиков, установили незыблемые правила грамматики: *que quidem gramatica nihil aliud est quam quedam inalterabilis locutionis idemptitas diversis temporibus atque locis. Hec cum de comuni consensu multarum gentium fuerit regulata, nulli singulari arbitrio videtur obnoxia, et per consequens nec variabilis esse potest [De VE IX, 11].*

2. Данте, следуя средневековым догмам, ведет разговор о происхождении языка "от Адама": Адам получил от Бога первый язык вместе со своей душой. На этом "адамитском" едином языке говорили все потомки Адама вплоть до сооружения Вавилонской башни, когда люди, в наказание за свою дерзость добраться до неба, вдруг заговорили на разных языках, перестали понимать друг друга и разбрелись в разные стороны. Из тех народов, которые обосновались в Европе (германцы, венгры и др.) наибольший интерес для Данте представляют жители Испании, Франции, Прованса и Италии, так как их народные *vulgaria* содержат много сходных слов для обозначения таких важных понятий как *Deum, celum, amorem, mare, terram, est, vidit, moritur, amat* и почти всех других [De VE I, VIII, 6]. Это свидетельствует, как полагает Данте, о происхождении этих *vulgaria* от одного общего языка. Таким языком Данте никак не мог считать латынь, - существовавшую одновременно с *vulgaria* как общий для образованных людей разных стран неизменяемый язык. Оставляя в стороне поиски романского праязыка (который через пять веков будет назван "вульгарной латынью"), Данте ставит перед собой задачу исследовать само явление дифференциации языков и ее причины.

Наблюдая за диалектами Италии во время своих скитаний по стране, Данте выделил 14 наиболее крупных диалектных областей (перечень см. Часть I. Глава 2). Далее он заметил отличия в речи у разных возрастных групп и у жителей разных кварталов одного города (в частности, Болоньи). Все эти наблюдения приводят его к мысли об изменчивости любого языка во времени и в пространстве, что опровергает его же утверждение (в "Пире") о стабильности латыни, которая не подвержена порче и о первоначальной неизменности "адамитского" языка, вплоть до его разветвления на

разные диалекты во время Вавилонского столпотворения. В "Раю" сам Адам подтверждает мысль Данте об органической нестабильности человеческой речи:

"La lingua ch'io parlai fu tutta spenta

innanzi che all'ovra inconsumabile

fosse la gente di Nembrot attenta;

.....

Opera naturale è ch'uom favella,

ma così o così, natura lascia

poi fare a voi, secondo che v'abbella.

.....

..ché l'uso de' mortali è come fronda

in ramo, che sen va e altra vene.

[Par. XXVI, 124-138].

3. Природная изменчивость речи сдерживается стремлением сохранить свой язык как один из признаков единства собственного этноса. Определяя национальную общность итальянцев (*homines latini* - этническое самоназвание *italiano* еще не вошло в обиход) через общность трех признаков - обычаев, привычек и речи - *simplicissima signa morum et habituum et locutionis* [De VE I, XVI, 3], Данте отправляется на поиски такого языка, который был бы общим для всей Италии: *istud quod totius Italie est, latium vulgare vocatur* [De VE I, XIX, 2]. Подобный языковой эталон он не находит ни в одном итальянском диалекте, даже в родном флорентийском, более других сходном с латынью. Между тем, при королевских дворах Испании и Франции такой образец существует реально, тогда как в Италии, из-за отсутствия объединяющей страну монархии, создание общего итальянского языка лежит на людях, отмеченных талантом и ученостью: *in quibus ingenium et scientia est* [De VE II, I, 8]. Такой общий язык никак не связывается у Данте с необходимостью его фонетической и морфологической стабилизации. Это язык искусства, где устойчивость формы сначала возникает в поэзии, связывающей речь ритмом и рифмой, затем ритмическая организованность переходит к прозе [De VE II, I, 1].

Наивысшим образцом высокой поэзии, а далее и прозы, является блестящий, опорный, придворный всеобщий язык - *vulgare illustre, cardinale, aulicum et curiale* - уже существующий реально в стихах Гвиницелли, Кавальканти, Чино да Пистойя и "его друга", т.е. самого Данте.

Мысль Данте о том, что роль хранителей и создателей национального единства при отсутствии централизованной власти принадлежит именно интеллектуальной элите, поэтам и писателям "блестящего" стиля, а не местным "муниципальным" авторам, по существу оказалась пророческой: вплоть до объединения страны в 1870 г. общий итальянский язык был общим только для образованной верхушки общества.

3. Лексемы и словоформы в стихах "Новой жизни".

В 1294 г. Данте объединил свои лирические стихи и связующие их прозаические комментарии в "книжечку" (*libello*); он назвал ее «*Vita Nova*» в соответствии с новым пониманием любви как возвышенно-мистического чувства к ангелоподобному существу - источнику благодати. Для Данте такой "*donna della salute*" была Беатриче, воспетая поэтом "новым сладостным стилем" - *dolce stil nuovo*. Это название закрепилось *post factum* за новым поэтическим направлением только через два десятилетия, когда Данте во второй части "Божественной комедии" вложил в уста Бонаджунты из Лукки признание превосходства "новых форм" - *le nove rime* [*Purg.* XXIV, 55-57]:

«O frate, issa vegg'io» diss' elli «il nodo
che 'l Notaro e Guittone e me ritenne
di qua dal dolce stil novo ch'i' odo».

Стихи поэтов - *dolce stil nuovo* приводятся в трактате «*De Vulgari Eloquenzia*» как образцы *volgare illustre*, не допускающего просторечных или "детских" слов - *manicare*, *mamma*, *babbo*, *mate*, *pate*; слов вульгарных - *femina*, *corpo*; слов неблагозвучных или местных (*municipalia*), непонятных за пределами Флоренции, например, *introcque* (= *intanto*). Рекомендуются слова гармоничные, приятные для слуха, например, *amore*, *donna*, *disio*, *vertute*, *donare*, *letitia*, *salute*, *securitate*, *defesa* [*De VE* II, 7].

Основу поэтического словаря "Новой жизни" составляют лексемы флорентийского вольгаре, близкие по звучанию к своим латинским этимонам, но не являющиеся латинизмами. К ним примыкают немногочисленные заимствования из других романских языков и диалектов, уже укоренившихся в тосканской литературной традиции, как например, латинизмы - *letizia*, *tristizia*, *umiltate*; галлицизмы и провансализмы - *disio*, *covrire*, *leggiero*, *noia*, *gioia*, *alma*, *magione*, *possanza*, *dimoranza*; сицилианизмы - *nui*, *pui*, имперфект на -*ia* (*vivia* вместо *vivea*, *viveva*). Почти каждому заимствованию соответствует флорентийский дублет: *tristizia* - *tristezza*, *beltà* - *bellezza*, *nui* - *noi*, *vui* - *voi*, *alma* - *anima* (о вариативности грамматических морфем в языке Данте см. ниже).

Круг слов-понятий, унаследованных от Гвидо Гвиницелли, пополняется такими ключевыми для Данте словами, как *umiltà* 'благосклонность, снисходительность, смирение', *onestà* 'благородство', *leggiadria* 'изящество', *dolcezza*, *soavità* 'нежность', и, по

отношению к даме - *angelica figura, angioli figurato*, от которой исходят *spiriti d'amore*, приветствие *saluto*, которое приносит исцеление и благодать *salute: venne in terra per nostra salute*.

Изысканная простота лексики и синтаксической формы стихов способствовали их широкому распространению. Многие из них стали хрестоматийными, как, например, сонет

Tanto gentile e tanto onesta pare
la donna mia quand' ella altrui saluta,
ch' ogne lingua, deven tremando muta,
e li occhi no l'ardiscon di guardare. [VN XXVI]

или канцона «*Li occhi dolenti per pietà del core...*», которая кончается посылкой:

Pietosa mia canzone, or va piangendo;
e ritruova le donne e le donzelle
a cui le tue sorelle
eran usate di portar letizia;
e tu, che se' figliuola di tristizia,
vatten disconsolata a star con elle. [VN XXXI]

4. Проза «Новой жизни» и «Пира».

Прозаические фрагменты "Новой жизни" отличаются от стихотворных текстов по своему словарному составу. Здесь почти отсутствуют провансализмы и сицилианизмы, редко встречаются дублеты типа *bellezza/bieltade, desiderio/disiri*, зато, в соответствии с доктринерской направленностью некоторых комментариев, вводятся многочисленные латинизмы и просто латинские слова: *appropinquare, gioventudine, vocabulo, ineffabile, risibile, sustanzia corporale, etc.*

Синтаксис и стиль прозаических частей "Новой жизни" достаточно разнообразен. В "ученых" отступлениях наряду с лексическими латинизмами, обычны также и синтаксические: это конструкции "инфинитив с аккузативом" после глаголов речи и мысли (*appare che io ponga Amore essere corpo*) или порядок слов в группах "дополнение + глагол" и "относительное прилагательное + существительное (*a cotale cosa dichiarare; non*

volgari ma litterati poete queste cose trattavano). Кроме того, период (сложное полипредикативное целое) включает несколько встроенных друг в друга придаточных и вводных предложений, соединенных многочисленными условными и причинно-следственными союзами, как например:

Onde, con ciò sia cosa che a li poete sia conceduta maggiore licenza di parlare che a li prosaici dittatori, e questi dicitore per rima non siano altro che poete volgari, degno e ragionevole è che a loro sia maggiore licenza largita di parlare che a li altri parlatori volgari: onde, se alcuna figura o colore rettorico è conceduto a li poete, conceduto è a li rimatori [VN XXV, 7]. Здесь можно также заметить вариативность как фонетической формы слова - *licenza/licenzia*, так и порядка слов - *prosaici dittatori/parlatori volgari* (слово *poeta* обозначает у Данте 'латинский поэт', в отличие от термина *dicitore per rima*, относящегося к поэту, сочиняющему на вольгаре).

Прозаические отступления, описывающие внутренние состояния автора, например, его горячий сон [VN XXIII], содержат синтаксические модели, типичные для разговорной речи. Это сочинительные цепочки, повторы, анаколумы, включения прямой речи, сохранение "романского" порядка слов в группе "глагол + дополнение", подчинение предложений с помощью многозначного союза *che* 'что, чтобы, так что, так как' и относительного местоимения *che* 'который'.

Проза трактата "Пир" также неоднородна. Однако, за десять лет, разделяющих эти два сочинения, отношение Данте к возможностям высокой прозы на вольгаре сильно изменилось. Если раньше он отдавал предпочтение стиху, украшенному рифмой и цветами риторики (*colori rettorici*), то сейчас, когда распространение знаний среди не знающих латыни итальянцев и расширение сферы употребления родного языка, стали его основной целью, именно проза, лишенная случайных украшений (*accidentali adornezze*), является наиболее адекватной формой для философских комментариев. Для Данте глубина мысли в этом случае оказывается важнее, чем красота выражения: *...ché la bontade é ne la sentenza, e la bellezza è ne l'ornamento de le parole; e l'una e l'altra è con diletto, avvegna che la bontade sia massimamente dilettoza* [Conv. II, XI, 4]. Чтобы доказать истину, убедить в своей правоте, опровергнуть противников, объяснить причинные связи между явлениями, Данте создает логически выстроенный синтаксис, соединенный с риторическими приемами аргументации, среди которых главное место занимает сравнение и конкретный пример (*exemplum*). В качестве "примера" иногда выступает сам автор, когда он объясняет эмоциональные мотивы своих поступков - например, в знаменитом патетическом отступлении, где повторы и инверсии, "высокая" форма кондиционала на *-ia* и ритмическая структура всего сложного синтаксического целого - не "цветы риторики", а органичная форма выражения сильной и сложной эмоции: *Ahi, piaciuto fosse al dispensatore de l'universo che la cagione de la mia scusa mai non fosse stata! ché né altri contra me avria fallato, né io sofferto avria pena ingiustamente, pena, dico, d'essilio e di povertate...Veramente io sono stato legno senza vela e senza governo, portato a diversi porti e foci e liti dal vento secco che vapora la dolorosa povertade...*[Conv. I, III, 3, 5].

Как отмечает Чезаре Серпе, «La fisionomia della lingua del Convivio è determinata in grandissima parte dal proposito del suo autore di emulare i trattatisti in lingua latina» [Segre 1963, 244]. Отсюда скрупулезное логическое членение фраз, абзацев, глав, ссылки на авторитеты, категорическое утверждение истинности сказанного, особенно в начале фразы, например: *Per che manifesto è che...; Ad evidenza di questo è da sapere che...; Riprovato l'altrui errore che...;* или четко обозначенные причинно-следственные связи как, например, в начале первой главы: *Sì come dice lo Filosofo nel principio de la Prima Filosofia, tutti li uomini naturalmente desiderano di sapere. La ragione di che puote essere ed è che ciascuna cosa, da providenza di prima natura impinta, è inclinabile a la sua propria perfezione; onde, acciò che la scienza è l'ultima perfezione de la nostra anima, ne la quale sta la nostra ultima felicitade, tutti naturalmente al suo desiderio semo subietti* [Conv. I, I, 1].

Логическое членение подкреплено ритмически: последняя фраза, в отличие от предыдущих, содержит инверсию дополнения, которая уравнивает и замыкает период. Из этого примера видно также, что ориентация на латинские (в том числе и средневековые) модели сложных периодов не нарушает общий "романский" принцип организации фразы и, как пишет Чезаре Серпе, "assimila alla sintassi romanza l'esperienza costruttiva della prosa latina" [Segre 1963, 244].

Опыт логически строгой организации периода был продолжен и обогащен в "Божественной комедии".

5. Лексические и морфологические особенности "Божественной комедии"

Трудно сказать, какие слова и варианты форм одного и того же слова присутствовали в самом оригинале "Комедии", учитывая тот факт, что массовое переписывание этого сочинения не могло не породить произвольных изменений текста. Так, один усердный переписчик в 1330 г. рассказывает в письме другу, как он, сравнивая два манускрипта "Комедии", выбирал наилучший вариант, а иногда придумывал и свой собственный [см. Folena 1965]. В результате даже самые ранние копии содержат разночтения.

Наиболее достоверными являются рифмующиеся словоформы, на которые ориентировался Эрнесто Пароди в своем исследовании языка Данте [Parodi 1957]. Но и этого материала оказывается достаточно, чтобы прийти к заключению, что Данте в "Комедии", в отличие от "Новой жизни", отказывается от всех запретов на употребление тех или иных слов, если они ему нужны для рифмы или для речевой характеристики персонажа. Так, ради рифмы в XX песни "Ада" появляется флорентийский плебеизм *introcque (=intanto)*:

"ben ten dee ricordar, ché non ti nocque

alcuna volta per la selva fonda".

Si mi parlava, e andavamo introcque. [Inf. XX, 129]

Там же появляется для рифмы с "ago" латинское слово *imago* "образ" [Inf. XX, 123].

Семантические ограничения также снимаются: в "Inferno" можно встретить не только запрещенные для *volgare illustre* обыденные слова *femmina* и *corpo*, но и названия разных частей тела и их функций, например, *pancia*, *strozza*, *mascella*, *merda*, *cosce*, *ventre*, *culo* - *ed elli avea del cul fatto trombetta* [Inf. XXI, 139].

Только в рифме встречается дважды флорентийское слово *sirocchia*, внутри же строки - только более общеупотребительное *suora*, *sorella*.

Словарь "Комедии" обогащается также за счет словотворчества самого Данте: от существительных и местоимений с помощью префиксов возникают новые уникальные глаголы: *s'io m'intuassi come tu t'immii* [Par. IX, 81] 'Если бы я мог влиться в тебя, как ты в меня'; *si dislaga* [Purg. III, 15] = *si leva dal lago nell'alto*; *dismala* [Purg. XIII, 3] = *libera dal male*; *disserra* [Par. II, 54] = *apre*; *s'inciela* [Par. III, 97] = *si mette in cielo*; *s'indonna* [Par. VII, 13] = *si fa signora*; *s'inurba* [Purg. XXVI, 69] = *va in città*.

В "Комедии" мало галлицизмов и провансализмов (есть лишь одна прямая цитата из стихотворения провансальского трубадура Арнаута Даниеля в Purg. XXVI, 139). Напротив, латинизмы - их насчитывают более пятисот, - переполняют "Чистилище" и "Рай", где автору была необходима новая научная и философская терминология.

Словарь "Комедии" включает также отдельные "цитаты" из разных диалектов - это могут быть речевые характеристики персонажей (как *issa* - вместо *essa* у Бонаджунты из Лукки) или глагольные формы не флорентийского происхождения: пизанские (в устах Уголино): *ronno*, *fessi*, *levorsi* [Inf. XXXIII], или ради рифмы тарентинское *abbo* вместо *ho* [Inf. XXXII]; или сицилийские формы, уже вошедшие в общий поэтический обиход - *nui*, *vui*, *ruì*, *miso*, *sorpriso*, и это почти все. В целом, "Комедия" - как замечает И.Бальделли, это самое флорентийское сочинение Данте, как по своей фонетической, морфологической и синтаксической структуре, так и по основному словарному фонду [Цит. по: Coletti 1993, 49]. То, что его язык тосканский, флорентийский, Данте подчеркивает многократно в языковых реакциях своих персонажей: *E un che 'ntese la parola tosca* [Inf. XXIII, 76]; *parlandomi tosco* [Purg. XVI, 137]; *O Tosco...La tua loquela ti fa manifesto/ di quella nobil patria natio* [Inf. X, 22-26]; *ma fiorentino/ mi sembri veramente quand' io t'odo*. [Inf. XXXIII, 11-12].

Вариативность фонетических форм слова в "Комедии" существенно возрастает по сравнению с "Новой жизнью" и "Пиром". Кажется даже, что Данте не только не стремится преодолеть полиморфию, но, по примеру провансальских поэтов, видит в ней способ избежать однообразия.

Так, существительные, восходящие к латинским именам женского рода III склонения типа VĒRITAS,-ĀTIS; PIĒTAS,-ĀTIS; VĪRTUS,-ŪTIS существуют в таких вариантах, как verità, veritate, veritade; pietà, pièta, pietade; virtù (где ĩ > e), virtù, virtute, vertude и др.

Дифтонгизация Ĕ > ie, Ō > uo под ударением в открытом слоге может отсутствовать - особенно у слов куртуазного лексикона: loco/luogo, core/cuore, vene/viene, bono/buono, foco/fuoco, leve/lieve. Существуют дублетные формы слов типа sapere-savere, opera-opra-ovra; demandare-domandare, demane-dimane-domani и т.п.

Витторио Колетти замечает по этому поводу: "La polimorfia del linguaggio della Commedia è dunque enorme e autorizzerà l'impiego in letteratura di infinite varianti"[Coletti 1993, 50].

Морфологические особенности текста "Божественной комедии" те же, что и во флорентийском вольгаре XIV в. О вариативности грамматических морфем в "Комедии" можно судить по следующим ниже примерам.

Имя существительное

1) Колебания в окончаниях у слов ж.рода: febbra/febbre, loda/lode, laude; froda/frode/fraude; ale/ala, calla/calle.

2) Колебания в окончаниях слов м.рода: martire/martiro, vermo/verme; collo/colle, stilo/stile;

3) Неустойчивость рода: la costuma/lo costume; lo lodo/la lode, domando/domanda, dimoro/dimora;

4) Множественное число у слов, восходящих к латинским существительным среднего рода может колебаться: lo legno - li legni, le legna; lo peccato - li peccati, le peccata; ср.также латинское мн.число verba:

Transumanar significar per verba

non si poria... [Par. I, 70].

Личные местоимения

1л.ед.ч. - io; i'; s'i' ho ben la parola tua intesa [Inf. II, 43];

3л.ед.ч. – el : el mi disse [Inf .X, 31]; elli: Ed elli a me [Inf. X, 10]; ei : ch'ei fu de l'alma Roma...per padre eletto [Inf. II, 21]. Местоимения ei, elli употребляются и в 3л.мн.числа.

Артикль

Ед.число: il, lo; мн.число i, li, не закрепленные позиционно.

il gran rifiuto [Inf. III, 60], lo buon maestro [Inf. IV, 85];
lo loco dov' io fossi [Inf. IV, 6]; veder lo cielo [Inf. III, 85];
e 'l mio maestro [Inf. IV, 99].

Наречия

ogni/ogne: ogni viltà convien che qui sia morta [Inf. III, 15] ;
veggió ad ogne man grande campagna [Inf. IX, 110];
dove/ove/u': al loco dov' i' era [Inf. II, 101]; de l'ampio loco ove tornar tu ardi [Inf. II, 84];
...lo loco santo u' siede il successor del maggior Piero [Inf. II, 24].

Личные формы глагола

Презенс индикатива

1 л.ед. числа. Наряду с флорентийскими формами, у наиболее частотных глаголов встречаются южные варианты: ho - abbo, aggio; devo - deggio, so - saccio, и особенно у глагола vedo - veggió: veggió ad ogne man grande campagna [Inf. IX, 110].

2 л.ед. числа. В I спряжении наряду с окончанием -i часто встречается в рифме архаичное окончание -e: Cesare mio, perché non m' accompagnè? [Purg.VI, 114]. Разные окончания могут появляться в одном стихе: guarda, com' entri e di cui tu ti fide [Inf. V, 18].

1 л. мн. числа. Более частотная форма для I спряжения - iato чередуется с архаичной формой - ato, тогда как для II и III спряжений регулярна форма -emo, -imo: semo [Inf. I, 41], sapemo [Inf. X, 105], vivemo [Inf. IV, 42], venimo.

3 л. мн.числа: Наряду с регулярными формами devono, possono, sono встречаются denno, ponno, enno: Intesi ch' a così fatto tormento/ enno dannati i peccator carnali, che la ragion sommettono al talento [Inf. V, 37-39].

Имперфект индикатива

1л.ед. числа - только одно окончание -a: io era, amava, dovea.

У глаголов II и III спряжения чередуются формы: sentiva/sentia, veniva/venia, viveva/vivia, vinceva/vincia, diceva/dicea, piangeva/piangea: Io non piangea, sì dentro impetrai/piangevan elli [Inf. XXXIII, 49].

Имперфект конъюнктива

1 л.ед.числа. Чередуется флексии -e/-i : io morisse [Inf. V, 141], udissi [Purg. XVII, 79].

Перфект

Максимальное количество вариантов наблюдается в 3 л.мн. числа. Наряду с наиболее древней формой -aro, -iro - poetaro [Purg. XXVIII], sognaro, trionfaro [Par. VI], дважды встречается пизанская форма -oro; один раз ради рифмы, в другой раз в устах пизанца Уголино: di subito levorsi [Inf. XXXIII, 60]. Форма на -aro, -iro конкурирует с "удлиненной" формой на -arono: gridaron li altri [Purg. XXXII, 47] и дважды встречается синкопированная форма с ассимиляцией двух плавных согласных rn>nn: terminonno, arraginno. Для неправильных глаголов с ударением на корне регулярно окончание -ero: dissero, corsero, хотя встречается также аналогичное окончание -ono (по презенсу): mosson le labbra mie un poco a riso [Purg. V, 122]. Глагол essere в перфекте 3 л.мн. числа имеет три варианта, и даже в одной и той же терцине; как в третьей песне "Ада", где речь идет о ленивых и безразличных, чьи души:

mischiate sono a quel cattivo coro

de li angeli che non furon ribelli

ne' fur fedeli a Dio, ma per sé fuoro [Inf. III, 39].

Кондиционал

Наряду с исконно-флорентийской формой с окончанием, восходящим к латинскому перфекту глагола habere - HABUI, HABUIT > ebbi (ei), ebbe, у Данте часто встречается форма на -ia, унаследованная от сикуло-тосканской поэтической школы и удержавшаяся в языке поэзии вплоть до XX в. - saria, faria вместо sarebbe, farebbe. Для глагола essere существует также кондиционал foга, восходящий к латинскому плюсквамперфекту индикатива FUERAT.

6. Некоторые композиционные особенности "Божественной комедии"

Как уже было сказано выше, содержание и форму "Комедии" Данте сам разъясняет в письме Кангранде: "...да будет известно, что смысл этого сочинения не прост.....первый смысл называется "буквальным", второй же аллегорическим или же моральным или анагогическим" [Ep. 20].

Многозначности (полисемии) "Комедии" соответствует разнообразие ее стилистических регистров: "Forma sive modus tractandi est poeticus, fictivus, descriptivus, digressivus, transumptivus, et cum hoc diffinitivus, divisivus, probativus, improbativus et exemplorum positivus [Ep. 27].

Этот перечень видов речи - "поэтический, фигуральный, описательный, с отступлениями и перестановками, и при этом определительный, разделительный, доказательный, обличительный, с наглядными примерами", свидетельствует о внимании Данте к технической науке о речи - риторике (античной и средневековой), откуда взяты перечисленные выше термины. Тесная связь конструкции "Комедии" с особым разделом риторики - мнемоникой (*memoria artificialis*) доказана в исследовании [Yates 1966].

В сочинениях Цицерона приемы запоминания были разработаны в применении к речи оратора, которому нужно удерживать в памяти предметы мыслимые. Им надо придать какой-нибудь чувственный образ, а поскольку "самое острое из наших чувств - чувство зрения, легче всего бывает запомнить, если воспринятое слухом или мыслью передается еще и посредством глаз... Но эти облики и тела, как и все, что доступно глазу, должны иметь свое место, поскольку тело не мыслимо без места" [Цицерон 1972, 121]. О неспособности людей мыслить, не прибегая к образным представлениям, говорил еще Аристотель, и повторил за ним Фома Аквинский: *Nihil potest homo intelligere sine phantasmata*. Ту же мысль вкладывает Данте в уста Беатриче, которая объясняет ему причину изображения Бога и ангелов в Святом Писании с руками и ногами:

Così parlar conviensi al vostro ingegno
però che solo da sensato apprende
ciò che fa poscia d'intelletto degno.
Per questo la Scrittura condescende
a vostra facultate, e piedi e mano
attribuisce a Dio, ed altro intende [Par. IV, 40-45].

Античное понятие "место" - *locus, topos* -, где расположены яркие образы, вызывающие восторг, сострадание или страх, в средневековой картине мира связывается с понятием иерархического порядка и со стиранием границ между образом и реально существующим предметом.

Образ-метафора, закрепляясь в памяти путем повторения, становится предметом веры. Так, автор популярного учебника риторики " *Rhetorica novissima*" Буонкомпаньо да Синья (*Buoncompagno da Signa*), творивший в первой половине XIII в., пишет в главе "Воспоминание об Аде": "*Sulla memoria delle regioni infernali. Ricordo di aver visto la montagna che i letterati chiamano Etna e il volgo Vulcano, da dove, quando vi navigai vicino, vidi erompere globi sulfurei, ardenti e luminosi, e si dice che così avviene tutto il tempo. Per questo molti ritengono che li' si trovi la bocca dell'Inferno. Comunque, dovunque l'Inferno sia, credo fermamente che Satana, principe dei demoni, sia torturato in quel abisso con i suoi mirmidoni* [Цит. в переводе с латинского оригинала на итальянский по: Yates 1966, 275].

Данте, по свидетельству его сына Пьетро, вовсе не считал свое описание потустороннего мира соответствующим реальности, - он просто нашел такие образы, которые заставляют поверить в их реальность.

Прежде всего, это конкретность самого пространства, которое, особенно в *Inferno*, очерчено с геометрической точностью. Галилео Галилей в своей лекции о структуре "Ада" резюмирует ее так: "È dunque questa grandissima caverna distribuita in 8 gradi, differenti tra loro per maggiore o minor lontananza dal centro: tal che viene l'Inferno ad essere simile ad un grandissimo anfiteatro, che di grado in grado descendendo si va restringendo [Galileo Galilei 1968, 35]. Это пространство не статично. Оно измеряется шагами идущего поэта, движения которого соответствуют очертаниям местности. Текст "Ада" пронизан глаголами местонахождения, движения, локальными именами и наречиями:

Così discesi del cerchio primaio

Giù nel secondo, che men luogo cinghia

E tanto più dolor, che punge a guaio [Inf. V, 3]

Lo giorno se n'andava, e l'aere bruno

toglieva gli animai che sono in terra

dalle fatiche loro..[Inf. II, 1]

Per me si va ne la città dolente

per me si va ne l'eterno dolore...[Inf. III, 1]

"Andiam, ché la via lunga ne sospigne"

Così si mise e così, mi fé intrare

nel primo cerchio che l' abisso cigne. [Inf. III, 21].

«*Inferno*» и в особенности "*Purgatorio*" прославляет человеческую походку, размер и ритм шагов, ступню и ее форму. Шаг, сопряженный с дыханием и насыщенный мыслью, Дант понимает как начало просодии, - пишет О.Мандельштам - Поэму насквозь пронзает безостановочная формообразующая тяга...Тут происходит борьба за представимость целого, за наглядность мыслимого" [Мандельштам 1987, 120].

Данте не только идет по кругам "Ада" и "Чистилища", но и видит там живые души умерших, которые ведут с ним беседы, интересуются земными делами, вспоминают прошлое, философствуют. Так создается сплетение стилей речи, а также временных

планов. События далекого и близкого прошлого, настоящего и предсказания будущего синхронизируются. "Время для Данте есть содержание истории, понимаемой как единый синхронический акт". Мандельштам обращает внимание также на то обстоятельство, что форму "Божественной Комедии" (в отличие от прежнего понимания ее как *accidentale adornezza*) Данте ощущает как концентрацию смысла: *lo premerei di mio concetto il succo* (Inf. XXXII, 4) - " т.е. форма ему представляется выжимкой, а не оболочкой" [Мандельштам 1987, 121].

Оказавшись в Раю на вершине мироздания - и тем самым в заключительной фазе своей книги, Данте видит единство мира в его многообразии - весь мир, который он описал с любовью в своей книге:

Nel suo profondo vidi che s'interna,
legato con amore in un volume,
ciò che per l'universo si squaderna [Par. XXX, 87].

Литература

Ненчони Дж. Между грамматикой и стилистикой // Современное итальянское языкознание, Москва, 1971.

Мандельштам О. Разговор о Данте // Слово и Культура. М., 1987.

Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков. С-Пб., 2000.

Цицерон, Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.

Vossaccio G. Vita di Dante. Roma, 1963.

Buck A.. Gli studi sulla poetica e sulla retorica di Dante e del suo tempo // Atti del Congresso internazionale di studi Danteschi. Firenze, 1965.

Capponi G. Storia della Repubblica di Firenze. Firenze, 1875

Coletti V. Storia dell'italiano letterario. Torino, 1993.

Corti M. Dante a un nuovo crocevia. Firenze, 1981.

Folena G. La tradizione delle opere di Dante Alighieri // Atti del Congresso internazionale di Studi Danteschi. Firenze, 1965.

Galileo Galilei. Opere, V, IX. Firenze, 1968,

Mazzoni F. Epistola a Cangrande // Accademia dei Lincei. Rendiconti della classe scienze morali, storiche, filologiche, Serie VIII, V, X, 1955.

Mazzoni F.. Saggio di un nuovo commento alla "Divina Commedia", Inferno, canti I-III. Firenze, 1967.

Parodi E.G. La rima nella "Divina Commedia" // Parodi E.G. Lingua e Letteratura. Venezia, 1957. T.II.

Segre C. La sintassi del periodo nei primi prosatori italiani // Segre C. Lingua, stile e società. Milano, 1963.

Yates F.A. The Art of Memory. London, 1966.

ГЛАВА 2. ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА (1304 - 1374).

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «CANZONIERE».

Петрарку от Данте (и от Боккаччо) отделяет рубеж, пролегающий между двумя разными языковыми ситуациями в истории итальянского языка и, соответственно, в языковом сознании итальянцев в период перехода от Проторенессанса к Гуманизму.

Первая ситуация характеризуется органической связью между "высоким" и "низким" стилями флорентийского вольгаре и богатством выразительных возможностей у писателей-флорентийцев.

Вторая ситуация была создана в XV веке усилиями гуманистов из всех областей Италии, возродивших классическую латынь в роли общеитальянского языка научной и художественной литературы и оттеснивших тем самым флорентийский вольгаре на периферию делового и частного средства общения. И Петрарка уже в середине XIV в. был первым литератором, изменившим в своей языковой практике органичную ситуацию контакта разных регистров одного языка на новую ситуацию диглоссии (новую, по сравнению со Средними веками, где всеобщим и единственным языком культуры была упрощенная форма латыни). Если Данте в "Пире" говорит о своей любви к родному вольгаре и стремится сделать его не менее благородным, чем латынь, а в "De Vulgari Eloquentia" считает его *a priori* более благородным, поскольку он дан "от природы", а латынь создана "скорее человеческим искусством", Петрарка полагает классическую латынь и латинскую литературу единственным образцом, достойным изучения и подражания для каждого серьезного писателя. Стиль "Божественной Комедии" он определяет как "простонародный" (*popularis*), а собственные стихи на флорентийском вольгаре считает "безделушками" (*nugae*). Действительно, «Canzoniere» (названный Петраркой «*Rerum vulgarium fragmenta*») занимает лишь малую долю его богатого литературного наследия, которое состоит из латинских стихов, поэм, трактатов, жизнеописаний великих мужей древности, диалогов, писем и др. Все это принесло ему мировую славу и даже коронацию в Риме на Капитолии лавровым венцом из позолоченного серебра (1341г.), - в первую очередь за эпическую поэму "Африка", где описываются подвиги Сципиона Африканского. Вся его деятельность как литератора была посвящена возвращению к жизни ушедшей латинской культуры. Он путешествует по Европе в поисках латинских рукописей, - и действительно находит две речи и несколько писем Цицерона, вторую Деку Тита Ливия, получает в подарок "Institutio oratoria" Квинтилиана; переписывает рукописи комедий Теренция; носит с собой повсюду "Исповедь" Августина (руководствуясь ею в вопросах морали). Более того, Петрарка пишет письма (естественно, по латыни) Августину, Овидию, Вергилию, Горацию, Цицерону, дает латинские имена своим друзьям и даже вносит сообщение о себе самом в уста отца Сципиона Африканского (в поэме "Африка"), который предсказывает сыну, что его подвиги будут воспеты через полторы тысячи лет одним тосканским поэтом [Гаспари 1897, 364]. Не удивительно, что попытка Кола ди Риенцо восстановить в Риме древние

республиканские институты (1347) находит у Петрарки живейшую поддержку, а после бесславного вырождения этого эксперимента Петрарка с равным энтузиазмом обращается к германскому императору Карлу IV с предложением воссоздать Римскую империю. Как замечает Ф. Де Санктис, «in questa risurrezione dell'antica Italia è naturale che la lingua latina fosse stimata non solo lingua de' dotti, ma lingua nazionale e che la storia di Roma dovesse sembrare agli italiani la loro propria storia. Da queste opinioni uscì l'Africa, che al Petrarca dovè parere la vera Eneide, la grande epopea nazionale... Ma la lingua latina potea così poco rivivere come l'Italia latina. Il latino scolastico avea pure alcuna vita, perché lo scrittore sforzava la lingua e l'ammodernava e ci metteva se stesso. Ma il latino classico non potea produrre che un puro lavoro d'imitazione» [De Sanctis 1949, 246-247]. Таким образом, Петрарка локализует себя в вымышленном латинском мире, говорит сам с собой и с собеседниками (например, с Августиним в «Secretum») на квази-классической латыни, по сравнению с которой латынь Данте или Альбертино Муссато кажется варварской. Более того, даже мелкие пометы на полях рукописи своих итальянских стихов Петрарка делает на латыни, которую тем самым хочет представить как более органичный для себя язык.

Позиция отстранения от флорентийского вольгаре была у Петрарки во многом обусловлена особенностями его биографии. Сын флорентийского нотариуса Петракко, изгнанного в 1302 г. (как и Данте) из родного города за свою принадлежность к партии Белых гвельфов, Петрарка с момента своего рождения (в городе Ареццо) и до конца своих дней никогда не жил во Флоренции, хотя дважды посетил ее как гость Боккаччо. Часто меняя место своего пребывания - сначала двор папской курии в Авиньоне, годы учения в Монпелье и Болонье, уединенное жилище в Воклюзе, восемь лет в Милане при дворе герцогов Висконти, потом Венеция, Парма, Мантуя, Падуя и, наконец, уединение в собственном доме в местечке Аркуа, близ Падуи, - Петрарка нигде не соприкасался с местным населением, не интересовался (в отличие от Данте) народными говорами и не испытывал никакой любви к флорентийскому вольгаре. Приняв духовный сан клирика-францисканца, Петрарка, благодаря своей дружбе с кардиналом Джованни Колонна, получил от папы должность каноника в двух епархиях Северной Италии и тем самым материальную независимость от сановных особ, которые считали для себя за честь принимать и содержать при дворе знаменитого поэта, ритора и латиниста. Получив приглашение (в 1351г.) от правительства Флоренции читать лекции в городском университете и даже обещание вернуть ему конфискованную у его отца (полвека назад) собственность, Петрарка, несмотря на уговоры своего друга Боккаччо, не захотел менять круг своего общения, включавший ученых клириков, архиепископов, кардиналов, дождей, герцогов и даже королей. Так, император Карл IV Богемский, находясь в Мантуе, пригласил Петрарку ко двору и проводил с ним наедине долгие ученые беседы, о чем не без чувства удовлетворения Петрарка пишет одному своему другу: «Наверно ни одному итальянцу не выпадала такая честь: быть приглашенным самим Цезарем, развлекаться и беседовать с Цезарем» [Гаспари 1895, 354]. Характерна также в этой связи реакция Петрарки на упреки друзей, осуждавших его за общение с известным своей жестокостью тираном Милана Бернабо Висконти: Петрарка оправдывался тем, что нигде в другом

месте он не мог найти такой подходящей и такой спокойной обстановки для своих занятий (Fam.XVI,12).

Большой любитель пеших прогулок в окрестностях Авиньона, Петрарка со своим младшим братом Герардо забрались как-то на вершину горы Вентоза. И тут, любуясь великолепным видом, Петрарка по просьбе брата прочесть что-нибудь из Августина, открыл «Исповедь» и сразу же увидел такое предостережение: «Et eunt homines admirari alta montium et ingentes fluctus maris et latissimos lapsus fluminum et Oceani ambitum et gyros siderum - relinquunt se ipsos» (другими словами, прелести мира сего не должны отвлекать человека от забот о своей душе). Этот эпизод, рассказанный Петраркой в письме к Дионисию из Борго Сан Сеполькро, раскрывает центральную тему творчества Петрарки - познание самого себя. Исследование собственных чувств, поступков и их моральная оценка оказываются единственной конкретной реальностью, на которую он опирается в своих главных сочинениях. Самоанализ при отсутствии самоиронии приводит его к преувеличенному представлению о собственной значительности и к жажде славы, которая, естественно, оценивается как грех Петраркой-клириком и моралистом. В свою очередь, вполне земная страсть к конкретной даме, которую он назвал Лаура и прославил в своем «Canzoniere», также казалась Петрарке не вполне благочестивой, поскольку он «возлюбил создание больше, чем Создателя» - за что его и упрекает в диалоге «Secretum» сам Августин. Таким образом, поклонение латинским классикам, жажда славы, любовь к Лауре в сочетании с необходимостью соблюдать заповеди христианской морали породили у Петрарки некое раздвоение личности, доставлявшее ему материал для описания своих душевных мук в латинском диалоге «Secretum» и в итальянских «Rerum vulgarium fragmenta».

Итак, основным содержанием «Canzoniere» является исследование состояний души самого поэта, безнадежно влюбленного в прекрасную и почти незнакомую даму. Лишенный опоры в реальности, Петрарка создает воображаемый мир виртуальных наслаждений и разочарований, который становится художественной реальностью в его итальянских стихах. Называя их *nugellas meas vulgares*, он кривит душой. На самом деле он много работает над их формой, переписывает их и исправляет, помечая на полях (полатыни) когда и при каких обстоятельствах написано или исправлено стихотворение. Например, к канцоне «Amor, se vuó' ch' i' torni...» существуют два примечания: «1350, mercurij, 9 junij, post vespere, volui incipere, sed vocor ad cenam; proximo mane, prosequi cepi». И второе: «1351, die sabati, XXV martij, mane, rescribo iterum [Scherillo 1908, XXII].

Из переписки Петрарки с Боккаччо мы узнаем, что хотя Данте (которого Петрарка называет только описательно: *ille nostri eloquii dux vulgaris*), по его мнению, занимает первое место среди поэтов, пишущих на вольгаре, ему, Петрарке, принадлежит второе. А что касается зависти, то он, Петрарка, никогда не завидовал славе поэта, снискавшего популярность у трактирщиков, красильщиков и мясников, чьи похвалы позорны («*qui quos volunt laudare vituperant*») и что он, Петрарка, предпочитает оставаться в обществе Вергилия и Гомера. И отводит себе первое место среди итальянских поэтов, пишущих полатыни.

Петрарка прекрасно знал сочинения (т.е. держал их в памяти) не только латинских авторов, но и своих "вульгарных" предшественников - провансальских трубадуров и тосканских поэтов. Прямые или скрытые цитаты из их стихов часто попадают в «Canzoniere». Например, четыре станцы своей пятой канцоны «Lasso me, ch' i' non so in qual parte pieghi / La speme, ch' è tradita omai più volte...» Петрарка заканчивает строкой из трубадура Арнаута Даниэля: «Drez et razon es qu' ieu chan e m' demori»; строкой из Гвидо Кавальканти: «Donna mi priega; per ch'io voglio dire»; строкой из Данте: «Così nel mio parlar voglio esser aspro»; строкой из Чино да Пистойя: «La dolce vista e 'l bel guardo soave». Цитаты-переводы из латинских классиков насчитываются десятками. Так, например, в одном из самых гармоничных сонетов [Canz., XXXV] -

Solo e pensoso i più deserti campi
vo mesurando a passi tardi e lenti;
et gli occhi porto per fuggire intenti
ove vestigio human la rena stampi. -

последние две строки - реминисценция из Гомера, приведенная у Цицерона в Тускуланских беседах (примечание Дж. Контини в [Contini 1970, 588]).

В сонете «Erano i capei d'oro a l'aura sparsi» в заключительных терцинах:

Non era l'andar suo cosa mortale
ma d'angelica forma, et le parole
sonavan altro che pur voce umana:
uno spirito celeste, un vivo sole
fu quel ch' i' vidi; e se non fosse or tale,
piaga per allentar d'arco non sana [Canz. XC]

содержится пересказ знаменитого сонета Данте «Tanto gentile e tanto onesta pare».

Ф. Де Санктис замечает по этому поводу: «Nelle immagini, ne' paragoni, nelle idee non cerca novità e originalità, anzi attinge volentieri ne' classici e ne' trovatori, intento non a cercare o trovare ma a dir meglio ciò che è stato detto da altri...Quel tipo di una «lingua illustre» che Dante vagheggiava nella prosa, il Petrarca lo ha realizzato nella poesia... E reca a tanta finezza l'espressione, che la lingua, l'elocuzione, il verso, finora in uno stato di continua e progressiva formazione, acquistano una forma fissa e definitiva, divenuta il modello de' secoli posteriori» [De Sanctis 1949, 257]. В создании этого блестящего языка, который принадлежит всей Италии – «istud totius Italie est latinum vulgare vocatur» (De VE I, XIX) - и в итальянском переводе Дж.Триссино: «questo che è di tutta Italia si chiama vulgare Italiano» - Петрарка следует рекомендациям, содержащимся в «De Vulgari Eloquentia». Он отбирает слова по признакам благозвучия, общеупотребительности, благородства их значения,

изгоняя из своего словаря простонародные тосканизмы, а также многие устаревшие сицилианизмы и галлицизмы. "Очищение" словаря приводит к его обеднению и "обесцвечиванию". Лексический материал как средство изобразительности уступает место в стихе ритму и мелодичности, поддержанными риторическими фигурами аллитерации, повтора, перечисления, анафоры, устойчивого эпитета, оксюморона, метафоры, перифразы.

Навязчивому повтору подвергаются, прежде всего, устойчивые эпитеты, касающиеся положительных качеств предмета или лица - bello, leggiadro, dolce, vago, soave, sereno, angelico, divino, celeste.

Очень часто при повторах встречаются сочетания, где эпитет и имя несовместимы по смыслу (оксюморон). Тогда лексическое значение прилагательного оказывается размытым, как, например, в сонете CCV:

Dolci ire, dolci sdegni, e dolci paci,
dolce mal, dolce affanno, e dolce peso,
dolce parlare, et dolcemente inteso,
or di dolce ôra, or pien di dolci faci.

(Комментарий Дж.Леопарди: «Verso 4. Or pieno di *dolce aura*, cioè refrigerio, or di *dolci faci*, cioè di dolce ardore»).

Сочетания слов с взаимоисключающим значением образуют сложные названия для противоречивых неустойчивых состояний души (типа «odi et amo» Катутла), которые в стихах Петрарки имеют разнообразные формы: прилагательное+существительное (dolce affanno), глагол и обстоятельство (rascomi di dolor, piangendo rido), два предложения с именами-антонимами (pace non trovo et non ho da far guerra).

Для погруженного в себя Петрарки ключевыми словами являются глагол pensare и прилагательное vago. Глагол pensare и его производные (210 случаев употребления согласно «Concordanze del Canzoniere») входят в такие контексты: miser et pien di pensier' vani e sciocchi!; E con duro penser teco vaneggio...; lo son già stanco di pensar sì come i miei pensier in voi stanchi non sono; Di pensier in pensier, di monte in monte/ mi guida Amor...; reduci i pensier vaghi in miglior luogo...; O passi sparsi, o pensier vaghi e pronti...; Solo e pensoso i più deserti campi/ vo mesurando a passi tardi e lenti...

Свои мысли он называет пустыми, глупыми, блуждающими; его шаги по земле - это путешествие в глубины души. Его надежды и страдания напрасны: fra le vane speranze e 'l van dolore. Все, что он собирается сказать или сделать ни к чему не приводит: chi volar pensa, indarno spiega l'ale; и в знаменитой политической канцоне Петрарка тоже признает свое бессилие исцелить раны свой страны:

Italia mia, benché 'l parlar sia indarno

a le piaghe mortali

che nel bel corpo tuo sí spesse veggio...[Canz. CXXVIII].

Свой талант, время, перья, бумагу и чернила он тоже тратит зря: poi mille volte indarno a l'opra volse (подлежащее здесь - Amor) ingegno, tempo, penne, carte e 'nchiostro.

Это вызывает у Петрарки глубокую жалость к самому себе:

I' vo pensando e nel penser m'assale

una pietà sì forte di me stesso,

che mi conduce spesso

ad altro lagrimar ch' i' non soleva [Canz., CCLXIV].

Прилагательное vago в языке «Canzoniere» характеризует весь строй мыслей и чувств Петрарки, всячески избегающего точности и определенности: E più certezza averne fora il peggio. Как замечает Ф. Де Санктис, «Perché se per averne più certezza rompe il corso dell'immaginazione, sopraggiunge il disinganno». Само по себе слово vago у Петрарки многозначно: это и 'блуждающий': co' pie' vaghi solitarii e lassi; и 'неопределенный, сомневающийся': l'alma dubbiosa e vaga...; la mente vaga.... Это и 'стремящийся': vaga d'ir seco, т.е. desiderosa; а также 'очаровательный': Quel vago dolce caro honesto sguardo dir pareo... или gli atti vaghi e l'angeliche parole. Так что в сочетании con sua vaga bellezza - это просто усиление к слову belezza, а vago desir, vago desio - усиление к слову "желание", а не "смутное", "неясное" желание.

Утрата точности значения слова и его индивидуальной изобразительности происходит также в анафорических повторах и перечислительных цепочках, где их лексическое наполнение подчинено музыкальной организации стиха - ритму, рифме, аллитерациям, ассонансам, паронимии, игре словами, как, например, переключка слов Laura, lauro, l'aura. Полное безразличие к смыслу слов в цепочке демонстрирует перечень названий рек и деревьев в сонете CXLVIII:

Non Tesin, Po, Varo, Arno, Adige e Tebro,

Eufrate, Tigre, Nilo, Ermo, Indo e Gange,

Tana, Istro, Alfeo, Garona e 'l mar che frange,

Rodano, Ibero, Ren, Sena, Albia, Era, Ebro,

Non edra, abete, pin, faggio o genebro

Poria 'l foco allentar che 'l cor tristo ange...

Витторио Колетти так комментирует эту технику стиха: «È qui esasperata una scelta di stile che rende il linguaggio di Petrarca già pronto per l'imitazione; ne assimila le poesie a un glossario per l'uso lirico, a una sorta di prontuario che fornisce tutto l'occorrente per una data situazione o una certa immagine. Sono celebri ancor oggi quei versi del Canzoniere che radunano tutto quanto serve per fissare un quadro, definire un paesaggio, o un particolare: "monti, valli, paludi, et mari, et fiumi" (CCCLX), "frutti, fiori, herbe, et frondi, onde 'l ponente" (CCCLXXXVII), "fresco, ombroso, fiorito et verde colle" (CCXLIII), "fior, frondi, herbe, ombre, antri, onde, aure soavi" (CCCIII); oppure un ritratto di donna: "a gli atti, a le parole, al viso, a i panni (CCCXIV), "et le braccia, et le mani, e i piedi, e 'l viso (CCXCII); il suo modo di essere: "et viva, et senta, et ami, et spiri (CCLXXXVI); le sue qualità: gentile, santa, saggia, leggiadra, honesta et bella (CCXLVII), chiara, soave, angelica, divina (CLXVII) ecc. Quasi un dizionario dei sinonimi utilizzabili nei casi previsti e variamente ricombinabili, questo stile non lascia nulla di non detto, e, al tempo stesso, dice solo l'indispensabile col minimo sforzo e si offre, già per sé ripetitivo, a una ripetizione che sarà secolare» [Coletti 1993, 62].

Литература.

Гаспари А. История итальянской литературы. Пер. с итал. К.Бальмонта. М., 1897. Т.1

Coletti V. Storia dell'italiano letterario. Torino, 1993.

Contini G. Letteratura italiana delle origini. Firenze, 1970.

De Sanctis F. Storia della letteratura italiana. Milano, 1949. Т.1.

Scherillo M. Prefazione al Canzoniere di Francesco Petrarca secondo l'autografo. 2 ed. Milano, 1908.

ГЛАВА 3. ДЖОВАННИ БОККАЧЧО (1313-1375).

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА «ДЕКАМЕРОНА»

Проза Джованни Боккаччо, точнее, его «Декамерона» лежит в основе современного письменного итальянского языка «высокого стиля». Когда в середине XVI в. Ф.Алунно выпустил в свет два первых толковых словаря итальянского языка, один из них представлял собой толкование слов «Canzoniere» Петрарки, а словник другого был основан на лексике «Декамерона» Боккаччо (1 изд. 1543, переиздан в 1551, 1555 и т.д.). Подготовительная работа к составлению монументального толкового словаря Флорентийской Академии делла Круска (1612 г.) была начата также с подробного комментария фонетических, морфологических и синтаксических особенностей языка Боккаччо, написанного ученым филологом Леонардо Сальвиати – “*Degli Avvertimenti della lingua sopra 'l Dec.amerone*” (1584-1586). Во втором томе, посвященном синтаксическим конструкциям, Сальвиати обнаруживает у Боккаччо (и у других флорентийских авторов XIV в.) целый ряд оборотов, вышедших из употребления в современном ему языке. Более того, в первом томе он отзывается о прозе Боккаччо следующим образом: «è senza dubbio, la più illustre prosa, che abbia la lingua nostra: avvegna ché g'iperbati e gli altri stravolgimenti della natural tela del favellare, sieno in quell'opera contra la forma dello scrivere <...> Perciocché l'Autore, cercando le bellezze e la magnificenza e la vaghezza, e lo splendore, e gli ornamenti della favella, e in tal guisa di farsi, come si fece, singularissimo dagli altri scrittori del suo secolo, senza alcun fallo, maravigliosamente nobilitò lo stile, ma gli scemò in qualche parte una sua propria leggiadra semplicità» [Salviati 1584, 128-129] ‘Отклонения от естественного течения речи, а именно, гипербатон и обратный порядок слов, а также перегруженность текста риторическими фигурами, зачастую лишали стиль Боккаччо изящной простоты’ – и, как видно, коробили языковое чутьё образованных флорентийцев XVI в. Однако «Avvertimenti» (‘Замечания’ и как бы ‘предупреждения’) Сальвиати и его же пометы в Словаре Академиком Круски никак не могли повлиять на всю массу читателей “Декамерона”, которые, взявшись за перо, стремились подражать как раз издержкам стиля этого популярнейшего сочинения. Таким образом, письменный литературный язык все больше отдалялся от разговорной речи, даже во Флоренции.

Через два века после Сальвиати литератор Уго Фосколо в своих эссе об итальянской литературе прямо обвиняет Боккаччо в порче итальянского языка: «Il Boccaccio, modellando l'idioma fiorentino su la lingua morta de' Latini, accrescevagli dignità, ma gli mortificava la nativa energia ... (La lingua), Boccaccio la vezzeggia da innamorato. Diresti ch'ei vedesse in ogni parola una vita che le fosse propria, nè bisognosa altrimenti di essere animata dall'intelletto; e però a poter narrare interamente, desiderava “lingua d'eloquenza splendida e di vocaboli eccellenti feconda”» [Foscolo 1824, 173]. Как замечает далее Фосколо, многословие и витиеватость прозы “Декамерона” лишают её изобразительной силы: ведь чем больше слов расходуется для выражения мысли, тем меньше смысла достается каждому из них. Мысль замедляется, теряет точность за счет возрастания благозвучия и разнообразия формы. В результате «la troppa ammirazione per quel libro

insinuò nella lingua infiniti vizi, più agevoli a lasciarsi conoscere che a riparare; e guastò in mille guise e per lungo corso di generazioni le menti e la letteratura in Italia». Чтобы избавить итальянский письменный язык от “застарелой язвы риторики” – dell’antichissimo cancro della retorica, как писал Грациадно Асколи, - нужно было преодолеть разрыв между письменным и разговорным узусом. Началом этого процесса был, как известно, призыв Алессандро Мандзони к писателям «омыть свой язык в водах Арно и поучиться у живых флорентийцев их разговорному языку».

Хотя реформаторская инициатива Мандзони и его последователей (середина XIX в.) была направлена против латинизированных моделей, часто встречающихся у Боккаччо, уже в 1870 г. Франческо Де Санктис в своей знаменитой «Истории итальянской литературы» признает за “Декамероном” статус всегда живого сочинения, в отличие от «Божественной комедии» Данте, которая «uscì dal numero dei libri viventi... Fu divina, ma non fu più viva» [De Sanctis 1949, 308]. Боккаччо создал «человеческую комедию», где ценности перевернуты: «il mondo è preso a rovescio. “Commedia” per Dante è la beatitudine celeste; “Commedia” per Boccaccio è la beatitudine terrena, la quale tra gli altri piaceri dà anche questo: di passare malinconia spassandosi alle spalle del cielo».

Согласно Де Санктису, именно эта ироническая нота составляет основу авторской интонации “Декамерона”, рисуя образ автора как артиста-рассказчика, который «fa il pudico e lo scrupoloso, e non vuol dire e pur dice, e non vuol creder e pur crede, e si fa la croce con un sogghigno» [De Sanctis 1949, 316].

Наконец, именно Де Санктис определил повествовательную манеру Боккаччо как “не - прозу”: “non è prosa, ma è arte in forma prosaica e narrazione poetica”.

Нельзя также обойти молчанием в целом точную и непредвзятую характеристику синтаксиса «Декамерона», данную (уже в 1885 году!) немецким литературоведом Адольфом Гаспари в его фундаментальной «Истории итальянской литературы», где перечислены основные структурные особенности прозы Боккаччо: «Он ввел в прозу длинные искусственно построенные периоды классических авторов; он постоянно употребляет предложения в причастной форме, часто пользуется относительным соединением, делает перестановки слов, всегда помещает глагол в конце предложения или после объекта, ставит вспомогательный глагол за причастием, управляющий глагол за зависимым неопределенным наклонением, переплетает придаточные предложения. Все это мало соответствовало современному языку, задерживало его свободное развитие и придавало повествованию тяжеловесную монотонность, так что в XVI столетии этот стиль, служа образцом, был фатален для итальянской прозы. Но у Боккаччо он еще не превратился в застывшую манеру, какой он сделался у его подражателей: когда сюжет живо захватывал его, он умел находить форму более естественную, и нередко такое размеренное, исполненное видимого достоинства изложение служит только для увеличения комизма ситуаций. Затем он совершенно реалистичен, когда заставляет говорить своих комических героев. Тогда исчезает эта напыщенная риторика, которой щеголяют его героические фигуры, диалог приобретает быстроту движения, отличается драматизмом, вращается всецело в формах реальной действительности, прибегает к

кратким и простым предложениям, к образным оборотам обиходной речи, к поговоркам и к идиотизмам диалектов...» [Гаспари 1897, 51].

Современные исследователи творчества Боккаччо, и, прежде всего Витторе Бранка [Branca 1970] и Марио Баратто [Baratto 1974] позволяют глубже заглянуть в творческую лабораторию автора «Декамерона» и понять причину бессмертия этой книги.

Важнейшие лексико-семантические и синтаксические особенности текста Боккаччо можно вкратце резюмировать следующим образом.

1. Как отмечает В.Бранка, Боккаччо впервые в истории европейской литературы избрал в качестве протагониста современное ему общество [Branca 1978]. Время действия новелл – чаще всего недавно прошедшее или настоящее (т.е., для Боккаччо, - первая половина XIV в. или его середина). В Предисловии (Proemio) Боккаччо сообщает, что он хочет рассказать о случаях и событиях «*ne' moderni tempi avvenuti*»; это подчеркивается такими указаниями времени в тексте, как *non sono molti anni passati; non ha guari; ancora non è gran tempo; l'altr' anno* etc. Часто персонажами новелл являются известные во Флоренции или во всей Италии люди, как, например, Гвидо Кавальканти, Джотто, или просто современники Боккаччо – художники Бруно и Буффальмакко, веселый монах фрате Чиполла, булочник Чисти и банкир Джери Спина. Место действия также предельно конкретизовано, напр., в Неаполе это *il Malpertugio, la Ruga Catalana*, в Сиене это *Camporeggi, Camollia*, в Венеции – *Rialto, Ca' Quirini*; больше всего точной топонимии во Флоренции: *Camaldoli, Cocomero, Orto San Michele, Parione, il Mercato Vecchio, Santa Maria Novella, San Gallo, San Giovanni* etc.

2. Несмотря на преклонение перед Данте и многократное переписывание (в том числе и для Петрарки!) «Божественной комедии», Боккаччо в своей «человеческой комедии» восстает против мистических и политических догм своего кумира. Это не личный выбор Боккаччо, а требование новой эпохи, которая отмечена крушением имперской идеи и девальвацией престижа церковных институтов. Одновременно с этими процессами возникает новая «купеческая» идеология (*ragion di mercatura*). Происходит переосмысление целого ряда понятий гносеологического и этического планов. Как известно, для адептов схоластической философии устройство мира представлялось как упорядоченная иерархическая система, скрепленная божественной причинностью, где нет места случайности, но есть место чуду, посланному с неба (*da cielo in terra a miracol mostrare*), где человек (хотя и наделенный свободой воли – *libero arbitrio*) обязан идти по пути самосовершенствования, приводящего к вечному блаженству (*beatitudine celeste*).

У Боккаччо в «Декамероне» эти стереотипы и соответствующая им лексика отчасти сохраняются в интродуктивной речи рассказчиков. Однако контекст новелл часто допускает ироническое прочтение высокопарной речи, как, например, в первой новелле первого дня, где рассказчик говорит о неисповедимости путей Господа: «*E ancora più in Lui verso noi di pietosa liberalità pieno, discerniamo, che, non potendo l'acume dell' occhio mortale nel segreto della divina mente trapassare in alcun modo, avvien forse tal volta che, da*

opinione ingannati, tale dinanzi alla Sua maestà facciamo procuratore che da quella con eterno essilio è scacciato» [Dec. I,1, 5].

За этим следует квази-назидательное повествование об известном во Флоренции нотариусе и сборщике налогов по имени Чеппарелло да Прато (прозванном во Франции Чаппелетто), мошеннике и богохульнике, который в предсмертной исповеди разыграл роль безгрешного святого, был после смерти канонизирован и творил чудеса. Его лицемерная исповедь и его диалог с монахом – блестящий пример речевой характеристики персонажей в «Декамероне»: Disse allora il frate: “Figliuol mio, ... Ma, per alcun caso, avrebbeti l’ira potuto inducere a fare alcuno omicidio o a dire villania a persona o a fare alcun’ altra ingiuria?

A cui ser Ciappelletto rispose: “Oimè, messere, o voi mi parete uom di Dio: come dite voi coteste parole? O s’io avessi avuto pure un pensieruzzo di fare qualunque s’è l’una delle cose che voi dite, credete voi che io creda che Iddio m’ avesse tanto sostenuto? ...» [Dec. I, 1, 50].

Помимо типичных для разговорного флорентийского vernacolo уменьшительных суффиксов (pensieruzzo), риторических вопросов, вводимых союзом “o”, Чаппеллетто и монах используют в своих репликах разговорные риторические приемы, например, такие как вкрадчивые осторожные вопросы монаха о возможных грехах собеседника – ... per alcun caso ... avrebbe potuto; или перечислительную цепочку ритмически «успокоительных» фраз того же монаха, заверяющего Чаппеллетто в незначительности греха получать удовольствие от вкушения “салатиков из травок” (d’ avere cotali insalatuzze d’ erbucce): - «Figliuol mio, questi peccati sono naturali e sono assai leggieri, e per ciò io non voglio che tu ne gravi più la coscienza tua che bisogni» [Dec. I, 1, 42]. – Здесь разъединение синтагмы più ... che сообщает концовке еще и замедленный ритм (“расстановку”). В этой новелле дискредитация церковных догм происходит через их двукратное осмеяние: во-первых, через богохульство персонажа и, во-вторых, через авторскую ироническую оценку в конце новеллы: “Così adunque visse e morì ser Cepparello da Prato e santo divenne come avete udito” [Dec. I, 1, 89]. После этой лапидарной фразы, построенной по образцу концовок жизнеописаний святых, следует витиеватое завуалированно-ироничное рассуждение автора о непредсказуемости поведения Бога: «Il quale negar non voglio esser possibile, lui essere beato nella presenza di Dio, per ciò che, com che la sua vita fosse scelerata e malvagia, egli poté insu l’estremo aver sì fatta contrizione che per avventura Iddio ebbe misericordia di lui e nel suo regno il ricevette».

3. Сфера божественного не входит в круг интересов автора «Декамерона». Об этом он сам прямо заявляет устами рассказчицы Филомены): «Per ciò che già di Dio e della verità della nostra fede è assai bene stato detto, il discendere oggimai agli avvenimenti e agli atti degli uomini non si dovrà disdire» [Dec. I, 3, 3]. В отличие от виртуального порядка в мире «Божественной комедии», в человеческой комедии «Декамерона» царит беспорядок. Здесь вместо Божественного разума управляют иррациональные силы природы (fortuna, caso, accidente) и человеческая природа (umana natura); эта последняя проявляется в желаниях и страстях (umano desiderio, passione, appetito), в естественном разуме (natural ragione, avvedimento), в силе (forza) и в искусстве человека-творца, обладающего такими

свойствами, как *fantasia*, *immaginazione*, *ingegno*, которые устанавливают художественный порядок в хаосе повседневности и отвлекают людей от их горестей. Слово-понятие *fortuna* 'рок, судьба, удача, неудача' появляется в «Декамероне» более ста раз (слово *destino* – у Боккаччо отсутствует (см. *Concordanze*), в таких контекстах, как: ...*dal principio del mondo gli uomini siano stati da diversi casi della fortuna menati* [Dec. I, Concl., 10]; *La fortuna*, quasi pentuta della subita *ingiuria* fatta a Cimone, nuovo *accidente* produsse per la sua *salute* [Dec. V, 1, 49]; Ma *la fortuna non stabile* ... *mutò* la inestimabile letizia dello innamorato giovane [Dec.V, 1, 36]; la *fortuna apparecchiò caso* da poter lo *scolare* al suo *disiderio sodisfare* [Dec. VIII, 7, 46]; La bella donna, la quale lungamente *trastullo della fortuna* era stata [Dec. II, 7, 92]. Таким образом человек – игрушка в руках изменчивой Фортуны. Изредка она благосклонна к желаниям людей: - *fu la fortuna conforme al suo appetito* [Dec. V, 10, 7] – la fortuna a' nostri cominciamenti è *favorevole* [Dec. I, Int., 80]; alla nostra andata *favoreggiante* [Dec. I, Int., 85), но чаще она враждебна счастливым: *nimica de' felici* [Dec. III, 7, 5], *malvaggia fortuna* [Dec. II, 7, 99], *misera fortuna* [Dec. II, 6, 28]. К тому же она наделяет людей теми или иными качествами, создавая иногда неожиданные комбинации. Так, во второй новелле десятого дня (X, 2) широту души – *magnificenza* – проявляет закоренелый разбойник Чино ди Такко, вызывая ответное великодушие у аббата (что крайне удивляет рассказчиков, привыкших к скупости клириков). Или в новелле V, 1 люди блистающие умом и талантом получают от судьбы (природы) невзрачную внешность, как, например, знаменитый в то время юрист Forese da Rabatta - «...*di persona piccolo e sformato, con viso piatto e ricagnato*», и еще более знаменитый художник Джотто, который «*quantunque la sua arte fosse grandissima, non era egli per ciò né di persona né d'aspetto in niuna cosa più bello che fosse messer Forese*» [Dec. VI, V, 8]. При этом положительные качества никак не связаны с социальным статусом человека, так как «*la fortuna assai sovente li non degni ad alto leva, abbasso lasciando i dignissimi*» [Dec. IV, 1, 39].

4. Каноническая номенклатура грехов и добродетелей сохраняется в «Декамероне» только в виде привычных языковых клише. По существу же моральный кодекс уходящего средневековья замещается здесь этикой естественных взаимоотношений между людьми (*natural ragione*). Ценностными приоритетами нового светского общества являются: сохранение достойной жизни и ее радостей, несмотря на превратности судьбы, как, например, бегство из зачумленной Флоренции, где люди теряют человеческий облик: «*Natural ragione è di ciascuno che ci nasce, la sua vita, quanto può ajutare e conservare e difendere... e fuggendo come la morte i disonesti esempi degli altri, onestamente a' nostri luoghi in contado... ce ne andassimo a stare e quivi quella festa, allegrezza, quello piacere che noi potessimo, senza trapassare in alcuno atto il segno della ragione, prendessimo» [Dec. Intr.].*

Наиболее почитаемыми человеческими (и деловыми!) качествами являются: *la grandezza dell'animo*, *magnificenza*; *dirittura*, *lealtà*, *fedeltà* (in Parigi fu un gran mercante... *lealissimo* e *diritto* e di *gran traffico d' opera di drapperia*... La cui *dirittura* e la cui *lealtà* vedendo Gianotto...; ...è quell *leale* e *fedel servo*...); *onestà*, *costumanza* (*savia ciascuna donna*... e ornata di *costumi* e di *leggiadra onestà*; *l'onestà delle valorose donne*...); *ragione*, *senno*,

discrezione, avvedimento, intendimento, arguzia, ingegno (aguzzato lo 'ngegno, gli venne prestamente quello che dir dovesse).

Положительным свойством противостоят отрицательные: avarizia (pestilenziosa avarizia de' cherici), ipocresia (malvagia ipocresia de' religiosi, la ipocrita carità de' frati); sciocchezza, stoltizia (E che vero sia che la sciocchezza di buono stato in miseria altrui conduca...; cominciò a far beffe della sua sciocchezza...; e questo v'ha assai manifestato la stoltizia di Calandrino; la stolta folla), grosso ingegno (e quelli cotanti erano uomini e femine di grosso ingegno); poco regolato appetito (il concupiscibile appetito; per questo appetito disordinato e disonesto; resistere a questi naturali appetiti).

Куртуазные нравы, пленившие Боккаччо при Неаполитанском дворе ученого короля Роберта Анжуйского и увлечение латинскими классиками – Овидием, Титом Ливием, Апулеем, научили будущего автора «Декамерона» не связывать «любовь, любить велящую любимым» с понятием греха. И если Данте помещает Паоло и Франческу во второй круг Ада, то Боккаччо сочувственно описывает “нелегитимные” любовные утехы отшельников, монахов, монахинь, священников как естественные для каждого человека влечения. Тот, кто добивается своей цели с помощью остроумного розыгрыша или словесного хитросплетения, вызывает смех и одобрение читателя.

Так, в новелле III, 8 находчивый аббат, домогаясь любви у жены крестьянина Ферондо, оправдывает свое поведение перед ней следующим образом: «Anima mia bella, non vi meravigliate, ché per questo la santità non diventa minore, per ciò che ella dimora nell'anima, e quello che vi domando è peccato del corpo. Ma che che si sia, tanta forza ha avuta la vostra vaga bellezza, che Amore mi costringe a così fare <...> E oltre a questo, come voi vedete, io non sono ancor vecchio». Чтобы устранить на время тупого и ревнивого мужа, аббат изобретает феерический трюк с отправлением Ферондо в Чистилище для излечения от ревности (с последующим воскрешением из мертвых). В погребке, изображающем потусторонний мир, монах колотит его палками и потом между ними происходит такой диалог:

A cui Ferondo, avendo gridato assai, disse: “Deh questo perché mi fai tu?”

Disse il monaco: “Per ciò che così ha comandato Domeneddio che ogni dì due volte ti sia fatto”.

“E per che cagione?” Disse Ferondo.

Disse il monaco: “Perché tu fosti geloso, avendo la miglior donna che fosse nelle tue contrade per moglie”.

“Oimé” disse Ferondo “Tu di' vero, e la più dolce: ella era più melata che' l confetto, ma io non sapeva che Domeneddio avesse per male che l'uomo fosse geloso, ché io non sarei stato”.

Disse il monaco: “Di questo ti dovevi tu avvedere mentre eri di là, e ammendartene; e se egli avviene che tu mai vi torni, fa che tu abbi sì a mente quello che io ti fo ora, che tu non sii mai più geloso”.

Disse Ferondo: “O ritornavi mai chi muore?”

Disse il monaco: “Sì, chi Dio vuole”. и т.д.

В этой новелле Боккаччо представляет аббата как сценариста и постановщика блестящего розыгрыша, то есть как носителя артистического дара, которым обладают герои его лучших новелл. Все они – флорентийцы – uomini beffatori, piacevoli, sollazzevoli, ben parlanti. Таков монах frate Cipolla, который обещал глупой толпе (la stolta moltitudine) показать перо архангела Гавриила (на самом деле – попугая), но обнаружив в коробке несколько угольков, подложенных туда другими шутниками, выдает их за угли, на которых был сожжен святой Лаврентий. Так, обманутый обманщик “per presto accorgimento fece coloro rimaner scherniti, che lui, togliendogli la penna, avevan creduto schernire”. Таковы хорошо известные во Флоренции художники Бруно и Буффальмакко, которые высмеивают (scherniscono) своего жадного и легковерного приятеля Каландрино (новеллы VIII – 3, 6 и 9; IX – 3 и 5).

В новелле VIII, 3 они уговаривают Каландрино отправиться с ними в Муньоне на поиски волшебного камня, делающего человека невидимым, и притворяются, что Каландрино пропал из виду, так как нашел камень и оставил их в дураках:

“Deh come egli ha ben fatto” disse allora Buffalmacco” “d’averci beffati e lasciati qui, poscia che noi fummo sì sciocchi che noi gli credemmo. Sappi! chi sarebbe stato si stolto che avesse creduto che in Mugnone si dovesse trovare una così virtuosa pietra, altri che noi?”

В нов. IX, 3, 20-26 они подговаривают врача Симоне обнаружить у Каландрино признаки беременности: ...

«... e postoglisi il medico a sedere allato, gli incominciò a toccare il polso, e dopo alquanto, essendo ivi presente la moglie, disse: “Vedi Calandrino, a parlarti come ad amico, tu non hai altro male se non che tu sei pregno”.

... gli disse il maestro: “Calandrino, io non voglio che tu ti sgomenti, ché lodato sia Iddio, noi ci siamo sì tosto accorti del fatto, che con poca fatica e in pochi dì ti dilibererò, ma conviensi un poco spendere”». И скупому пациенту пришлось расстаться с деньгами.

Забавные розыгрыши (nuovi giochi), насмешки (beffe, scherni), остроты (leggiadri motti, ridevol motto) были формой жизни флорентийской публики и ценились как источник радости (allegrezza, piacere), и как средство самозащиты. Так, в новеллах четвертого дня речь идет о тех, «di chi con alcuno leggiadro motto tentato, si riscosse, o con pronta risposta o avvedimento fuggì perdita, pericolo o scorno».

Общие ценностные качества людей (и вещей) – т.е их достоинство, благородство (valore, gentilezza) включали, кроме уже упомянутых свойств (senno, avvedimento,

costumanza), также умение не только сказать меткое слово (*ridevol motto*), но и вообще хорошо говорить. Так, прилагательное “*ben parlante*” и даже просто “*parlante*” встречается у Боккаччо в таких сочетаниях как: *un valente uomo di corte e costumato e ben parlante*; *una gentile e costumata donna e ben parlante*; *una fresca e bella giovane e parlante e di gran cuore*; *Il cavaliere, savio e ben parlante, etc.* (см. *Concordanze*).

Герои “Декамерона” проявляют красноречие в разных ситуациях, например, с целью одурачить толпу, как фрате Чиполла, или как средство оправдать и утвердить естественную мораль перед судом традиционных норм поведения (*volgare oppinione*). Так, в новелле IV, 1, 32 трагическая героиня Гисмонда, вооружившись логикой, ведет свою защиту как нападение: “...E gli è vero che io ho amato e amo Guiscardo, e quanto io viverò, che sarà poco, l’amerò, e se appresso la morte s’ama, non mi rimarrò d’amarlo: ma a questo non mi ridusse la mia femminile fragilità, quanto la tua poca sollecitudine del maritarmi e la virtù di lui...”.

“...Guiscardo non per accidente tolsi, come molte fanno, ma con diliberato consiglio lessi innanzi ad ogni altro, e con avveduto pensiero a me lo ’ntrodussi, e con svia perseveranza di me e di lui lungamente goduta sono del mio disio. Di che egli pare, oltre allo amorosamente aver peccato, che tu, più la volgare oppinione che la verità seguitando, con più amaritudine mi riprenda, dicendo... che io con uom di bassa condizione mi son posta: in che non ti accorgi che non il mio peccato ma quello della fortuna riprendi, la quale assai sovente li non degni ad alto leva, abbasso lasciando i dignissimi”.

Длинный монолог этой знатной и образованной дамы Боккаччо строит по законам средневековой риторики и сложного латинизированного гипотаксиса.

В новелле V, 10, 57 для оправдательного монолога темпераментной простолоюдинки, застигнутой мужем врасплох, Боккаччо находит совсем другие краски. Это стиль агрессивного базарного красноречия, где преобладают сочинительные цепочки с ритмическими концовками:

“...Ché? Posto che io sia da te ben vestita e ben calzata, tu sai bene come io sto d’altro e quanto tempo egli è che tu non giacesti con meco; e io vorrei innanzi andar con gli stracci indosso e scalza, ed esser ben trattata da te nel letto, che aver tutte queste cose, trattandomi come tu mi tratti. E intendi sanamente, Pietro, che io son femina come l’altre, e ho voglia di quel che l’altre, ...”

5. Умение хорошо построить свою речь обязательно для говорящего, выступающего в роли рассказчика, который всегда рассчитывает развлечь и заинтересовать слушателя. Прекрасным рассказчиком был, например, Джотто: ... ascoltando Giotto, il quale bellissimo favellatore era [Dec. VI, 5, 13]. Неумение складно изложить саму по себе интересную историю (*una novella, la quale nel vero da sé era bellissima*) портит и просто уничтожает эту историю, т.к. собеседник отказывается ее слушать [Dec. VI, 1, 10]. И, наоборот, блестящая форма рассказа облагораживает даже непристойное содержание, так как приносит опечаленным людям радость и наслаждение через смех. Так, в начале новеллы V, 10, 4 Дионео говорит, что его рассказ “*a niun altro*

fine riguarda se non a dovervi torre malinconia, e riso et allegrezza porgervi, quantunque la materia della mia seguente novella, innamorate giovani, sia in parte meno che onesta, però che diletto può porgere, ve la pur dirò”.

Красота формы придает материи дополнительный высший смысл, который является, согласно эстетическим взглядам Боккаччо, самим существом поэзии. Более того, поэзия для Боккаччо была неким вариантом теологии. Эту точку зрения он подробно обосновывает в своем сочинении «Vita di Dante», точнее, в двух отступлениях, названных «La difesa della poesia» и «Digressione sull' origine della poesia»:

“Dico che la teologia e la poesia quasi una cosa si possono dire, dove uno medesimo sia il soggetto; anzi dico più, che la teologia niun' altra cosa è che una poesia di Dio <...> E certo, se le mie parole meritano poca fede in sì gran cosa, io non me ne turberò; ma credasi ad Aristotile, degnissimo testimonio a ogni gran cosa, il quale afferma sé aver trovato li poeti essere stati li primi teologizzanti... Per che si può delle predette cose comprendere ufficio essere del poeta alcuna verità sotto fabulosa fizion nascondere con ornate ed esquisite parole. E, perciocché molti ignoranti credono la poesia niuna altra cosa essere, che semplicemente un favoloso e ornato parlare, ... mi piace brevemente mostrare la poesí esser teologia, o più propriamente parlando, quanto più può simigliante di quella...” [Boccaccio 1963, 39, 79]. Однако, те высокие моральные ценности, которые скрываются за ornato parlare поэтической прозы “Декамерона”, имеют чисто светский, точнее, общечеловеческий характер и составляют цель самого сочинения, заявленную в первой фразе “Пролога” (Proemio): “Umana cosa è l'aver compassione agli afflitti; e come che a ciascuna persona stea bene, a coloro è massimamente richesto li quail già hanno di conforto avuto mestiere, e hannol trovato in alcuni; fra'quali, se alcuno mai n'ebbe bisogno, o gli fu caro, o già ne ricevette piacere, io son uno di queglii”. Далее Боккаччо дает понять, что, страдая от несчастной любви к некой знатной даме, он нашел сострадание и поддержку (compassione e conforto) у благородных дам, которых, в свою очередь, хочет отвлечь своими новеллами от горестей земной юдоли. Здесь Боккаччо, помимо прямого утверждения моральной цели своего сочинения, прибегает к характерному для него приему минимизации всех сведений, касающихся его личной биографии, и скрывает за куртуазными мотивами гораздо более серьезные причины обращения к “развлекательной” литературе как к терапевтическому средству.

Дело в том, что Джованни Боккаччо свои юные годы провел в Неаполе, где он (сначала вместе с отцом) представлял интересы флорентийского банкирского дома Барди, финансировавшего короля Роберта Анжуйского и его двор. Поэтому Боккаччо был принят в придворных кругах почти как равный, и, не чувствуя интереса к профессии отца, погрузился в светскую жизнь, изучение сочинений Данте и латинских писателей, а также стал автором нескольких куртуазных сочинений на флорентийском вольгаре, имевших большой успех, но лишенных оригинальности. Райская жизнь богатого юноши кончилась вместе с началом банкротства фирмы Барди. Боккаччо был вынужден вернуться во Флоренцию (в 1340 г.), где его ожидали обедневшие родственники и жестокие партийные междоусобицы претендентов на власть в сенате республики; это уже не гвельфы и гибеллины, а купеческие кланы (popolo grasso), дворянские роды (i grandi) и “мелкий

народ” (popolo minuto). На роль усмирителя раздоров гранды решили пригласить родственника французского короля, Готье де Бриенна, так называемого герцога Афинского, который, опираясь на popolo minuto, установил личную диктатуру, окружил себя конной и пешей свитой из французских рыцарей и приступил к поборам и казням. Хронисты упоминают о некоем Бертоне Чини, которому герцог приказал отрезать язык, за то что тот открыто возмущался его поборами. «Гнев народа и ненависть к герцогу от этого еще усилились, ибо флорентинцы, привыкшие и делать и говорить совершенно свободно все, что хотели, не могли перенести, чтобы им затыкали рот» [Макьявелли 1973, 89].

Ко всем прочим бедам в 1348 г. во Флоренцию пришла чума. Боккаччо находился в это время в городе и пережил смерть отца и горячо любимой дочери Виоланты [Viscardi 1960, 410].

А в 1349 г. он начал писать свой “Декамерон”, точнее, Пролог (Proemio) и Введение (Introduzione), так как некоторые новеллы были уже написаны, но еще не охвачены общей “рамкой”.

б. На таком историческом фоне знаменитое описание чумы во “Введении”, где Боккаччо “высоким” стилем объективного хрониста излагает симптомы болезни и поведение охваченных ужасом людей, прочитывается как форма “сдерживания” собственных эмоций и устранения из повествования фигуры автора. Однократное появление авторского “я” в роли “очевидца” –«*Maravigliosa cosa è a udire quello che io debbo dire: il che, se dagli occhi di molti e da’ miei non fosse stato veduto, appena che io ardissi di crederlo, non che di scriverlo, quantunque da fededegna persona udito l’ avessi*» [Dec. Intr., 16] – только подчеркивает безличный, “летописный” стиль изложения.

Рамка “Декамерона”, написанная в стиле пасторали, тоже служит для самоустранения автора: все моральные оценки и рассуждения по поводу рассказанных историй исходят от персонажей второго “метатекстового” плана, живущих в условном куртуазном мире, где ничего не происходит, кроме обсуждения рассказанных новелл и регламентированных развлечений. Сами персонажи лишены индивидуальных характеристик. Речевой жанр “рамки” совпадает со стилем пасторальных романов Боккаччо неаполитанского периода:

“E da seder levatasi, verso un rivo d’acqua chiarissima, il quale d’una montagnetta discendeva in una valle ombrosa da molti arbori fra vive pietre e verdi erbette, con lento passo, se n’ andarono. Quivi, scalze e con le braccia nude per l’acqua andando, cominciarono a prendere vari dilette fra se medesime [Dec. I, Concl. 15].

В философских рассуждениях персонажей “рамки” иногда можно услышать горестную интонацию самого Боккаччо, как, например, в начале I, I, 3: “...si come le cose temporali tutte sono transitorie e mortali, così in sè e fuor di sè essere piene di noja e d’angoscia e di fatica et ad infiniti pericoli soggiacere, alle quali senza niuno fallo né potremmo noi, che viviamo mescolati in esse e che siamo parte di esse, durare né ripararci, se spezial grazia di Dio forza et avvedimento non ci prestasse”.

Однако, в интродукции к новеллам IV дня и в Заключении ко всей книге, где Боккаччо говорит от 1-го лица, комментируя текст «Декамерона» и защищаясь от критиков, фигура автора трансформируется в изображаемый им персонаж, *beffatore e ben parlante*, речь которого не всегда надо понимать буквально. Авторская интонация здесь насквозь иронична – так, во введении к IV дню он говорит “высоким” стилем о неприязнительности своих новелл, “*le quali non solamente in fiorentin volgare e in prosa scritte per me e senza titolo, ma ancora in istilo umilissimo e rimesso quanto il più si possono”...[Dec. IV, Intr., 3]; и дальше (35-36) намекает на то, что Музы “forse a quelle cose scrivere, quantunque sieno umilissime, sì sono venute parecchie volte a starsi meco, in servizio e in onore della simiglianza che le donne hanno ad esse; per che, queste cose tessendo, né dal monte Parnaso, né dalle Muse non mi allontanano, quanto molti per avventura s’avvisano”.*

Смысловый контраст между абзацами 3 и 35-36 по существу не содержит противоречия: stile umile e prosaico оказывается близок к высокой поэзии благодаря искусству автора, о чем автор прямо не говорит, но дает понять.

Другой пример контраста как фигуры речи внутри одного абзаца [Dec. Concl., 26] содержит насмешливое сочетание положительных и отрицательных характеристик монахов: «...i frati son buone persone e fuggono il disagio per l’amor di Dio <...> e se non che di tutti un poco viene del caprino», (‘лицемерие и дурной козлий запах’ придают слову “хороший” иронический смысл).

Шутливый ответ на обвинение в злоупотреблении остротами, не подобающими человеку солидному (букв. “весомому”) – “*le cose dette esser troppo piene e di motti e di ciance e mal convenirsi ad uno uom pesato e grave” – содержит “контраст” двух разных значений этих слов, (т.е. игру словами): ...”*affermo che io non son grave, anzi son io sì lieve che io sto a galla nell’acqua*” [Dec. Concl., 23].*

В Заключении к “Декамерону” можно найти также иронические речевые акты, как, например, “совет” лечиться от смеха чтением молитв (24), или ссылку на “авторитет” своей соседки, для подтверждения высоких качеств языка “Декамерона”: (*la lingua*)..; *la quale non credendo io al mio giudizio, il quale a mio potere io fuggo nelle mie cose, non ha guari mi disse una mia vicina che io l’aveva la migliore e la più dolce del mondo*;...[Dec. Concl., 27].

7. Стилистический диапазон новелл “Декамерона” очень широк. Как отмечает М. Баратто, здесь уже просматриваются такие литературные жанры, как *Racconto*; *Dal racconto al romanzo*; *Dal racconto alla novella*; *Novella esemplare*; *Il contrasto*; *Verso la commedia*. Каждый жанр отмечен собственным стилем. Так, назидательные новеллы написаны витиеватым нарративным стилем, в комических новеллах преобладает живой диалог, так что повествовательные вставки напоминают авторские ремарки к сценарию. Комментируя одну из таких новелл, М.Баратто пишет: “*La comicità della novella (VIII, 9), più che nei personaggi, risiede nel dialogo, nel ritmo delle cadenze e risposdenze del discorso. La novella è innanzi tutto una commedia di linguaggio: un giuoco da repertorio sul linguaggio comico fiorentino*”... Так, Боккаччо, в отличие от Петрарки, “è capace di essere insieme

“nobilis” e “popularis”, epico e scrutatore del quotidiano” [Baratto 1974, 319, 355]. Вместе с тем, многие современные исследователи синтаксиса “Декамерона” обращают внимание главным образом на те его особенности, которые или просто расходятся с нормами современного языка (и были свойственны не только языку Боккаччо), или явились индивидуальным экспериментом автора, стремившегося придать языку итальянской прозы компактность и красоту латыни. Между тем разнообразие стилистических регистров (в терминологии М.Баратто “modi narrativi”), которое обнаруживается даже внутри одной новеллы, требует текстового (дискурсного) подхода к анализу “поэтической прозы” Боккаччо. Дело в том, что, как пишет Д.С.Лихачев, “орнаментальная проза” близка к поэзии в том отношении, что и поэзия и “орнаментальная проза” стремятся создать некоторый “сверхсмысл” [Лихачев 1979, 117].

Эти добавочные смысловые коннотации, т.е. собственно-стилистические составляющие высказываний в художественной речи, проявляются только в индивидуальном контексте, который складывается из структурно разнородных элементов.

Это – авторский выбор предметно-тематических и предикативно-референциальных компонентов (кто кому о чем здесь и сейчас говорит), модальных и этических оценок (знаю/думаю, что это хорошо/плохо), прагматических установок (замысел, цель сообщения), синтаксических форм организации высказывания (порядок слов, подчинение/сочинение, фигуры речи, ритмическое членение) и, наконец, намеренное создание ассоциативных связей высказывания с другими высказываниями, как в данном тексте, так и в предшествующих текстах разных традиций и стилей (цитация).

У Боккаччо выбор формально-синтаксической структуры высказывания обычно обусловлен функционально. Так, отклоняясь от “естественного” романского порядка слов и имитируя латинские модели, Боккаччо привносит добавочный стилистический компонент “обстоятельности”, “торжественности”, “возвышенности” (который под влиянием соседних высказываний может получить ироническое прочтение).

Иногда компактность сложных периодов достигается в “Декамероне” путем механической замены личных форм глагола на неличные, что приводит к стиранию коммуникативного контраста между действиями переднего плана и их мотивами и “обстоятельствами”, например: “Il che udendo i fratelli e accorgendosine, avendonela alcuna volta ripresa e non giovando, nascosamente da lei fecero portar via questo testo; il quale non ritrovando ella con grandissima istanzia molte volte richese, e non essendole renduto, non cessando il pianto e le lagrime, infermò [Dec. IV, 5, 40].

Джованни Ненчони, из статьи которого заимствован этот пример и его интерпретация, считает необходимым предостеречь исследователей языка “Декамерона” от поспешных заключений: “Ma bisogna guardarsi – è bene ripeterlo – dal confinarlo entro un unico registro stilistico; errore in cui è incorso chi lo ha accusato di una colpa da lui comunque non commessa: di avere ciceronianizzato la prosa letteraria italiana. C’è sí nel Decameron...il prosatore solenne e macchinoso, il cui periodare, così lontano dal nostro, non è di facile e

neppure di gradevole accesso... Ma c'è anche... un maestro del narrare icastico e incalzante, dello stile dialogico, di un parlato-scritto volutamente municipale, eppur sempre studiatissimo; tutti registri che il Boccaccio non solo vigilmente domina ma avvicenda, a seconda dei temi e dei livelli, all'interno di una stessa novella" [Nencioni 1973, 340-343].

Согласно общей схеме Дж. Ненчони, варианты стилистических регистров в "Декамероне" должны выглядеть следующим образом:

1. scritto-scritto – "высокий" нарративный стиль, отмеченный "латинским" порядком слов, компактностью, фигурами речи;
2. scritto – "средний" нарративный стиль, сохраняющий "романский" порядок слов и формы подчинительной связи, соответствующие современному литературному языку;
3. scritto-parlato – нарративный стиль с включениями косвенной или прямой речи;
4. parlato-scritto – монологический фрагмент, как "высокого" стиля с риторическими фигурами и логическими причинно-следственными связями, так и эмоциональный монолог с сочинительными цепочками предложений, лексическими вульгаризмами и т.п.;
5. parlato – диалог "среднего" стиля, где нарративные фрагменты сведены до минимума;
6. parlato-parlato – диалог "сниженного" стиля на народном говоре.

Классификация регистров речи по формальным признакам не отражает, однако, тех коннотаций, которые приобретает форма высказывания во взаимодействии с его семантикой, с контекстом и с общей целевой установкой произведения.

Так, новелла 1, 2, по формальным признакам принадлежащая к типу scritto-scritto, где даже включения прямой речи относятся к тому же "возвышенному" регистру, таит в себе двусмысленность. Прочитанная буквально, она представляет собой апологию католицизма:

"Abraam giudeo, da Giannotto di Civignò stimolato, va in corte di Roma; e veduta la malvagità de' cherici, torna a Parigi e fassi cristiano" – поскольку христианство оказывается настолько прочной религией, что выдерживает бесчинства церковников. Однако описание этих бесчинств настолько подробно и красноречиво, что кажется абсурдным само существование таких посредников для общения с Богом (мысль вполне еретическая), а решение Абраама принять христианство – нелогично и удивительно даже для его друга христианина. Ведь когда Абраам, прежде чем креститься, решил отправиться в Рим, чтобы посмотреть, как живет Наместник Бога на земле – il Vicario di Dio in terra, - Джаннотто сильно расстроился и подумал: "Perduta ho la fatica la quale ottimamente mi pareva avere impiegata, credendomi costui aver convertito; per ciò che, se egli va in corte di Roma e vede la vita scelerata e lorda de' cherici, non che egli di giudeo si faccia cristiano, ma se egli fosse cristiano fatto, senza fallo giudeo si ritornerebbe [Dec. I, 2, 12].

Итак, "скрытой" темой новеллы 1, 2 можно считать мотив "абсурдности действий участников человеческой комедии", мотив, поддержанный также контекстом предыдущей новеллы 1, 1, где рассказывается о поклонении глупой толпы мощам закоренелого грешника. В этой связи "высокий" эпический стиль новеллы 1, 2

воспринимается как “серьезная мина” автора при рассказе анекдотической истории. Нельзя также упускать из виду общий иронический (“смеховой”) тон большинства новелл и самого Заключения “Декамерона”. Ведь смех не только лучшее лекарство от горестей. Как говорит М.М.Бахтин, “Смех – форма крупного плана, он необычайно приближает предмет, разрушает всякую созданную пиететом или страхом даль (высоту) предмета; в далеком образе мир не может быть смешон. Поэтому смех – предпосылка реализма: он втягивает предмет в зону современности и фамильярности, где его можно ощупать руками, разложить, проникнуть в его нутро, исследовать” [Бахтин 1986, 514].

Литература

Бахтин М.М.. Литературно-критические статьи. М., 1986.

Гаспари А. История итальянской литературы. Пер. с итал. К.Бальмонта. М., 1897. Т. II.

Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Макьявелли Н. История Флоренции. Пер. с итал. Н.Я.Рыковой. Л., 1973.

Baratto M. Realtà e stile nel Decameron. Vicenza, 1974.

Boccaccio, Giovanni. Vita di Dante. Roma, 1963.

Branca V. Boccaccio Medievale. Firenze, 1970.

Branca V. Contemporaneizzazione narrativa nel “Decameron” // Beiträge zur Romanischen Philologie XVII, 1978, Heft 1.

Foscolo U. Saggi di letteratura italiana, Firenze, 1824.

Nencioni G. Lettura linguistica di Decameron IV, 5 // Nencioni G. Di scritto e di parlato. Discorsi linguistici. Bologna, 1983.

De Sanctis F. Storia della letteratura italiana, Milano, 1949.T.1.

Salviati L. Degli Avvertimenti della lingua sopra 'l Decamerone. Venezia, 1584. V.1. Firenze, 1586. V.2.

Viscardi A. Storia della letteratura italiana. Milano, 1960.

Часть VI.

Итальянский язык Кватроченто

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ИТАЛИИ КОНЦА XIV-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА.

1. Историческая обстановка в конце XIV - начале XV веков.

В этот период формируются три очага политической экспансии: на Юге Италии, на Севере Италии и в Тоскане. В центре полуострова – более пассивная Папская область.

На Юге, клонящееся было к упадку Неаполитанское королевство получает новый импульс развития при последнем короле анжуйской династии Владиславе (годы правления 1394-1314), который ведет непрерывные войны со своими северными соседями - городами Папской области и Тосканы (захватывает Рим, Перуджу, Ареццо, Кортону - которую потом продает Флоренции, и т.п.).

После смерти Владислава его сестра Джованна II усыновляет короля Альфонса V Арагонского, и он в 1421 г. приезжает в Неаполь. Однако стать Альфонсом I Неаполитанским ему удастся лишь в 1442 г. после долгой борьбы за власть с другими претендентами. Заключив договор о разделе сфер влияния с миланским герцогом Филиппом Висконти, Альфонс I, ставший полным хозяином королевства, устраивает 26 февраля 1443 г. торжественный въезд в лежащую у его ног столицу. Страстный поклонник античности, покровитель гуманистов, даже на поле битвы слушавший чтение отрывков из Тита Ливия, король в этом въезде воспроизводит римский триумф, с некоторыми христианскими добавлениями... "Это победное шествие с его античной маскировкой, подробно описанное историографом короля Антонио Бекаделли, знаменовало собой наступление новой эры не только для полуострова, но и для всей Италии, эры, драпирующейся в античную тогу тирании, сменяющей в ряде центров полуострова как вполне феодальную монархию, так и коммунальную республику" [Гуковский 1961, 37-38].

Папская область, в городах которой (Форли, Римини, Урбино, Губбио, Ассизи, Сполето и др.) хозяйничали мелкие феодалы, иногда выступающие как кондотьеры, т.е. предводители наемных войск (*compagnie di ventura*), принадлежала папе лишь номинально. После возвращения пап из Авиньона в Рим начинается так называемая схизма (с 1378 по 1417 гг.), когда в разных странах избираются самостоятельные папы. Папы воюют между собой, с неаполитанским королем, с римскими феодалами и римской коммуной, спасаются от смут во Флоренции. Рим иногда попадает под власть кондотьеров, подвергается разграблениям и находится в состоянии крайнего запустения (по улицам ночью бродят волки и лисицы, поедая трупы). Папа Мартин V (из рода Колонна), избранный и утвержденный Констанским собором в 1417 г. как единственно законный, отсиживается сначала во Флоренции; в 1420 г. он торжественно прибывает в Рим, где наводит порядок, отстраивает город, покровительствует наукам, приглашает к себе в секретари видных гуманистов. Однако излишняя семейственность Мартина V

(непотизм при папском дворе становится с тех пор обычным явлением) оборачивается после его смерти против его чрезмерно разбогатевших родственников: все Колонна были изгнаны из Рима временщиками следующего папы - Евгения IV (с 1431 по 1447 гг.) и лишены движимого и недвижимого имущества. Папа Евгений тоже покровительствовал ученым. Именно в его приемной состоялся в 1435 году знаменитый спор между его секретарями - гуманистами по поводу природы разговорного языка в древнем Риме (см. ниже).

На Севере противостоят друг другу в своих стремлениях к экспансии олигархическая республика Венеция и Милан, уже давно утративший демократическую форму правления и превратившийся в принципат. Один из его правителей - Джан Галеаццо Висконти, женатый первым браком на сестре французского короля - графине Vertu, в 1385 г. свергает своего дядю Бернабò, добивается титулов герцога и императорского викария, сам называет себя "Графом Доблести" (il conte di Virtù) и начинает создавать в Ломбардии централизованное государство: он уничтожает замки феодалов, отменяет выборность должностей, ведет непрерывные войны с мелкими княжествами и республиками Ломбардии (Верона, Павия, Падуя, Бассано, Фельтре, Феррара, Мантуя), которые, в конце концов, подчиняются Милану. В сферу влияния Миланского герцогства попадают даже такие крупные города, как Генуя, Пиза, Сиена и, наконец, традиционная союзница Флоренции - Болонья. В Тоскане у Флоренции, окруженной со всех сторон, как будто нет никаких шансов противостоять войскам Миланского герцога, точнее, нанятых им кондотьеров. Но тут смерть Джан Галеаццо в 1402 г. приходит на помощь флорентийцам.

Войны и притеснения своих подданных не мешали Джан Галеаццо поощрять градостроительство, науки и искусства: он вел переписку с виднейшими гуманистами Италии, приглашал в университет Павии греческого филолога Хризолора, приобретал рукописи для своей обширной библиотеки. [См. Гуковский 1961, 96]. Наследником и продолжателем политики Джан Галеаццо стал его сын Филиппо Висконти.

В Тоскане очагом политической, культурной и языковой экспансии остается Флоренция. После восстания чомпи (низших слоев населения, лишенных гражданских прав) и его подавления (1378 г.), в городе устанавливается олигархическое правление пополанских банкирских семей - Альбицци, Строцци, Каппони, которые в равной мере опасаются как прихода к власти простонародья, так и превращения олигархии в монархию. Конкурирующие пополанские кланы - Альберти, Медичи - отправляются в изгнание, а феодальная аристократия, лишенная гражданских прав с 1293 г., снова их получает, вступая в тот или иной цех. Богатые пополанские семьи стремятся породниться с аристократией и получить титул "рыцарей" (cavalieri).

Флоренция постепенно расширяет свои владения в Тоскане, как путем покупки городов (Ареццо, Кортон), так и через их военную аннексию. Так, вожделенный выход к морю - большой портовый город - Пиза - был сначала приобретен у Висконти (1405 г.), причем за немалые деньги, но после восстания пизанцев против своих исконных врагов, был осажден флорентийцами и взят измором (1406 г.). Через пятнадцать лет Флоренция покупает у Генуи другой важный порт в Тирренском море - Ливорно, и становится

морской державой: строит свой флот, корабли которого развозят товары по маршрутам, проложенным Генуей и Венецией.

Впрочем, не всегда удача сопутствовала флорентийцам. Так, в 1430 г., по инициативе Ринальдо Альбицци, правящая верхушка решила начать войну против Лукки, северного тосканского города, тесно связанного с Генуей и Миланским герцогством. С обеих сторон сражались наемные войска во главе с кондотьерами Пиччиннино (Лукка и Генуя) и Франческо Сфорца (Флоренция). Этот последний, получив от флорентийцев деньги (*soldi*, откуда проникшее во многие языки из итальянского наименование наемных войск - *soldati*), воздержался от сражения. Из-за предательства Сфорца ослабленное ополчение флорентийцев в войне за обладание Луккой было разбито в 1432 г. Попытки захвата Сиены также не имели успеха. Зато в 1440 г. в битве при Ангьяри флорентийцы взяли реванш, наголову разбив войско Филиппо Висконти.

Недовольный возросшим из-за войн налогообложением, флорентийский "мелкий народ" - *popolo minuto* - возлагает надежды на главного представителя оппозиционного лагеря - Козимо Медичи, который приобрел популярность, уплачивая долги и налоги за неимущих граждан. Ринальдо Альбицци теряет почву под ногами, добивается в 1433 г. ареста и ссылки Козимо, обвиняя его в попытке захвата власти. Подвергаются репрессиям и другие члены семьи Медичи. Однако изгнание длится недолго. Через год, под нажимом группы влиятельных граждан и самого папы Евгения IV, Козимо Медичи с триумфом возвращается во Флоренцию и берет бразды правления в свои руки. Таким образом, "превращение наиболее смелой и гордой своими свободами коммун в синьорию монархического типа завершилось. Медичи стали властителями Флоренции на два столетия". Эти слова М.А.Гуковского [Гуковский 1961, 85] нуждаются в уточнении. Козимо Медичи (умер в 1464 г.), его сын Пьеро и его знаменитый внук Лоренцо Великолепный (умер в 1492 г.) никогда не присваивали себе титулов, указывающих на их единоличное правление. Напротив, придя к власти в 1434 г., Козимо всячески стремится показать: форма правления в городе не изменилась. Веспасиано да Бистиччи - автор жизнеописаний многих выдающихся людей своего века и распространитель рукописных копий сочинений, как античных авторов, так и итальянских гуманистов, рисует красноречивый портрет Козимо, которого знал лично:

"Venne Cosimo nella città, dove erano molti cittadini grandi nella republica istati, et essendo sua¹ amici et cagione della sua rivocatione, rimasino² grandi nella citta, et bisognò a Cosimo durare grandissima fatica a mantenesegli, et temporegiare colloro, sempre dimonstrando volere ch'eglino vi potessino³ come lui, et andò coprendo quanto egli poté questa sua potentia nella città, et fece ogni cosa per non si iscoprire, et in questo adoperò grandissima prudentia, dove s'ebbe drento⁴ difficultà assai....

Usòci drento⁴ una grandissima arte a potersi conservare, et in tutte le cose che voleva sempre, voleva paressi ch'elle procedessino da altri et non dallui proprio, per fugire la invidia quanto poteva...Tutti quegli che gli andavano a parlare udiva con grandissima umanità et era patientissimo uditore di tutti quegli gli parlavano⁵, et faceva piu fatti che di parole, non prometteva nulla di parole, ma co' fatti faceva ogni cosa... Se di scultura, egli n'era

intendentissimo, e molto favoriva gli scultori et tutti artefici degni. Fu molto amico di Donatello et tutti e' pittori e scultori, et perché ne' tempi sua¹ questa arte degli scultori alquanto venne che gli erano poco adoperati, Cosimo, a fine che Donatello non si stessi⁶, gli alogò certi pergami di bronzo per Sancto Lorenzo, et fecegli fare certe porte che sono nella sagrestia, et ordinò al banco ogni settimana, ch'egli avessi una certa quantità di danari... Usava Cosimo di queste liberalità a uomini che avessino qualche virtù, perché gli amava assai...

Ritornando alla liberalità di Cosimo, et quanto sempre onorò et remunerò i buoni et literati, meser Marsilio, figliuolo di maestro Ficino, sendo uomo di buono ingegno et volto alle virtù, et dotto in greco et latino, et avendo mediocre facultà⁷, a fine non avessi andare a quello ultimo extremo della povertà gli comperò una casa in Firenze et donogliela, et donogli uno podere a Careggi... e detegli delle altre cose per sovenire alle sua¹ nicistà⁸." [Vespasiano da Bisticci 1976, 175, 194, 204].

Примечания.

1. sua (plur.) – suoi, sue;
2. rimasino – rimasero;
3. che eglino potessino – che essi avessero tanto potere ;
4. drento – dentro ;
5. di tutti quegli gli parlavano – che gli parlavano ;
6. che Donatello non si stessi – ‘чтобы Донателло не сидел без дела’;
7. mediocre facultà – poche sostanze materiali ;
8. nicistà - итал. necessità.

К перечислению благодеяний, оказанных Марсилио Фичино можно добавить, что этот ученый филолог был приглашен в дом Медичи в качестве учителя Лоренцо, внука Козимо.

2. Культурные течения и языковые процессы в Италии XV в.

Италию периода Кватроченто отличает всеобщий интерес к своему латинскому прошлому. Короли Неаполя, герцоги Милана, олигархи республики Флоренция в своем стремлении к экспансии и централизации власти находят в древнем Риме - республиканском и, особенно, императорском - образец для подражания. Гуманисты-филологи, возвращающие Италии единственно возможный общий язык - латынь, очищенную от средневековых искажений, щедро финансируемые властью имущими, занимают должности канцлеров, дипломатов, историков в республике Флоренция,

секретарей папской курии, придворных панегиристов-биографов у монархов Севера и Юга. Повальное увлечение латынью, а позже и греческим, охватывает и самих меценатов. Так, богатый купец Палла Строцци, высланный из Флоренции (после возвращения туда Козимо Медичи в 1434 г.) находит себе пристанище в Падуе, где оказывает щедрое гостеприимство известным греческим филологам (в том числе Аргиропуло) и читает с их помощью греческих и латинских авторов. Так, полученный от Петрарки импульс "назад к латыни" породил среди итальянских интеллектуалов-филологов, историков, археологов особую касту людей, говорящих, пишущих письма, моральные трактаты, исторические сочинения панегирики, инвективы и деловые документы по-латыни, людей, получивших у потомков название "гуманисты". Латинское слово *humanitas*, появившееся в эпоху Цезаря и Цицерона, означало "образованность - ср. а cultu atque humanitate provinciae longissime absunt. [Caesar. Bellum gallicum 1, 3].

Движение гуманизма, зародившееся во Флоренции еще в XIV в. и охватившее всю Италию, отодвинуло на задний план флорентийский вольгаре, который уже начал было приобретать черты общетальянского литературного языка. Его преимущество перед другими *volgari italici* признавалось повсеместно. Флорентийских поэтов и риториков приглашают князья Северной Италии, чтобы научиться красиво говорить на вольгаре, сами гуманисты возносят ему хвалу (обычно по-латыни!). Вот что пишет по этому поводу Бруно Мильорини: *Il padovano Antonio da Tempo, nel 1332, concludendo la sua «Summa artis rithmicae», proclamava il primato del toscano: "Lingua tusca magis apta est ad literam sive literaturam quam aliae linguae, et ideo magis est communis et intelligibilis"...*

Più tardi, Benvenuto da Imola, nel suo commento a Dante, afferma senza esitazione: "Nullum loqui est pulcrius aut proprius in Italia quam Florentinum"...

Un Siciliano, probabilmente l'Aurispa, verso 1420 diceva di aver scordato il siciliano e il greco per la dolcezza del toscano e del latino...

Tra i volgari il Filelfo giudicava "elegantissimus et optimus" il fiorentino e osservava che "ex universa Italia ethrusca lingua maxime laudatur [Migliorini 1960, 214-266].

Гуманист Леонардо Бруни (1370-1444), автор «*Historiae Florentini populi*», секретарь папской курии в Риме и потом бессменный канцлер Флорентийской республики, незадолго до "Истории Флоренции" пишет панегирик - *Laudatio Florentinae Urbis*, переведенный вскоре на вольгаре. Бруни восхищается рациональной и симметричной планировкой города, его конституцией, где отражаются *florentina libertas*, счастье и справедливость. Убежденный республиканец, Леонардо Бруни приурочивает основание римской колонии *Florentia* в Этрурии не к эпохе Цезаря, как другие историки, а к более ранним временам Римской республики, от которой граждане Флоренции унаследовали доблесть (*virtus*) и ненависть к тиранам:

"*Ex quo illud evenire arbitror, quod in hac civitate egregie preter ceteras et fuisse et esse videmus: ut Florentini homines maxime omnium libertate gaudeant et tyrannorum valde sint inimici...- Donde io credo questo avviene che in questa egregia città veggiamo essere et essere*

stato più che nell'altre, che i Fiorentini maximamente amano la libertà e sono molto inimici de' tiranni". Заканчивается Laudatio восхвалением флорентийского вольгаре:

"Nam quid ego de orationis suavitate et verborum elegantia loquar? in qua quidem re sine controversia superat. Sola enim hec in tota Italia civitas purissimo ac nitidissimo sermone uti exestimatur. Itaque omnes qui bene atque emendate loqui volunt ex hac una urbe sumunt exemplum... - E che dirò io della dolcezza et suavità del parlare et della alegganza et politezza de' bei motti? nella quale cosa senza contrasto alcuno avanza tutte l'altre, però che solo città in Italia è stimata usare purissimo et pulitissimo parlare. Il perché chionque vuole bene et correttamente parlare, da questa sola città pigliano exemplo" [Bruni 1974, 46-47, 94-95].

В итальянском переводе, сделанном падуанским монахом Lazaro, используется флорентийский диалект, в котором падуанский субстрат почти незаметен (здесь только форма chionque вместо chiunque). О резком отличии падуанского вольгаре от флорентийского можно судить из следующего документа 1437 г., где падуанский цех каменщиков заявляет о недопустимости бесплатного найма членов цеха представителями феодальной власти:

"Anchora statuemo e ordinemo che algum gastaldo no possa ne debbia tuor (= togliere) algum in la fraia (=fraternità, associazione) dy murari contra li ordeni del comun de Padova e ch'el sia tegnu (=sia tenuto) zercare (=cercare) s'el paga datia (=dazio) per lo comun de Padova inanzi che i' llo toya (=tolga) " [Migliorini, Folena 1953, 45].

Таким образом, в Италии конкурировали два «общих» языка - более престижная литературная латынь и обиходная речь флорентийского образца, которая находит себе поддержку также и в сочинениях великих и малых авторов XIV в. Эту ситуацию Бруно Мильборини характеризует следующим образом:

"Nei primi decenni il volgare è depresso e sminuito nell'opinione generale, di contro al latino esaltato dal trionfante umanesimo: esso è ridotto a funzioni modeste, quasi ancillari. Non manca chi scriva in volgare, in poesia e in prosa; manca chi lo coltivi con cura, con amore, con coscienza d'arte. In questo stato di depressione, in Toscana la norma si fa più indulgente ed eclettica, per non dire anarchica: l'uso parlato fiorentino accetta largamente forme nuove, in parte provenienti dal toscano occidentale e meridionale, e l'uso scritto le accoglie senza scrupolo, in concorrenza con quelle tradizionali, quali le aveva fissate la letteratura trecentesca. Poiché chi vuol essere elegante scrive in latino, l'eleganza è scarsamente curata da chi scrive in volgare...

Durante tutta l'età umanistica è costante e in vario modo operante la simbiosi tra latino e volgare...

La miscela più curiosa è quella che notiamo in numerose prediche degli ultimi decenni del secolo. Accanto a sermoni in latino e a sermoni in volgare ne abbiamo molti in cui il latino e il volgare si mescolano:...

...Aliquis possit dicere: mundus nunquam fuit sceleratus sicut nunc. Dico quod non est verum: que mundus fuit semper una gabbia per matti, figurata per archam Noe plena de ogni bestiam [Migliorini 1960, 251, 259].

Констатируя тот факт, что культурная жизнь в Италии XV в. протекает на двух языках, Мильборини подчеркивает, что дальнейшие перипетии флорентинского вольгаре нельзя рассматривать независимо от судеб латыни (там же).

Судьбы же латыни воплощались в практической деятельности гуманистов и в их научных достижениях, которые затрагивают следующие области культуры [Степанова 2000]:

1. Поиски и находки неизвестных раньше рукописей классических латинских и греческих авторов. Так, Поджо Браччолини (1380-1459) - секретарь папской курии, с 1453 г. - канцлер Флорентийской республики - нашел в монастыре Сан Галло полный текст «Institutio oratoria» Квинтилиана, «De rerum natura» Лукреция, «Astronomica» Манилия и десять речей Цицерона. В это же время другими гуманистами были обнаружены «De Oratore», «Orator», «Brutus» Цицерона, двенадцать комедий Плавта, до тех пор неизвестных.

2. Организация школ по углубленному изучению латыни.

3. Основание публичных и частных библиотек и организация переписывания рукописей латинских и греческих авторов.

4. Создание основ научной историографии, археологии, этнографии. Так, Флавио Бьондо (1388-1463) в своей "Истории Италии" (от эпохи падения Римской империи до Италии XV века) стремится восполнить пробел между концом Рима и началом нового времени, так как именно в этот период "вместе с упадком культуры, пришла в упадок и наука, и история умолкла" [Цит. по: Гаспари, 120-121]. Флавио Бьондо в своем археологическом исследовании «Roma instaurata» восстанавливает также топографию древнего Рима.

5. Создание научной текстологии и критики текста, основанной на объективных данных - графика, словоупотребление, синтаксис, целеустановка, - которые позволяют определить подлинность документа, авторство, временные и социальные параметры текста. Пользуясь этим методом, Лоренцо Валла (1407-1457) - родился в Риме, получил классическое образование во Флоренции, сформировался как философ-эпикурец, критик средневековой схоластики и церковных догм - преподавал в Павии, в Риме, в Неаполе, где, находясь под покровительством короля Альфонса I, пишет в 1440 г. знаменитое "Опровержение подлинности документа Donatio Constantini", где доказал, что «Константинов Дар» не мог быть написан в IV в. Валла был обвинен в богохульстве и приговорен к сожжению на костре, но по ходатайству Альфонса I был всего лишь наказан палками. Главное сочинение Лоренцо Валлы – «Elegantiae linguae Latinae» 'Тонкости латинского языка' - представляет собой историческую стилистику латинского языка, где он

противопоставляет живое употребление языка у разных латинских авторов и мертвую грамматически правильную средневековую латынь.

б. Определение характера связи между классической латынью, народной латынью и итальянскими (и другими романскими) *volgari*, которое дало толчок к появлению новой науки, получившей в XIX в. название "Романская филология".

Этот последний вопрос и связанную с ним дискуссию надо рассмотреть отдельно.

*ГЛАВА 3. ДИСКУССИЯ О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ
(МОНОЛИНГВИЗМ - ДИГЛОССИЯ) И О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИТАЛЬЯНСКОГО
ВОЛЬГАРЕ.
ПЕРВАЯ ГРАММАТИКА ФЛОРЕНТИЙСКОГО ВОЛЬГАРЕ.*

В 1435 г. в апартаментах папы Евгения IV между его секретарями-гуманистами Флавио Бьондо, Леонардо Бруни, Поджо Браччолини и др. возник спор о том, был ли у древних римлян один язык, общий для людей образованных и людей неграмотных, или же они говорили на двух разных языках - одни на грамматически правильной латыни, другие - на неустойчивом, лишенном правил вольгаре. Мнения разделились. Флавио Бьондо считал, что в древнем Риме язык народа - *sermo plebejus* - был близок к *sermo classicus* как по лексическому составу, так и по своей грамматике, но во время германских нашествий эта связь постепенно разрушалась и со временем бывший латинский язык плебса превратился в итальянский *volgare*. Леонардо Бруни, напротив, полагал, что в древнем Риме, как и в его время, культурный латинский язык отличался от языка народа (что, впрочем, не означало, что язык латинских плебеев сохранился неизменным до XV в., так как любой вольгаре непрерывно изменяется). По существу, расхождение между первой и второй точкой зрения было только в том, следует ли назвать *sermo plebejus* самостоятельным языком или одним из функциональных стилей латыни.

У Поджо Браччолини (1380-1459) природа разговорной речи римлян представлена более подробно и глубоко. Он полагает, что все римляне употребляли один и тот же язык, который не был однородным и менялся в зависимости от культурного уровня говорящих: все говорили по-латыни, но люди образованные более чисто - "*Latini igitur omnes sed emendatius docti loquebantur*", точно так же как и сейчас некоторые ученые говорят более элегантно и им стараются подражать люди неученые. Со временем латынь изменялась также из-за того, что на ней стали говорить завоеванные Римом народы, которые загрязнили *sermo latinus*. И не только народы Италии, но и в других завоеванных странах местное население искажало латынь и из этой испорченной латыни возникли новые народные языки и, в частности, итальянский, который сохраняет множество латинских слов, как, впрочем, и испанский, удержавший большую часть латинских слов, принесенных римскими поселенцами: "*Quid dicemus de Hispanis tam longe ab urbe remotis, quorum verbis maxima pars loquelae latinae permansit a colonis Romanis, qui eo abierunt, perceptae*". Как показывает М. Витале в своей статье "*Le origini del volgare nelle discussioni dei filologi del '400*", "*In Poggio è presente l'affermazione che il latino è fonte di tutti i volgari romanzi; perciò egli fu detto precursore della filologia romanza*" [Vitale 1953].

Действительно, Поджо Браччолини описал процесс превращения разговорной латыни в романские языки. Флавио Бьондо указал на ослабление связи между разговорным и письменным латинским языком после германских завоеваний. Все же ни один из них не коснулся вопроса о возможности найти в итальянском вольгаре, раздробленном на диалекты и постоянно меняющем свои формы, какую-нибудь грамматическую регулярность. Ответ на этот вопрос дал Леон Баттиста Альберти, первоначально не участвовавший в споре.

Леон Баттиста Альберти (1404-1472) родился за пределами Флоренции, когда члены семейства Альберти находились в изгнании. Он учился в Падуе и в Болонье, потом был секретарем папы в Риме; в 1428 году работал во Флоренции, где он сблизился с Брунеллески, Донателло, Лука делла Роббиа, Мазаччо, Гиберти. В отличие от большинства гуманистов Леон Баттиста Альберти не был ни филологом, ни историком. Будучи всесторонне одаренным человеком - художником, архитектором, скульптором, математиком - Леон Баттиста Альберти написал по этим отраслям знания ряд работ, где закладывает основы таких предметов, как линейная и рельефная перспектива, применяет геометрию к рисованию, изобретает сетку квадратов (*reticolato*). Книга «*De pictura*» была написана сначала по-латыни, а потом по-итальянски, так как латинский текст был бы непонятен многим художникам. В латинском трактате по архитектуре «*De arte aedificatoria*» Леон Баттиста Альберти жалуется на трудности нахождения латинских названий для новых технических понятий и для объяснения природы вещей: *frequentes difficultates et rerum explicandorum et nominum inveniendorum* [Цит. по: Ольшки 1933, 37].

Руководство «*Elementa picturae*» - практическая геометрия для художников - также было им написано в двух вариантах - сначала по-итальянски, а потом по-латыни.

Подобно большинству гуманистов, Леон Баттиста Альберти пишет латинские и итальянские трактаты по моральной философии. Кроме того он является автором большого итальянского сочинения нравоучительного характера – «*I libri della Famiglia*», в четырех книгах. Во вступлении к третьей книге, написанной в папской канцелярии в 1434 г., он опровергает тезис о глубоком структурном различии между классической и народной латынью тем доводом, что писатели древнего Рима безусловно хотели быть понятными всем своим согражданам. Сам он, Леон Баттиста Альберти, предпочитает писать так, чтобы его понимал каждый итальянец: "*scrivendo in modo che ciascuno m'intenda, prima cerco giovare a molti che piacere a pochi, che sai quanto siano pochissimi a questi dì e' litterati (т.е люди, знающие латынь)... Ben confesso quella antiqua latina lingua essere copiosa molto e ornatissima, ma non pero veggo in che sia la nostra oggi toscana tanto d'averla in odio, che in essa qualunque benché ottima cosa scritta ci dispiaccia...E sia quanto dicono quella antica apresso di tutte le genti piena d'autorità, solo perché in essa molti dotti scrissero, simile certo sarà la nostra s' e' dotti la vorranno molto con suo studio e vigilie essere elimata e polita.* [Alberti 1960, 155].

Леон Баттиста Альберти, фактически пересказывая мысли Данте в "Пире", занимает по отношению к вольгаре ту же демократическую позицию, что и его великий предшественник. Однако в отличие от Данте, и от своих ученых современников он не считает вольгаре по самой своей природе лишенным грамматичности. Математический склад ума и художественное чутье побуждают Альберти искать везде гармонию и порядок (*la prorgorzione*). Поэтому он предположил, что за внешней неустойчивостью форм народного вольгаре должна скрываться определенная грамматическая система. Для доказательства своей мысли Леон Баттиста Альберти, используя уже готовые грамматические парадигмы и термины латинского языка, находит в флорентийском вольгаре как формы, полностью соответствующие латинским, так и формы, не имеющие

аналогий в латыни. Грамматика Альберти, долгое время считавшаяся анонимной (и фигурировавшая под названием *Grammatichetta Vaticana* в работах по истории грамматики) была определена как сочинение Леона Баттиста Альберти только в XX в. и не оказала никакого влияния на последующую грамматическую традицию: как известно, норма извлекалась грамматистами XVI в. из языка великих писателей XIV в., а не из текстов Кватроченто. Сейчас принято считать, что Альберти написал свою Грамматику непосредственно перед тем, как организовать в 1441 г. так называемый *Certame coronario* - соревнование тосканских писателей во Флоренции в годовщину коронации Петрарки лавровым венцом из позолоченного серебра (1341 г.). Целью этой акции было побудить тосканцев пользоваться родным языком вместо латыни. Однако судьями состязания были гуманисты, равнодушные к пропаганде вольгаре, и премию (серебряную корону) не получил никто из участников.

В настоящее время *Grammatichetta* привлекает внимание ученых как наиболее яркий документ на фоне других текстов XV в.; см. [Manni 1979; Patota 1996].

Отличительные черты "Грамматики" Альберти.

Основная цель этого сочинения - не предписание норм тосканскому вольгаре и не описание всех особенностей флорентийской речи своего времени, а констатация того факта, что народный язык, при всей своей неустойчивости, обладает грамматическим строем, аналогичным латинскому.

При описании итальянской парадигмы имени существительного отмечается исчезновение среднего рода: *e' neutri si fanno masculini*. Объясняется механизм образования итальянского имени из латинского: *Pigliasi in ogni nome latino lo ablativo singulare, e questo s'usa in ogni caso singulare*.

Показатели изменения синтаксической функции имени - предлоги (в сочетаниях с артиклем) приравняются к падежам: *E' casi de' nomi si notano co' suoi articoli...: Singulare: El cielo, del cielo, al cielo, e cielo, dal cielo. Plurale: E' cieli, de' cieli, a' cieli, e cieli, da' cieli*.

Альберти рассматривает совместно личные и указательные местоимения; отмечает крайнее разнообразие местоимений 3 лица: *egli, esso, lui, questo*; обращает внимание на омонимию форм ед. и мн. числа у личных местоимений: *egli andò; egli udivano*, а также омонимию артиклей м.рода и личных местоимений: *"el, lo/e', gli, guinti a' nomi, sono articoli, quando si giungono a e' verbi, diventano pronomi"*; отмечает зависимость выбора артикля от начала следующего слова: *Item e' masculini che cominciano da consonante hanno certi articoli non fatti come quando e' cominciano da vocale - el/e' перед простым согласным, lo/gli перед гласным и s- impura*.

Из этих примеров видно, что местоимение *lui* в функции подлежащего (т.е. в "именительном падеже") встречалось уже в XV в., также как и позиционное варьирование артикля мужского рода.

При описании итальянской глагольной парадигмы Альберти пользуется латинской терминологией. Однако, обнаруживая расхождения между обоими языками, специально оговаривает итальянские нововведения: так, в § 47 мы читаем: *Non ha la lingua toscana verbi passivi in voce, ma per esprimere el passivo, compone con questo verbo: sono, sei, è el participio preterito passivo, tolto da e' Latini in questo modo: io sono amato, tu sei pregiato, cholei è odiata.*

В § 58 Альберти обнаруживает в тосканском вольгаре неизвестную латыни форму конъюнктива (т.е. кондиционал), которую он предлагает назвать *asseverativo*.

В § 49 он отмечает рядом с простым перфектом также и сложную форму, которую называет "*uno preterito quasi testé*", т.е. недавно прошедшее: "*Dicesi: Hieri fui ad Hostia; hoggi sono stato a Tibuli*"; а в § 69 все сложные формы названы "*e' tempi testé perfetti*".

§§ 96, 97, 98 посвящены искажениям слов из-за метатез или замен букв (звуков) в слове. Например, когда говорят *replubica pro republica, aldisco pro ardisco, inimisi pro inimici*. При этом Альберти не порицает синкопы гласных, так как они "*rendono la lingua più apta, come chi dice spirto pro spirito*".

Последние два параграфа обращены к читателям: *Si questo nostro opuscolo sarà grato a chi mi leggerà quanto fu laborioso a me el congettarlo, certo mi dilecterà haverlo promulgato, tanto quanto mi diletta investigare e raccorre queste cose, a mio iudicio degne e da pregiarle. Laudo Dio che in la nostra lingua habbiamo homai e' primi principii di quello ch'io al tutto mi disfidava potere assequire* [Alberti 1966].

Дж. Патота во введении к "Грамматике" Альберти, обращает внимание на то, что в ней полностью отсутствует стилистическая характеристика форм как устаревших, вульгарных, возвышенных или проникших в флорентинский из других диалектов Тосканы: "*è una grammatica della sincronia, che è anche il punto di riferimento dello scrittore: grammatica di un diasistema fluido, frutto del nuovo amalgama demografico, che non permette ai parlanti una netta divisione stilistica tra le varietà del continuum*".

Необходимость сделать свои сочинения - особенно научно-технические - доступными для читателей, не владеющих тонкостями латинской грамматики, а также осознание непригодности латыни для обозначения новых реалий, побуждают Леона Баттиста Альберти вернуть флорентинский вольгаре в сферу высокой литературы. Этой цели должен был служить и его нравоучительный трактат "О семье". Однако долгая привычка излагать свои мысли по-латыни лишила его итальянский язык естественности. По этому поводу Раффаэле Спонгано пишет: "*L'Alberti non scrisse che trattati, eppure non ricorse al Convivio di Dante per apprenderne le forme, né alla sua prosa - solidamente costruita ma di accento ancora poetico - per apprenderne lo stile... Come è strano trovare nell'Alberti, scrittore di più d'un secolo dopo, una sintassi più incerta che in Dante!*" [Spongano 1941, 31].

ГЛАВА 4. ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА И СТИЛЯ ФЛОРЕНТИЙСКИХ АВТОРОВ

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV В.

Леон Баттиста Альберти, почти всю жизнь проживший за пределами Флоренции, отдал первые три книги своего сочинения «О семье» на суд двух коренных флорентийцев, которые сочли его язык неотшлифованным, полным длинных и запутанных периодов.

Улучшив текст ранее написанных глав (около 1434 г.), он включил в книгу как четвертую главу свой трактат «О дружбе», представленный в 1441 г. на Certame Coronario. Вот образец этого текста (речь идет о примерах истинной дружбы, приводимых у древних писателей и, в частности, о дружбе античных мифологических героев – Персея, Тезея и Перифоя):

Adunque ben conoscea divo Tito, quanto Suetonio e anche Eutropio affermano, se molto valessero e'doni ad amicizia, poiché la sera ridotto solo, si dolea quando in quel dì nulla avea o promesso o donato a chi che sia. E simile vedrai nascere grande benivolenza fra coloro quali insieme aranno ioconda e voluttuosa conversazione. E dicea Platone gl'uomini quasi come pesci con l'amo, così colla voluttà pigliarsi. Scriveno che a Perseo tanto diletto el generoso aspetto di Teseo, e a Teseo tanto fu gratissimo la presenza e bellezza di Peritou, che sola quasi questa fu prima cagione a insieme congiungerli d'amicizia [Alberti 1960, 291].

Примечания:

1. Лексические латинизмы: ridotto, ioconda, voluttà.

2. Синтаксические латинизмы: dicea... gli uomini... pigliarsi (Acc+Inf), а также конструкция cagione a...congiungerli, где инфинитив заменяет латинский герундий.

3. Морфологические и синтаксические флорентинизмы XV в.: отсутствие согласования в роде и числе именной части сказуемого с последующим подлежащим: fu gratissimo la presenza e bellezza (до сих пор встречается в просторечии: mi fu comprato una bicicletta); aranno (=avranno), окончание 3 лица мн.числа -eno вместо -ono.

Возвышенный латинизированный стиль Альберти использует в начальных фразах своих трактатов, как, например, в посвящении "Della Pittura" своему другу Филиппо Брунеллески: "...Ma poi che io dal lungo essilio in quale siamo noi Alberti invecchiati, qui fui in questa nostra sopra l'altre ornatissima patria ridotto, compresi in molti ma prima in te, Filippo, e in quel nostro amicissimo Donato, scultore, e in quelli altri Nencio e Luca e Masaccio, essere a ogni lodata cosa ingegno da non posporli a qual si sia stato antico e famoso in queste arti. Pertanto m'avidì in nostra industria e diligenza non meno che in beneficio della natura e de' tempi, stare il potere acquistarsi ogni laude di qual si sia virtù. Confessoti se a quelli antiqui, avendo quale aveano copia da chi imparare e imitarli, meno era difficile salire in cognizione di

quelle supreme arti quali oggi a noi sono faticosissime, ma quindi tanto più el nostro nome più debba essere maggiore se noi senza precettori, senza essempro alcuno, troviamo arti e scienze non udite e mai vedute. Chi mai sì duro o sì invido non lodasse Pippo architetto vedendo qui struttura sì grande, erta sopra e cieli, ampla da coprire con sua ombra tutti e' popoli toscani, fatta senza alcuno aiuto di travamenti o di copia di legname; quale artificio certo, se io ben iudico, come a questi tempi era incredibile potersi, così forse a presso gli antichi fu non saputo ne conosciuto." [Prosatori, 520].

Примечания:

1. Donato, Nencio, Luca - скульпторы Донателло, Лоренцо Гиберти, Лука делла Роббиа; Pippo - Филиппо.
2. Синтаксические латинизмы: fui...ridutto - гипербат; questa nostra sopra l'altre ornatissima patria - препозиция распространенного определения; compresi...essere (Acc.+Inf.); chi mai non lodasse - конъюнктив вместо кондиционала.
3. Struttura...cieli - имеется в виду созданный Брунеллески купол собора Санта Мария дель Фьоре.

Текст самого трактата о живописи синтаксически достаточно прост: "...Sono alcuni movimenti d'animo detti affezioni: come era (=sarebbe) dolore, gaudio e timore, desiderio e simili altri; sono movimenti de' corpi: muovonsi i corpi in più modi, crescendo, discrescendo, infermandosi, guarendo e mutandosi (=spostandosi) da luogo a luogo. Ma noi dipintori i quali vogliamo coi movimenti delle membra mostrare i movimenti dell'animo, solo riferiamo di quel movimento si fa mutando el luogo... Posi mente come l'uomo, in ogni suo posare, sotto statuisca tutto il corpo a sostenere il capo, membro fra li altri gravissimo; e posandosi in uno piè, sempre ferma perpendicolare sotto il capo, quasi come base d'una colonna, e quasi sempre di chi stia diritto il viso si porge dove si dirizzi il piè...etc."

Обращая внимание на взаимное расположение частей тела или многих тел в пространстве картины, Альберти открывает для живописцев законы геометрии и, как показала Николетта Мараскио, также и наиболее общие законы риторики: "Il processo di avvicinamento alla retorica, attuato nella descrizione della pittura, nell'analogia instaurata dall'Alberti fra pittore e oratore. Infatti essi non solo sono accomunati per una medesima funzione sociale, ma anche i metodi consigliati all'artista per ottenere i risultati voluti sono simili a quelli codificati da Quintiliano e da Cicerone" [Maraschio 1972, 196].

Так, совет оратору прибегнуть к фигуре умолчания находит себе параллель в сохранении художником пустого пространства: "Biasimo io quelli pittori quali, dove vogliono parere copiosi nulla lassando vacuo, ivi non composizione ma dissoluta confusione disseminano; pertanto non pare la storia facci qualcosa degna ma sia in tumulto avviluppata. E forse chi molto cercherà dignità in sua storia a costui piacerà la solitudine... Dispiacemi la solitudine in istoria pure né però laudo copia alcuna quale sia senza dignità" [Prosatori, 534].

В поисках точного слова для обозначения "воздуха", Альберти прибегает к разным квази-синонимам: *vacuo*, *vuoto*, *silenzio*, *solitudine*. Иногда однозначный термин с неясной этимологией ("внутренней формой") он заменяет латинским или итальянским словом, не

представляющим трудностей для понимания, например, horizon "горизонт" замещается латинизмами *ora*, *fimbria* (граница, неровный край), вместо слова *diameter* Альберти предпочитает *linea centrica*. Для линии, разделяющей плоскости, он вводит латинизм *discrimen*, который закрепляется в геометрии. В книге "Математические игры" он описывает изобретенный им прибор - *equilibra* (измеряющий уровень) и другие *cose giocondissime* "забавные вещи". Его связывает дружба с известным немецким математиком (и кардиналом) Николаем Кузанским, с которым Альберти рассуждает, в частности, о таких геометрических понятиях, как квадратура круга (*quadratura circuli*) и общих законах, основанных на гармонии пропорции, включающей понятие "сочетания противоположностей" (*coincidentia oppositorum*). В Урбино (под покровительством князя Федерико да Монтефельтро) создается школа, объединяющая художников, философов, математиков - учеников Альберти. Среди них - знаменитый художник Пьеро делла Франческа, автор книги «*De prospectiva pinguendi*», где излагаются по-итальянски принципы новой науки - начертательной геометрии; а также математик и философ-неоплатоник Лука Пачоли, друг Леонардо да Винчи, автор книги "*De divina proportione*". Как пишет Леонардо Ольшки, "возрождение научных методов совершалось путем перенесения в область абстрактного мышления тех принципов и идеалов пропорциональности, гармонии, внутренней и внешней законченности, которые Возрождение искало для искусства и нашло в математике" [Ольшки 1933, 95]. Лука Пачоли видит в математике "*l'ampia generalità che in lei si contiene, da potersi a tutte cose applicare*", связывая понятие "пропорции" не только с математикой, но и вообще с эстетическим принципом строения мира и природы. Гармония, изящество, соответствие частей целому, симметрия (*concinnitas*) были также элементами общего ценностного понятия *dignità*, которое служило мерилom внешнего и внутреннего облика человека (микрокосма) для Леона Баттисты Альберти и его школы.

Не случайно один из моральных трактатов Альберти называется «*Della tranquillità dell'animo*» 'О душевном равновесии'. Примером воплощения этого равновесия в архитектуре может служить фасад церкви Санта Мария Новелла во Флоренции, созданный по проекту Альберти.

Совсем другие ценностные понятия лежат в основе картины мира Данте. Как мы видели, квазисинонимы *virtù*, *bontà*, *nobiltà* характеризуют предмет (или человека) с утилитарной точки зрения: насколько хорошо он выполняет ту функцию, для которой он предназначен.

В то время как Леон Баттиста Альберти писал в Риме свой диалог о спокойствии душевном, Флоренция вела войну с Миланом и сама была охвачена стычками между Альбицци и Медичи. Описание этих событий оставил потомкам Джованни Кавальканти, образованный аристократ демократической ориентации, чьи «*Istorie fiorentine*» (касающиеся событий 1420-1440 гг) высоко ценил Никколо Макиавелли за живость изложения и лаконичность стиля. Кавальканти избегает многословия, считая, что "*sempre dov'è abbondanza di parole, vi si giudica carestia di verità*". Его изложение отличается минимальным количеством латинизмов и разговорных тосканизмов. Вот один из

эпизодов, где речь идет о бесчинствах сторонников Ринальдо Альбицци, требующих после изгнания Козимо Медичи новых жертв. Этот отрывок характеризуется многоярусным, логически выстроенным синтаксисом, где чередование простого перфекта и имперфекта создает синтаксическую перспективу, а противопоставление прямого порядка слов и инверсии служит средством выделения сказуемого.

L. X, Capitolo XI

Nell'andata che messer Rinaldo faceva ad Eugenio, il corpo della brigata² era per me' la bocca della via degli Spadai. Certi bestiali e cattivi, che mai alcun bene fecero, ne avrebbero saputo fare, uomini facimali e disutili, insieme si ristrinsero e uscirono pe' fianchi di quella infinita ciurma; e, con grida e con armi, alla casa de' figlioli di Niccolo d'Ugolino Martelli s'avventarono gridando; - Carne e fuoco. – Da' quali, non mica come giovani ne come codardi, ma come uomini indurati nell'uso delle battaglie, non istimarono la paura più che l'onore, e con l'armi in mano si difesero¹. Le lance e i dardi dall'una parte e dall'altra si vedevano percuotere; le saette per l'aria calcate volavano: ma ciascuna parte era sì guarentita³ d'arme, che poco di danno seguì a nessuno delle due parti. Mentre che questa così mortale riotta⁴ era, e l'una parte con l'altra tramischiata, uno de' più sommi cattivi della ciurma rinaldesca, confuoco in mano, alle case de' giovani s'accostava, avvegna dio perché quella con la terra a un medesimo piano voleva ridurre^{5,6}; ma Piero Cavalcanti, uomo a cui le noie e le opere malvage più che a niun altro erano a dispetto, il fuoco gli batte di mano, e lui come cattivo sgridò; per lo quale abbattimento non seguì il gran fuoco. Dolendosi poi meco di tanta disavventura, che, per merito delle ammortite fiamme fu fatto de' Grandi⁷ co' suoi discendenti; a queste così fatte lamentanze da me gli fu fatta presta risposta: - O Piero, non sai tu che sempre la follia de' folli la comprano i savi [Giovanni Cavalcanti 1944, 309].

Примечания

1. Da' quali... come uomini indurati nell'uso delle battaglie... si difesero 'от каких злодеев... как люди, закаленные в боях... Мартелли стали отбиваться';
2. il corpo del la brigata - главная часть толпы;
3. guarentita = protetta 'защищена';
4. riotta = zuffa 'потасовка';
5. perché quella (casa) voleva ridurre a terra 'сравнить с землей';
6. avvegna dio perché 'вероятно, потому что...';
7. fu fatto de' Grandi 'был причислен к «грандам», т.е. лишен гражданских прав'.

Историко-биографический жанр представлен "Жизнеописаниями" – «Le Vite» Веспасиано да Бистиччи (1421-1498), переписчиком рукописей, который, оставшись не у дел после введения книгопечатания в Италии (1470 г.), принялся за воспоминания о выдающихся людях своего времени. (См. его характеристику Козимо Медичи, приведенную выше). Хотя Веспасиано писал «Le Vite» в последние годы XV в., когда флорентийский вольгаре уже приобрел литературную обработку благодаря

группировавшимся вокруг Лоренцо Медичи гуманистам, синтаксис "Жизнеописаний" остается архаичным, т.е. плохо организованным из-за функционально неоправданного смешения сочинительных и подчинительных форм (цепочек герундия) и напоминает стиль Джованни Виллани или Паоло да Чертальядо.

Напротив, морфология «Le Vite», в отличие от ахроничной полиморфии текстов Альберти, четко ориентирована на современный автору разговорный узус (впрочем, тоже сохраняющий дублетность морфем, например, артикль *el - il*) - речь идет о деятельности известного флорентийского гуманиста Никколо Никколи):

"Nicolao è quello che volle ch' e' sua libri sieno in publico a comune utilità d'ognuno, ché ne meritò grandissima comendatione. Et non bastò a Nicolao volere che i libri sua fussino comuni, et stessino in luogo publico, ché, sendo morto meser Giovanni Boccacci, et avendo lasciati tutti sua libri a Sancto Spirito, sendo posti in casse et armari, parve a Nicolao che gli stessino bene in una libreria che fussj publica a ognuno, et per questo delle sua sustantie fece edificare una libreria a fine vi si potessino mettere i detti libri, sì per la loro conservazione, il simile ancora per onore di meser Giovanni, et a fine che fussino comuni a chi n' avessi bisogno; et a sua ispese la murò ('построил'), e fece fare le panche da tenere i libri, le quali si vegono infino al presente dì" [Vespasiano da Bisticci 1976, 239].

Подчеркнутые формы указывают на языковой узус конца XV в. (см. также текст, посвященный Козимо Медичи).

Во Флоренции XV в. грамотность распространяется и среди женщин. Уникальным документом естественной, не "литературной" речи (который нельзя отнести к собственно эпистолярному жанру, предполагающему литературную обработку) являются письма благородной дамы Алессандры Мачинги-Строцци к сыновьям, находящимся в изгнании. Взрослые мужчины семейства Строцци, во главе с Палла Строцци, были изгнаны Козимо из Флоренции в 1434 г. как сторонники Ринальдо Альбицци. После смерти своего мужа Маттео Строцци в 1435 г. у Алессандры остались на руках семеро детей; она сумела вырастить всех, кроме последнего - Маттео (умершего от лихорадки), удачно их женить и пристроить. По словам К.Варезе, в ее 72 письмах (с 1447 по 1465 гг), адресованных, главным образом, старшему сыну Филиппо, купцу в Неаполе "si riflette la vicenda di una famiglia, sentita come un sistema di vita, di interessi, di sentimenti. La sollecitudine del guadagno e del risparmio, il *far masserizia*, il difendere il nome, il prestigio e la potenza del casato, la vigile temperanza dell'affetto, mettono quest' acorta massaia fiorentina al centro del suo nucleo familiare, disperso da Napoli a Bruges, ma in lei riassunto e da lei diretto" [Prosatori, 212].

Вот что она сообщает сыну о приготовлениях к помолвке его сестры Катерины, о младшем сыне Маттео, с которым она не хочет расставаться, о налогах, которые ей трудно платить:

E io, considerato tutto, diliberai acconciar bene la fanciulla, e non guardare a tante cose: e parmi esser certa la starà bene¹ come fanciulla di Firenze; che ha la suocera e '1 suocero che ne

sono sì contenti, che non pensan se non di contentalla². O! non ti dico di Marco, cioè il marito, che sempre gli dice: "Chiedi ciò che tu vuoi." E come si maritò gli tagliò una cotta di zetani vellutato chermisi³; e così la roba di quello medesimo: ed è '1 più bel drappo che sia in Firenze che se lo fece 'n bottega. E fassi una grillanda di penne con perle, che viene fiorini ottanta; e l'acconciatura di sotto, è sono duo trecce di perle, che viene fiorini sessanta o più: che quando andrà fuori, arà⁴ in dosso più che fiorini quattrocento. E ordina di fare un velluto chermisi, per farlo colle maniche grandi, foderato di martore, quando n'andrà a marito; e fa una cioppa⁵ rosata, ricamata di perle. E non può saziarsi di fare delle cose: che é bella, e vorrebbe paressi vie più⁶: che in verità non ce n'è un'altra a Firenze fatta come lei, ed ha tutte le parti⁷, al parere di molti: che Iddio gli presti santa e grazia lungo tempo, com'io disidero.

Del mandare Matteo di fuori, non vorrei per ora; però che, perché sie⁸ piccolo, pure ne sono più accompagnata, e posso mal fare sanz' esso; almanco tanto⁹ la Caterina ne vadi¹⁰ a marito: poi mi parrebbe rimanere troppo sola. Per ora non ho il capo a mandarlo: che se vorrà esser buono, lo terrò qua; che non può esser preso per le gravezze¹¹ insino a sedici anni, e egli ebbe undici di marzo. Hollo levato dall'abbaco, e appara a scrivere; e porrollo al banco¹², che vi starà questo verno: dipoi vedrèno¹³ quello che vorrà fare; che Iddio gli dia quella virtù che gli fa bisogno.

De' fatti del Comune, t'avviso che ho debito fiorini dugento quaranta, e sono istata molestata da no' meno di quattro Uffici, che hanno a riscuotere pel Comune: da se' mesi in qua non ho mai avuto a fare altro, che andare ora a questo Ufficio, e ora a quest' altro. Ora, per grazia di Dio, mi sono accordata co' loro per ensino a febbraio; che pago, tra tutti, il mese fiorini nove o circa. [Prosatori, 218].

Примечания:

1. la starà bene = ella starà bene ;
2. contentalla = contentarla - ассимиляция, типичная для разговорного языка Флоренции;
3. cotta di zetani vellutato chermisi = una sopravveste di seta pesante rossa ;
4. arà = avrà, форма, обычная в языке Флоренции XV в.;
5. cioppa = sottana;
6. vie più 'еще больше';
7. tutte le parti = tutti i requisiti - "все необходимое" (чтобы считаться красавицей);
8. però che, perché sie = perché anche se sia ;
9. almanco tanto = almeno fino a che;
10. vadi = vada;
11. le gravezze = le imposte;
12. porrollo al banco = lo metterò in bottega;
13. vedreno = vedremo - обычная форма 1 л. мн. числа в разговорной речи Флоренции XV в.

14. артикль мужского рода регулярно il/lo.

Согласно классификации, предложенной Дж. Ненчони, этот текст относится к "parlato scritto" культурной дамы, которая умеет хорошо излагать свои мысли, но эта способность не связана ни с влиянием латинских синтаксических образцов, ни с подражанием стилю Боккаччо. Здесь представлена в чистом виде обиходная речь флорентийского купечества Кватроченто.

Флорентийские купцы и банкиры XV в. были не только покровителями гуманистов (как, например, Козимо Медичи и Палла Строцци), но и сами оставили свой след в литературе на вольтаре. Это были их дневники, где они записывали свои деловые соображения, хронику актуальных событий и назидания потомству. Это уже не спонтанная семейная переписка, а определенный литературный жанр, рассчитанный на сохранность во времени. И наиболее значительным образцом "купеческой" литературы XV века являются "Воспоминания" Джованни ди Паголо Морелли (1371-1444), зажиточного купца цеха Шерстянников, человека практичного, гордящегося своей трехсотлетней родословной, стремящегося к установлению достойной мирной жизни в своем городе: недаром он был избран (при Козимо Медичи) знаменосцем справедливости - gonfaloniere di giustizia. Его "Воспоминания" содержат: характеристики всех его многочисленных родственников, собственную биографию, практические наставления купеческой молодежи и анналы событий недавнего прошлого. Будучи человеком достаточно образованным, чтобы читать латинских классиков, Джованни Морелли не был ученым гуманистом: латинские синтаксические модели, изредка попадающиеся в его повествовании, выглядят чужеродным включением в разговорном контексте книги.

Вот два полезных совета молодым предпринимателям:

"A presso, non ti millantare di gran guadagni, di gran ricchezza; fa il contradio¹; se guadagni mille fiorini, di' di cinquecento; se ne traffichi mille, di' il simile; se pure si vede, di': - E' sono d'altri². - Non ti scoprire nelle ispese; se se' ricco di dieci mila fiorini, tieni vita come se fussi di cinque, e cosi dimostra nelle parole, nel vestire di te e della tua famiglia, nelle vivande, ne' fanti e ne' cavalli; e in tutte altre dimostrazioni non te ne iscoprire mai con persona nè con parente nè con amico nè col compagno. Ma da parte e di nascosto, fa da te un diposito segreto, un'èndica³ d'olio e di cosa buona e sicura, per non dimostrarti in tutto; e queste cose fa sieno segrete⁴; falle fare a un amico in contado, in luogo sicuro. Non ti scoprire in molte possessioni; compera quelle sieno⁵ a bastanza alla vita tua, non comperare poderi di troppa apparenza; fa che sieno da utile e non di mostra. Ramaricati sempre della gravezza⁶; che tu non meritasti la metà, che tu abbi debito, che tu hai le spese grandi, gl'incarichi de' lasci di tuo padre, che tu abbi perduto nella mercanzia, che tu abbi poco ricolto e che tu arai a comprare il grano e '1 vino e le legne e ciò che ti bisogna. E non le mettere però si in orma⁷, che si sia fatto beffe⁸ di te: di' la bugia presso alla verità per modo che sia creduta, e che tu non sii iscorto⁹ per un bugiardo. E guarti¹⁰ come dal fuoco di non usare bugie, se non in quest' atto: e questo t'è lecito, perche tu non lo fai per torre quello di persona, ma fai perché e' non ti sia tolto il tuo¹¹ contra il dovere.... Se vedrà il pover'uomo che tu abbi grano a vendere e che tu il servi¹² perché vaglia piu,

t'infamerà ¹³ e ti bestemierà, e ti ruberà o arderatti la casa (se n'arà mai la possa¹⁴), e ti farà volere male a tutto il popolo minuto, ch'è cosa molto pericolosa; e Idio ne guardi la nostra città dalla loro signoria¹⁵" [Morelli 1956, 251].

Примечания

1. *contradio* = *contrario*, по диссимиляции, ср. *raro / rado* ;
2. *E' sono d'altri* = *essi sono d'altri* ;
3. *èndica* = *incetta* 'запас';
4. *fa sieno segrete* = *fa sì che siano segrete*;
5. *compera quelle sieno...* = *compra quelle che siano...* пропуск союза (или местоимения) *che* - типичен для разговорного языка XV в.;
6. *gravezza* = *imposta, tassa* 'налог';
7. *in orma* = *in forma* 'в такой форме', 'так, что';
8. *che si sia fatto beffe di te* 'так что над тобой стали бы смеяться'. Здесь *si sia fatto beffe* - обычное для языка XV в. отсутствие согласования именной части сказуемого с постпозитивным подлежащим;
9. *sii iscorto* = *sii creduto*, 'чтобы тебя обличили как лгуна';
10. *E guarti* = *e guardati*
11. *perché e' non ti sia tolto il tuo* - здесь *e'* - безударная форма грамматического безличного подлежащего (*egli, elli, gli*), аналогичного французскому *il*
12. *che tu il servi* = *che tu lo conservi* т.е. 'его не продаешь';
13. *e' t' infamerà* = *egli ti infamerà* ;
14. *se n' arà mai possa* 'если будет иметь такую возможность';
15. Последняя фраза содержит напоминание о восстании бесправных разнорабочих - *il tumulto dei Ciompi*, в 1378 г.
16. артикль м.р. – регулярно *il/lo*.

Характерна для духа времени также рекомендация не пренебрегать наукой: "La scienza fia quella che ti farà venire a' sommi e onorati gradi: la virtù e '1 senno tuo vi ti tirerà, o vogli tu o non. Tu arai in tua libertà tutti i valentri uomini : tu potrai istarti nel tuo istudio con Vergilio quel tempo che ti piacerà, e non ti dirà mai di no e ti risponderà di ciò lo domanderai e ti consiglierà e 'nsegnerà senza prezzo niuno di danari o d'altro e ti trarrà maninconia e pensiero del capo e daratti piacere e consolazione."

Конечно, чтение Вергилия как средство избавления от меланхолии было доступно лишь немногим. Большинство флорентийцев и вообще итальянцев обращалось в этих случаях к "Декамерону".

В XV в. есть только одно сочинение на флорентийском вольгаре, которое может быть поставлено в один ряд с лучшими новеллами Боккаччо - это анонимная повесть "О Толстом столяре" - *La novella del Grasso legnaiolo*. Предположительно ее автор (как и анонимной биографии Брунеллески) - Антонио Манетти, математик, астроном и архитектор, вхожий в круг золотой молодежи, группировавшейся вокруг Брунеллески.

В повести, основанной на реальных событиях, речь идет о грандиозном розыгрыше, задуманном Брунеллески и Донателло. Их жертвой стал простодушный Манетто - столяр, прозванный el Grasso за свою толщину, которому участники розыгрыша внушили, что он превратился в другого человека, по имени Matteo. Попав в тюрьму за долги Matteo, Грассо встречает там известного нотариуса, которому рассказывает свою историю и спрашивает, не случилось ли ему слышать о таких превращениях:

"El Grasso incominciò da capo, e insino alla fine gli disse quello che gli era intervenuto, con fatica celando le lacrime, pregandolo strettamente di due cose: l'una, che mai con persona di questo ne parlassi per l'onore suo; l'altra, che gli dessi qualche consiglio e rimedio, aggiugnendovi: - Ché so che avete lungamente lette di molte cose e storie d'antichi e di moderni e di uomini che hanno scritto molti avvenimenti: trovasti voi mai simile cosa? - El valente uomo, udito costui, subito considerato el fatto, immaginò delle due cose dovesse essere una, cioè, o che costui fussi uscito del manico per qualche umore malinconico superchio, o per questo caso presente, come uomo di poco animo, o per qualche altro; o veramente che la fussi una beffa, com'ella era. E per intenderlo meglio, a questo rispuose averne di molti letto, cioè, d'essere diventato di uno un altro, e che quello non era caso nuovo; sanzaché ci era peggio, che ci era di quelli che erano diventati animali bruti, come fu Apuleio, che diventò asino, e Ateon, che diventò cervio: - E di molti altri si legge, ch'io non ho testé nella mente - ; come colui die fe' pensiero di trarsi un poco di mattana. A cui el Grasso disse: - Oh! questo non arei io mai creduto - : e quella fede vi dava che si dà a ogni cosa vera. Poi soggiunse: - Ora ditemi, se io che era el Grasso sono diventato Matteo, di lui che ne debbe essere? - A cui el dottore rispose: È necessario ch'e' sia diventato el Grasso; questo è caso scambievole, e così suole intervenire, per quello che si legge e per quello ch'io abbi veduto insino a qui, che pure è stato qualche volta; e altrimenti non puo essere: ben lo vorre' io un poco vedere costui: questo è bene un caso da ridersene. - A cui e' non toccassi! - disse el Grasso. - Egli è così: - seguitò el giudice..." [Prosatori, 777].

Примечания:

1. В области морфологии глагола наблюдается явное предпочтение форм, свойственных разговорной речи флорентийцев XV в.:

- a) в имперфекте конъюнктива 3 л. ед.числа parlassi, toccassi, fussi (рядом с fusse), вместо parlasse, fosse;
- b) в перфекте 2 л. мн. числа voi trovasti вместо trovaste;
- c) в кондиционале и футуруме основа глагола avere теряет v: io arò, io arei вместо avrò, avrei;
- d) в перфекте и в кондиционале в 3л.мн.числа превалирует окончание -ono: conchiusono, risono, dissono, (в слабом перфекте - poterono); в конъюнктиве имперфекта, наряду с avessono часто появляется форма avessino; окончание potessero - единичный случай;
- e) в 1 л. мн.числа просторечное окончание -eno вместо -emo (vedrenola = la vedremo) встречается только в прямой речи.

По сравнению с текстами Л.Б.Альберти, вариативность глагольных форм здесь сокращается: архаичные формы (avemo, furo), "возвышенный" кондиционал на -ia

(saria), тосканизмы (dispiaceno, presoro, levorno) встречаются редко или просто отсутствуют.

2. Местоименные формы в целом те же, что и в "Грамматике" Альберти: артикль *el*, изредка *il*, как фигура "variatio" (*el Grasso – il Grasso*) в одной фразе. Местоимения 3 л. *e'*, *egli*, *ei* - общие для ед. и мн. числа: *e' diceva – e' pagano*; *egli* как мн.число имеет вариант *eglino*; *e'*, *egli* как ед.число имеет вариант *lui*. Личное местоимение *egli*, *ei*, *e'* может иметь безличную чисто грамматическую функцию (подобно французскому *il: il faut*), например: *Egli è vero, egli è venuto un grande accidente a vostra madre*. Кроме того, форма *el* может выступать в функции винительного падежа (вместо архаичного *il*): *El notaio el guatò e disse 'Нотариус на него посмотрел и сказал...'*.

Формы притяжательных местоимений мн.числа - *mia*, *tua*, *sua* - едины для мужского и женского рода: *va pe' fatti tua; sono qui due sua fratelli*.

3. Регулярно отсутствует согласование в роде и числе у именной части сказуемого с постпозитивным подлежащим, как и в других текстах XV в., ориентированных на разговорную речь.

Черты разговорного синтаксиса (преобладание сочинения над подчинением, обилие вставленной прямой речи и др.) органически сочетаются с логической и грамматической связностью и многоплановостью периодов. Характерны также независимость порядка слов от латинских моделей и отсутствие риторических фигур и ритмических концовок фразы. Лексика новеллы "О Толстом столяре" бедна латинизмами и богата флорентийскими фразеологизмами и экспрессивными оборотами речи, например, "*o che costui fussi uscito del manico*" = *fosse impazzito*.

Флорентийский вольгаре XV в., представленный выше в разных речевых стилях - письма, воспоминания, историческая хроника, новелла, - воспринял отдельные грамматические формы других тосканских диалектов в качестве более или менее устойчивых вариантов. Очевидно, это обстоятельство побудило Л.Б.Альберти называть описываемый им в "Грамматике" язык *lingua toscana*. Тем не менее, сглаживание морфологических различий между диалектами Тосканы происходило, главным образом, за счет влияния флорентийского вольгаре (*vernacolo fiorentino*) на говоры Тосканы. Это влияние испытали в разной степени также и диалекты Венеции, Падуи, Рима, Неаполя и других городов.

Немалую роль в распространении общетосканской модели языка сыграли знаменитые на всю Италию проповеди монаха-францисканца Бернардино да Сиена, который обращался к слушателям на усредненном флорентийском вольгаре, понятном всем итальянцам от Милана до Неаполя.

Бернардино (1380-1444), родившийся в семье сиенских нобилей, вступил в орден францисканцев в двадцать два года. В предисловии к текстам его проповедей К. Варезе пишет:

"Dopo un periodo di ritiro e di studi, cominciò, nel 1417 la sua grande missione di predicatore, cercando di conoscere a fondo gli usi, i costumi, i vizi e le virtù degli abitanti dei paesi dove predicava. Le teorie cristocentriche dell'Ordine francescano, che mettevano in rilievo l'umanità di Cristo, gli fecero sentire profondamente il bisogno di onorare Cristo: distribuiva tavolette scolpite e dipinte col monogramma di Cristo, e i portali delle case, dopo la sua predicazione, si ornavano dello stesso monogramma, di marmo o di terra cotta. Così egli si valeva di quel nome come di un mistico simbolo" [Prosatori, 41].

Культ образа Христа сочетается у Бернардино с призывами к отказу от роскоши и к искоренению предрассудков: после его проповедей в городах загорались костры (так называемые *roghi di vanità*), где сжигались нечестивые книги, украшения, амулеты, а иногда и сами колдуньи (*streghe*).

Убеждая слушателей в необходимости соблюдать моральные заповеди и бороться с чувственными соблазнами (*appetiti*), Бернардино употребляет язык живых примеров - *exempla*, которые представляют собой поучительные анекдоты и даже целые новеллы.

Ниже приводятся два "примера" из его сорока пяти Сиенских проповедей, которые были записаны прямо с голоса проповедника одним из его почитателей, неким *maestro Benedetto*, сохранившем для потомства особенности речи Бернардино.

Predica XXIII

Elli fu a Roma uno famiglio d'uno cardinale, el¹ quale andando a Benivento di notte, vidde² sur una aia ballare molta gente, donne e fanciulli e giovani; e così mirando elli ebbe grande paura. Pure essendo stato un poco a vedere, elli s'assicurò e andò dove costoro ballavano, pure con paura, e a poco a poco tanto s'acostò a costoro, che elli vidde² che erano giovanissimi; e così stando a vedere, elli s'assicurò tanto, che elli si pose a ballare con loro. E ballando tutta questa brigata, elli venne a sonare mattino³. Come mattino toccò, tutte costoro in un subito si partiro, salvo che una, cioè quella che costui teneva per mano lui, che ella volendosi partire coll'altre, costui la teneva: ella tirava e elli tirava. Elli la tenne tanto a questo modo, che elli si fece di chiaro³.... E però dico che là dove se ne può trovare niuna⁴ che sia incantatrice o maliarda, o incantatori o streghe, fate che tutte siano messe in estermio per tal modo, che se ne perdi il seme...

Predica XIV

Uno servo di Dio sentì che una donna santa era capitata al luogo meretrizio, e ine⁵ stava in grandissimo peccato. Costui si deliberò d'andarvi, e andandovi, tanto predicò, che egli la convertì, e trassenela fuore...E stati alcun tempo, disse l'uno all'altro: - che faremo noi? Elli sarà buono² che noi ci torniamo a casa, e feremo uno romitorio⁶, là dove voglio che tu mi muri dentro, acciò che io non caggia più in simili peccati; ma verràmi cotali volte a vedere⁷ e a confortarmi a ben fare. E così feceno⁸. Tornatisi a casa loro, elli fece fare un romitorio per costei, e messevela dentro: lassò così una bucarella per poterle favellare, e così vivevano santamente. Costui molte volte l'andava a confortare nel servizio di Dio. Avenne che il diavolo in breve tempo incominciò a sarnacare, e destò l'apetito a costoro, i quali s'ingegnavano di mirare l'uno l'altro per una fessura che era nel muro quando si parlavano e a ciascheuno di loro venne cotali pensieri⁹, come talvolta vengono...In tutto, la donna prese ardire, e disse: - O per levar via il dir della gente, io direi che quando voi ci veniste, che voi entraste dentro. - O, o! E che avete voi? - Anco, non c'è mal niuno⁴. In tutto, l'uno mirando l'altro, egli entrò dentro, e mirandosi l'uno l'altro, in bocca, incomincio a ridare¹⁰. Or non diciamo più lungo: in tutto ella ingravidò. Dimmi: da che venne questo? Venne per non aversi cura: Così vo dire a te [Prosatori, 58-59].

Примечания.

Pr.XXIII

1. Articolo el чередуется с il
2. vidde - аретинская форма
3. elli venne a sonare mattino, elli si fece di chiaro, elli sarà buono – безличное употребление местоимения elli;
4. niuno, niuna 'какой-нибудь', 'никакой';
5. ine = là, сиенская форма наречия 'там';
6. romitorio 'келья';
7. verràmi cotali volte a vedere = mi verrai qualche volta a vedere ;
8. feceno - пизанская форма;
9. venne cotali pensieri - отсутствие согласования в числе с постпозитивным подлежащим;
10. incomincio a ridare - сиенские формы.

В других проповедях Бернардино встречаются такие сиенские формы, как giognere, gionse, gionta = giungere, giunsi, giunta; giovane = giovane; correre = correre; essere, credere,

vollare = volgere, arà, arebbe = avrà, avrebbe (Точно указать источник форм не всегда возможно из-за их совпадений в северных и южных диалектах Тосканы).

ГЛАВА 4.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ИТАЛИИ И ЯЗЫК ФЛОРЕНТИЙСКИХ АВТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV В.

В середине века расстановка политических сил начала меняться. В Милане на смену Висконти пришел к власти кондотьер Франческо Сфорца (1450), не имевший враждебных намерений по отношению к Венеции и Флоренции. В Неаполитанском королевстве Альфонс Арагонский (ум. 1458), а потом и его сын Фердинанд (Ferrante) ведут войну с Флоренцией при поддержке папы Сикста IV. Если папы Мартин и Евгений находили во Флоренции убежище от римских неурядиц, Сикст был настроен враждебно к семейству Медичи, тесно связанному с римскими аристократами Орсини, исконными врагами папы. В самой Флоренции после смерти Козимо (1464) его сын Пьеро, тяжело больной подагрик, чуть не потерял власть из-за заговора претендентов на главенство в управлении городом. В 1469 году Пьеро умер, оставив двух сыновей - Лоренцо и Джулиано. Лоренцо (1448-1492), воспитанный гуманистом Марсилио Фичино, был не только знатоком латинских и греческих авторов, но и горячим поклонником Гвидо Кавальканти, Данте, Петрарки и Боккаччо (сам он тоже писал стихи на родном вольгаре, подражая великим тречентистам, которых он ставит чуть ли не выше латинских писателей (в "Комментариях к собственным сонетам")):

"Dante, il Petrarca e il Boccaccio, nostri poeti fiorentini, hanno nelli gravi e dolcissimi versi e orazioni loro mostro¹ assai chiaramente con molta facilità potersi in questa lingua esprimere ogni senso. Perché chi legge la Commedia di Dante vi troverà² molte cose teologiche e naturali essere con gran destrezza e facilità espresse; troverà² ancora molto attamente nello scrivere suo, quelle tre generazioni³ di stili che sono dagli oratori laudate, cioè umile, mediocre e alto; e in effetto, in uno solo, Dante assai perfettamente assoluto⁴ quello che in diversi autori, così greci come latini, si truova. Chi negherà nel Petrarca trovarsi uno stile grave, lepido e dolce, e queste cose amoroze con tanta gravità e venustà trattate, quanta senza dubbio non si truova in Ovidio, Tibullo, Catullo e Properzio o alcun altro latino?...

Chi ha letto il Boccaccio, uomo dottissimo e facundissimo, facilmente giudicherà singulare e sola al mondo non solamente la invenzione, ma la copia e eloquenza sua. E, considerando l'opera sua del Decameron, per la diversità della materia ora grave, ora mediocre e ora bassa, e contenente tutte le perturbazioni che agli uomini possono accadere d'amore e odio, timore e speranza, tante nuove astuzie e ingegni, e avendo a esprimere tutte le nature e passioni degli uomini che si truovono⁵ al mondo, senza controversia giudicherà nessuna lingua meglio che la nostra essere atta a esprimere...

E forse saranno ancora scritte in questa lingua cose sottile e importanti e degne d'essere; massime insino a ora si può dire essere l'adolescenza di questa lingua, perché ognora più si fa elegante e gentile. E potrebbe facilmente nella gioventù e adulta età sua venire ancora in maggiore perfezione; e tanto più aggiungendosi qualche prospero successo e augumento⁶ al

fiorentino imperio, come si debbe non solamente sperare, ma con tutto l'ingegno e forze per li buoni cittadini aiutare..." [Prosatori, 1000-1001].

Примечания.

1. hanno...mostro = hanno mostrato; краткая форма причастия от глаголов I спряжения, типичная для староитальянского (cerco=cercato, guasto=guastato) ;

2. troverà - удвоение *r* по аналогии с глаголами, имеющими в futuro двойное *rr* (verrà);

3. tre generazioni = tre generi;

4. assoluto = raccolto;

5. truovono - распространение окончания -ono на глаголы I спряжения, характерное для флорентийского диалекта XV в.

6. prospero successo e augumento – сочетание парных синонимов, причем перед первым, по влиянию латинского, поставлено в препозицию также выраженное латинизмом прилагательное.

В других прозаических текстах Лоренцо обнаруживаются такие типичные для XV в. формы, как *potessino*, *amavono*, *arò*, *arei*. Закрепляется "новое" окончание -o в 1 л. имперфекта индикатива - *piangevo* - вместо устаревшего -a (*io piangeva*); наоборот, "новый" артикль *el* уступает место "старому" артиклю *il*, *li* (*i*): *il nostro toscano poeta* - *li fiumi* - *i famosi fatti*; при этом свободное чередование артиклей *il/lo* (*il re* - *lo re*), свойственное языку XIV в., заменяется позиционно обусловленным - *il* - перед согласным *lo* - перед гласным звуком: *il giudicarmi* - *lo interpretare*, *l'interpretare*.

В синтаксической организации текста "Комментария" чувствуется сильное влияние прозы первой главы "Пира" Данте, вплоть до скрытого цитирования. Преобладает прямой порядок слов, глагол в конце фразы иногда появляется как фигура *variatio*, устраняющая монотонность. Из латинских моделей регулярно употребляется аккузатив (номинатив) с инфинитивом после глаголов речи и мысли (*hanno...mostro...potersi...esprimere ogni senso*). Элементы сложного сказуемого часто отделены друг от друга обстоятельственными словами (гипербатон), замедляющими темп речи и придающими ей значительность.

Лингвистические идеи Лоренцо Медичи также развиваются в направлении, заданном Данте: совершенство (*perfezione*) и престиж (*reputazione*, *dignità*) языка создается в первую очередь выдающимися писателями, которые становятся образцами для подражания и востребованы за пределами своей "малой родины". Кроме того, распространение языка зависит от удачного стечения обстоятельств (*successo prospero*

della fortuna), как это видно на примере латыни, которая, благодаря расширению Римской империи, стала общим языком для всего мира:

"Resta un'altra sola condizione che dà reputazione alla lingua, e questo è quando il successo delle cose del mondo è tale, che facci universale e quasi comune a tutto il mondo quello che è proprio naturalmente d'una città o d'una provincia sola... Questa tale dignità d'essere apprezzata per successo prospero della fortuna è molto appropriata alla lingua latina, perché la propagazione dell'imperio romano non l'ha fatta solamente comune per tutto il mondo, ma quasi necessaria." [Prosatori, 999].

Путь к процветанию родного вольгаре Лоренцо видел в укреплении флорентийского государства и расширении его границ. И призывал граждан Флоренции прилагать все силы своего разума для "prospero successo e augumento (=aumento) del fiorentino imperio".

Однако источником распространения по всей Италии флорентийского вольгаре как языка художественной литературы оказалась вовсе не политическая экспансия Флоренции, а неугасающий престиж великих писателей Треченто.

Их язык и стиль оказался востребованным (necessario) и общим (comune) после того, как латынь начала сдавать позиции единственного общетальянского литературного языка. Так, в Неаполе гуманист Томмазо деи Гвардати (1414-1476), прозванный Мазуччо Салернитано, пишет сборник из 50 новелл, имея перед собой два образца - "il vetusto satiro Iovene e il famoso commendato poeta Vossaccio». В результате флорентийский вольгаре XIV в. приобретает под пером неаполитанца дополнительные варианты форм южного происхождения, например, имперфект на -ia (ridia), притяжательные местоимения soi, toi (de' soi baroni, a toi comandamenti), метафоническую форму множественного числа (quisti=questi).

В Ферраре, при дворе Эрколе д'Эсте, образованный аристократ Маттео Мария Боярдо (1432-1484) пишет на тосканском вольгаре рыцарскую поэму «Orlando Innamorato».

Сам Лоренцо Медичи, стремясь расширить круг читателей Данте, заказывает гуманисту Кристофоро Ландино комментарий к «Божественной Комедии» и пропагандирует тосканских поэтов среди не-тосканцев.

Так, например, когда в 1476 г. Лоренцо Медичи приехал в Пизу для переговоров с Федерико, сыном короля Неаполя Фердинанда Арагонского, речь у них зашла и о тосканской поэзии. По просьбе принца, Лоренцо прислал ему в 1477 г. сборник поэтов dolce stil nuovo, сопроводив его письмом, которое кончается такими словами: "...desideroso alla tua onestissima volontà soddisfare, non senza grandissima fatica fatti ritrovare gli antichi esemplari, e di quelli alcune cose meno rozze elegendo, tutti in questo presente volume ho raccolti, il quale mando alla Tua Signoria, desideroso assai che essa la mia opera, qual ch'ella sia, gradisca, e la riceva sì come un ricordo e pegno del mio amore in verso di lei singulare." [Prosatori, 987].

Однако дружеские отношения между Лоренцо Медичи и сыном Фердинанда Арагонского не помешали Неаполитанскому королю объединиться с папой Сикстом IV и с флорентийскими банкирами Пацци с целью устранить физически Лоренцо и Джулиано Медичи. В 1478 году их замысел был приведен в исполнение: Джулиано был убит, Лоренцо ранен. Поскольку оба брата пользовались в народе большой популярностью, толпа буквально растерзала заговорщиков. Те, кому удалось ускользнуть, были пойманы и повешены, в том числе и ставленник папы архиепископ Сальвиати. Раздосадованные неудачей, союзники начали в 1479 году против Флоренции войну. Кондотьеры Фердинанда, занимая один за другим тосканские города, подошли к Флоренции. Ее союзники - Милан и Венеция - не пришли вовремя на помощь, и Флорентийскому государству оставалось надеяться только на Бога. Тогда Лоренцо Медичи взял на себя единолично роль парламентария и отправился в Неаполь к Фердинанду для мирных переговоров. Для описания дальнейших событий обратимся к XIX главе восьмой книги «Istorie fiorentine» Никколо Макиавелли:

"Era Lorenzo per mare arrivato a Napoli, dove non solamente da il re, ma da tutta quella città fu ricevuto onoratamente e con grande espettazione, perché essendo nata tanta guerra solo per opprimerlo, la grandezza degli inimici che egli aveva avuti lo aveva fatto grandissimo. Ma arrivato alla presenza del re e' disputò in modo delle condizioni di Italia, degli umori dei principi e popoli di quella, e quello che si poteva sperare nella pace e temere nella guerra, che quel re si maravigliò più, poi che l'ebbe udito, della grandezza dello animo suo e della destrezza dello ingegno e gravità del iudizio, che non si era prima dello avere egli solo potuto sostenere tanta guerra maravigliato; tanto che gli raddoppiò gli onori e cominciò a pensare come piuttosto e' lo avesse a lasciare amico che a tenerlo nimico... Tornò pertanto Lorenzo in Firenze grandissimo s'egli se ne era partito grande, e fu con quella allegrezza dalla città ricevuto, che le sue grandi qualità e i freschi meriti meritavano, avendo esposto la propria vita per rendere alla patria sua la pace." [Machiavelli 1962, 542-543].

После моральной победы, одержанной Лоренцо над неаполитанцами, жизнь во Флоренции превратилась в один сплошной праздник. Устраиваются карнавалы, рыцарские турниры (giostre), пиры, застолья в тавернах, где Лоренцо Великолепного сопровождают его друзья гуманисты, совмещающие свои ученые занятия с сочинением пьес и стихов как высокого придворного жанра - Полициано (1454-1494), так и простонародного квази-фольклорного характера - Пульчи (1432-1484).

Как пишет Франческо Де Санктис, "il Poliziano è la più spiccata espressione della letteratura in questo secolo. Ci è già l'immagine schietta del letterato, fuori di ogni partecipazione alla vita pubblica, vuoto di ogni coscienza religiosa o politica o morale, cortigiano, amante del quieto vivere e che alterna le ore tra gli studi e i lieti ozi. Ebbe in Lorenzo un protettore, un amico; e divenne la sua ombra, il suo compagno ne' solazzi pubblici e secreti. Cominciò la vita voltando l'Illiade in latino, grecista e latinista sommo. Dettava epigrammi latini con la facilità di un improvvisatore. Si traeva da tutta Europa a sentirlo spiegare Omero e Virgilio. E non si ammirava solo l'erudito, ma l'uomo di gusto e il poeta..." [De Sanctis 1949, 19].

Как поэт, Полициано не был имитатором Петрарки. В своих Stanze per la giostra, написанных к турниру в честь Джулиано Медичи (еще до 1478 г.), он средствами языка передает видимые глазу очертания предметов в движении; как, например, в станце 89:

I muti pesci in frotta van notando
Dentro al vivente e tenero cristallo,
E spesso intorno al fonte roteando,
Guidan felice e diletto ballo:
Tal volta, sopra l'acqua, un po' guizzando,
Mentre l'un l'altro segue, escono a gallo:
Ogni lor atto sembra festa e gioco;
Nè spengon le fredde acque il dolce foco. [Poliziano 1882, 42]

В станце 101 изображено рождение Венеры, точно соответствующее известной картине Боттичелли:

Giurar potresti che dell'onde uscisse
La Dea premendo con la destra il crino,
Con l'altra il dolce pomo ricoprìsse;
E stampata dal piè sacro e divino
D'erba e di fior la rena si vestisse:
Poi con sembiante lieto e pellegrino
Dalle tre Ninfe in grembo fosse accolta,
E di stellato vestimento involta.

[Poliziano 1882, 47]

Свое самое известное сочинение - пастушескую пьесу в стихах на античный сюжет - "Orfeo" Полициано написал за два дня по случаю праздников у мантуанского князя Гонзага. Несмотря на изысканно-придворный характер пьесы, она пользовалась большой популярностью у самой широкой публики благодаря ритмическому разнообразию, музыкальности и прозрачности языка.

Canzona

Aristeo:

Portate, venti, questi dolci versi
Dentro all'orecchie della Ninfa mia.
Dite quant'io per lei lacrime versi,
E lei pregate che crudel non sia:
Dite che la mia vita fugge via,
E si consuma, come brina al sole.
Udite, selve, mie dolci parole,
Poi che Ninfa mia udir non vole.

Mopso: risponde e dice così:

E' non è tanto il mormorio piacevole
Delle fresche acque che d'un sasso piombano,
Nè quando soffia un ventolino agevole
Fra le cime de' pini, e quelle trombano,
Quanto le rime tue son sollazzevole,
Le rime tue che per tutto rimbombano.
S'ella l'ode, verrà come una cucciola.
Ma ecco Tirsi che dal monte sdrucciola. [Poliziano 1882, 88]

Сам Лоренцо Великолепный в своих стихах проявляет себя в разных стилях, от простонародного до возвышенного, где одинаково звучит радость праздника молодой жизни, см., например, знаменитый рефрен из "Trionfo di Vacco e Arianna":

Quant'è bella giovinezza
Che si fugge tuttavia!
Chi vuol esser lieto, sia;

Di doman non c'è certezza.

Действительно, будущее было туманным и не обещало ничего хорошего. В основу управления государством Лоренцо Великолепный положил широкую благотворительность: это касалось как создания Платоновской Академии, университета в Пизе, сада-музея во Флоренции на площади Сан Марко, где были собраны произведения античного искусства, так и личного покровительства ученым, писателям, художникам, скульпторам. Флоренция стала волею судеб родиной самых знаменитых художников XV - начала XVI веков - Гирландайо, Вероккио, Боттичелли, Филиппо Липпи, Леонардо да Винчи, Микеланджело. (Как рассказывает Вазари, 14-летний Микеланджело, поразивший Лоренцо своей гениальностью, стал постоянным гостем в доме Медичи). Кроме того, много денег уходило на постройку загородных вилл, организацию турниров, праздников и т.п. В результате казна государства опустела, Лоренцо влез в долги и повысил налоги, вызвав недовольство граждан.

Наконец, во Флоренции появился в 1482, а потом и в 1490-1498 годах доминиканский монах Джироламо Савонарола (1452-1498), проповедовавший сначала в Северной Италии. Войдя в роль библейского пророка, он предрекал скорую гибель людям, живущим в роскоши, и самой церкви, которая не меньше мирян предавалась мирским соблазнам. Его красноречивые инвективы производили сильное впечатление и породили во Флоренции и в других городах движение "кающихся" (riagnoni), которые устраивали "roghi di vanità", сжигая предметы роскоши, картины и нечестивые книги. Вот образцы языка и стиля проповедей Савонаролы, обращенных к городу Флоренция:

"Va e leggi li dottori sopra quello Evangelio di Matteo dove dice: "Evangelium hoc predicabitur in toto mundo et tunc erit consumatio". Credimi, Firenze; tu doverresti pure credermi, perché di quello che io t'ho detto non hai mai veduto fallire uno iota sino a qui, e ancora per l'avvenire non ne vedrai mancare niente. Io predissi, parecchi anni innanzi, la morte di Lorenzo di Medici, la morte di Innocenzo papa; item il caso, che è stato adesso a Firenze della mutazione di questo stato." [Prosatori, 105].

Здесь проповедник убеждает слушателей в своей способности предсказывать события. Однако факты, на которые он ссылается, были сами по себе предсказуемы: Лоренцо, чувствуя приближение смерти, обратился к Савонароле с просьбой исповедаться (1492); приход французского короля Карла VIII во Флоренцию был чуть ли не спровоцирован Савонаролой, а изгнание из Флоренции Пьеро Медичи и установление там республики (mutazione dello stato) в 1494 году произошло в результате договора сторонников Савонаролы с французским королем. Действия администрации этой республики сначала вдохновлялись идеями фанатичного проповедника: пылали костры из драгоценных картин и древних рукописей, слышались призывы к обновлению церкви, как этого требовал Савонарола:

"Adunque la renovazione della Chiesa si farà e molti che sono qui alla predica la vedranno. La seconda parabola: era stato piantato un fico, il quale il primo anno fece di molti fichi, senza alcuna foglia¹. Il secondo anno fece pure assai fichi e qualche foglia, ma pochissime; il terzo anno fece tanti fichi quante foglie; il quarto anno più foglie che fichi; il quinto anno fece pochissimi fichi e moltissime foglie. E continuando divenne² che non faceva se non foglie e in tanto che non solamente che non facessi³ frutto, ma con le sue tante foglie aggravava⁴ l'altre erbe che non potevano⁵ crescere. Che credi tu che facci l'ortolano di questo fico? Certo lo taglierà e darallo al fuoco. Questo fico è l'arbore della Chiesa, la quale benché nel principio d'essa facessi assai frutto e niente di foglie, è oggi venuta in termin⁶e che non fa frutto alcuno, ma solamente foglie: cioè cerimonie e pompe e superfluità, con le quali uggiano⁷ l'altre erbe della terra; cioè con loro malo essempro li prelati della Chiesa fanno cascare li altri uomini in moltissimi peccati. Verrà l'ortolano, cioè Cristo, e taglierà via questo fico infruttuoso." [Prosatori, 97]

Примечания:

1. fichi senza alcuna foglia - притча о бесплодной смоковнице восходит к Евангелию от Матфея (21, 19);

2. divenne = avvenne ;

3. facessj = facesse ;

4. aggravava = opprimeva ;

5. potevono = potevano;

6. in termine = al punto;

7. uggiano = soffrono;

Лапидарный язык этих проповедей (Prediche italiane ai fiorentini. Della rinnovazione della chiesa), состоящих из переплетения цитат из Священного Писания, силлогизмов Фомы Аквинского и апокалиптических картин Страшного Суда, почти не содержат характерных морфем флорентийского вольгаре XV в. Это абстрактный язык со стертой диалектной принадлежностью, на котором избранник Божий разговаривает не с конкретными людьми, а с городами и народами.

Никколо Макиавелли (1469-1527), присутствовавший на его проповедях, ясно увидел их риторику и ее практический подтекст. Вот что он пишет по этому поводу в своем письме от 9 марта 1498 года флорентинскому послу в Риме Риччардо Бекки:

"Per darvi intero avviso de le cose di qua circa al frate, secondo el desiderio vostro, sappiate che dopo le due prediche facte, delle quali havete hauta già la copia, predichò la

domenica del charnasciale, e dopo molte cose decte, invitò tucti e' suoi a comunicarsi el dì di charnasciale in San Marco, et disse che voleva pregare Iddio che se le cose che gli haveva predette non venivano da lui, ne mostrassi evidentissimo segno; et questo fece, chome dicono alcuni, per unire la parte sua et farla più forte a difenderlo, dubitando che la Signoria nuova già creata, ma non pubblicata, non gli fussi adversa... Trovatosi adunque il nostro frate in casa sua, hora avere udito con quale audacia e' cominciassi le sua prediche, et con quale egli le seguiti, non sarebbe di poca admiratione; perché dubitando egli forte di sé, et credendo che la nuova Signoria fussi al nuocergli inconsiderata, et deliberato che assai cittadini rimanessino sotto la sua ruina, cominciò con spaventi grandi, con ragione a chi non le discorre efficacissime, mostrando essere optimi e' sua seguaci, et gli adversari scelleratissimi, tochando tutti que' termini che fussino per indebolire la parte adversa et affortificare la sua..." [Machiavelli 1961, 30].

Примечания

1. преобладает артикль el, e';
2. графические латинизмы: avere, facto, decto, tucto, optimo, adverso, huomini;
3. e' sua seguaci = i suoi seguaci;
4. con ragione a chi non le discorre efficacissime = con ragioni efficacissime per chi non le esamina attentamente.

Будучи секретарем Флорентийской республики, образовавшейся после изгнания Пьеро Медичи в 1494 году, Макиавелли выполняет целый ряд дипломатических поручений при дворах французского короля, германского императора, северо-итальянских князей, в том числе и кондотьера Цезаря Борджа (герцога Валентино).

Опыт общения с монархами будет служить ему материалом для его знаменитого трактата "О государе" (Il principe), написанного в 1513 г.

Оказавшись не у дел после реставрации Медичи в 1512 году, Макиавелли, уединившись в своем "Альбергаччо" близ Сан Кашано, делит свой досуг между шумными спорами за игрой в карты в близлежащем трактире и молчаливыми беседами с Данте, Петраркой, Овидием и другими латинскими писателями:

"Venuta la sera, mi ritorno in casa et entro nel mio scrittoio; et in su l'uscio mi spoglio della veste cotidiana, piena di fango e di loto (лат. lutum "грязь") et mi metto panni reali et curiali; et rivestito condecentemente, entro nelle antique corti degli antiqui huomini, dove, da loro ricevuto amorevolmente, mi pasco di quel cibo, che *solum* è mio, et che io nacqui per lui; dove io non mi vergogno di parlare con loro, et domandarli della ragione delle loro actioni; et quelli per loro umanità mi rispondono; et non sento per quattro ore di tempo alcuna noia, sdimenticando ogni affanno, non temo la povertà, non mi sbigottisce la morte: tucto mi trasferisco in loro..." (Lett.10 dicembre 1513) [Machiavelli 1961].

Чтение латинских историков помогает Макиавелли найти нужные примеры для его собственного исследования причин возникновения принципатов, их сохранения и их

разрушения: "ho...composto uno opusculo *De principatibus*, dove io mi profendo quanto io posso nelle cogitazioni di questo subietto, disputando che cosa è principato, di quale spetie sono, come e' si acquistono, come e' si mantengono, perché e' si perdono" [Machiavelli 1961]. Изучению этого вопроса автор "Il principe" отдал пятнадцать лет своей жизни - "che quindici anni che io sono stato a studio dell'arte dello stato". Вот одно из центральных положений трактата (начало XVIII главы): In che modo e' principi abbino a mantenere la fede - где "fede" означает "lealtà, fedeltà alla parola data":

"1.Quanto sia laudabile in uno principe mantenere la fede e vivere con integrità e non con astuzia, ciascuno lo intende; nondimanco, si vede per esperienza ne' nostri tempi quelli principi avere fatto gran cose che della fede hanno tenuto poco conto, e che hanno saputo con l'astuzia aggirare e' cervelli degli uomini; e alla fine hanno superato quelli che si sono fondati in sulla lealtà.

2.- Dovete adunque sapere come sono dua generazioni(=modi) di combattere: l'uno con le leggi, l'altro con la forza: quel primo è proprio dello uomo, quel secondo è delle bestie: ma perché e' primo molte volte non basta, conviene ricorrere al secondo...

3.- Non può, pertanto, uno signore prudente né debbe osservare la fede, quando tale osservanzia li torni contro e che sono spente le cagioni che la feciono promettere. E, se gli uomini fussino tutti buoni, questo precetto non sarebbe buono; ma perché sono tristi e non la osservarebbono a te, tu etiam non l'hai ad osservare a loro...

4. ...E però bisogna che egli abbia uno animo disposto a volgersi secondo ch' e' venti della fortuna e le variazioni delle cose li comandano, e, come di sopra dissi, non partirsi dal bene, potendo, ma sapere intrare nel male, necessitato." [Machiavelli 1950, 73].

Как в письмах 1498-1513, так и в "Il principe" Макиавелли придерживается "среднего" узуса городской речи Флоренции XV в. В области морфологии отметим следующие употребления:

Артикль м.рода ед. и мн. числа обычно el, e', реже il, li, (или i): el tempo, el quale – e' cervelli, e' casi.

Иногда в одной фразе все три формы: chi lascia e' sua commodi per li commodi d'altri, so (=solo) perde i sua. (Артикль lo=gli перед гласным и s-impura).

Личные местоимения elli, egli, ella имеют безударные формы e', gli, la 'он', 'она': quando la fussi letta 'если она будет прочитана';

формы косвенного падежа lui, lei употребляются также в именительном падеже: e lui ci promesse 'и он нам обещал'.

Притяжательные местоимения во мн. числе имеют форму mia, tua, sua для обоих родов: che e' cominciassi le sua prediche; voi sapete e' casi sua come stanno.

Глаголы I спр. в presente indicativo могут иметь в 3л. мн. числа окончание *-ono*: acquistono.

В imperfetto indicativo регулярно окончание *-o* в 1л. ед. числа - io parlavo (в XIV веке - io parlava).

В passato remoto регулярно у неправильных (сильных) глаголов в 3 л. мн. числа окончание *-ono*: feciono, dissono, presono; у правильных глаголов I спр. - *-ono*: cominciarono.

В imperfetto congiuntivo регулярно в 3 л. ед. и мн. числа - окончание *-ssi, -ssino*: elli fussi, avessi, volessi; e' andassino, fussino.

Глагол avere, futuro: arò, arai, arà etc., participio passato: hauto.

Наречия indreto, drento, fuora; числительное dua.

В комедиях "Мандрагора" и "Клиция" в изобилии встречаются также просторечные формы слов и конструкций, как, например, в таком диалоге:

Ligurio:...Ma che facciamo ora?

Callimaco: Andiàno verso la chiesa, perché io le promissi d'essere là dove la verrà lei, la madre e il dottore;

Ligurio: lo sento toccare l'uscio suo: le sono esse, ed hanno el dottore drieto.

Callimaco: Avviànci in chiesa, e la aspettereno.

(La Mandragola, V,4) [Machiavelli 1959]

Здесь мы видим в 1 л. мн. числа просторечное окончание *-iano* (рядом с *-iamo*), в futuro *-eno*.

Интересна разговорная конструкция с повтором личного местоимения в безударной форме (перед глаголом) и в ударной форме (после глагола): la verrà lei, le sono esse.

Так, подобно Лоренцо Медичи, Макиавелли владеет всеми стилями и регистрами vernacolo fiorentino – высокими, средними и низкими, между которыми у него нет жестких границ. Вот что пишет Джованни Ненчони [Nencioni 1954, 96-97] о языковой ситуации во Флоренции конца XV - начала XVI в.: "Tra la fine del Quattro e il principio del Cinquecento la convergenza tra lingua letteraria e lingua d'uso tocca il culmine con qualche punta oltranzistica verso l'uso plebeo e rustico; fatto in tanto più rilevante in quanto investe anche i settori strutturalmente più importanti, la fonetica cioè e la morfologia. È quello uno dei rari periodi in cui la nostra lingua d'arte, condannata all'aulicità e all'accademia, aprì con la lingua parlata uno scambio che servì in modo egregio e a rinfrescare i sapori e i colori e a digerire agilmente il latinismo; è quello il tempo in cui i Fiorentini, avviatasi la "questione della lingua" innalzarono la bandiera del connubio tra lingua letteraria e lingua viva, la bandiera della

contemporaneità linguistica sul piano letterario... Si pensi al Machiavelli, appassionato partigiano dell'uso fiorentino contemporaneo e libero mescolatore, fin dalle pagine più tecniche o più ispirate, di tutti gli strati linguistici del proprio dialetto... In quel tempo di massima convergenza tra lingua letteraria e lingua e d'uso egli aveva coscienza di scrivere una lingua di cultura, d'impiegare un insigne strumento letterario che in molti elementi coincideva ed egli teneva a far coincidere, come nel suo Dante, con la parlata dei propri concittadini".

После падения Республики и постепенного превращения Флоренции в один из многих принципатов Италии, меняется не только политическая, но и языковая ситуация: флорентийский вольгаре теряет свой престиж языкового эталона, и дело создания литературного языка для всей Италии переходит от писателей к нормализаторам. Так, Никколо Макиавелли в своих последних письмах и в «Istorie fiorentine» (1520-1525) заменяет, следуя духу времени, слишком яркие флорентинизмы XV века (артикуль el / e'), местоимения i mia, le tua, числительное dua и др. на формы, характерные для языка Данте и Боккаччо.

Литература.

- Гаспари А. История итальянской литературы. Пер. с итал. К.Бальмонта. М., 1897. Т.И.
- Гуковский М.А. Итальянское возрождение. Л., 1961. Т.И.
- Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. М.-Л., 1933. Т.1.
- Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков СПб. 2000.
- Alberti L.-B. Opere volgari, I libri della Famiglia. Bari, 1960. V.1.
- Alberti L.-B. Grammatichetta e altri scritti sul volgare. A c. di G.Patota. Roma 1996.
- Bruni L. Panegirico della città di Firenze, Firenze, 1974.
- Cavalcanti G. Istorie fiorentine. Milano, 1944.
- De Sanctis F. Storia della letteratura italiana. Milano, 1949. Т.И.
- Machiavelli N. Il Principe. Milano, 1950.
- Machiavelli N. La Mandragola e Clizia. Milano, 1959.
- Machiavelli N. Lettere. Milano, 1961.
- Machiavelli N. Istorie fiorentine. Milano, 1962.
- Manni P. Ricerche sui tratti fonetici e morfologici del fiorentino quattrocentesco // Studi di grammatica italiana, vol.VIII, Firenze, Accademia della Crusca 1979.
- Maraschio N. Aspetti del bilinguismo albertiano nel « De Pictura » // Rinascimento, Anno XXII, 1972, dicembre.
- Migliorini B., Folena G. Testi non toscani del Quattrocento. Modena, 1953.
- Migliorini B. Storia della lingua italiana. Firenze, 1960.
- Morelli G. di Pagolo. Ricordi / A c. di V.Branca. Firenze, 1956.
- Nencioni G. Fra grammatica e retorica. Un caso di polimorfia della lingua letteraria dal secolo XIII al XVI. Firenze, 1954.
- Poliziano A. // Scelta di poesie italiane di autori antichi / Pubblicate da A.Buttura. Parigi, 1822.
- Prosatori - Prosatori volgari del Quattrocento. / A c. di C.Varese. Milano-Napoli, 1955.
- Spongano R. Un capitolo di storia della nostra prosa d'arte. La prosa letteraria del Quattrocento. Firenze, 1941.
- Vespasiano da Bisticci. Le Vite. Firenze, 1976. Т.И.

Vitale M. Le origini del volgare nelle discussioni dei filologi del '400 // *Lingua Nostra*, XIV, fasc.3, 1953, settembre.